ОБ
30
М69
Сев. Кр.
Михайлов.
Очерки...

Михайлов А.

Очерки природы и быта...

DB
30сев.кр.
M69

6800

ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ И БЫТА

БѢЛОМОРСКАГО КРАЯ РОССІИ.

ДБ
30 Сев. кр
М 69

ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ И БЫТА БѢЛОМОРСКАГО КРАЯ РОССІИ.

ОХОТА ВЪ ЛѢСАХЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

А. МИХАЙЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ретгера и Шнейдера, Невск. просп. № 5.
1868.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

531486

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ недавняго времени, Сѣверъ Россіи обратилъ на себя серьезное вниманіе людей, задавшихся благородною цѣлью поднять благосостояніе его населенія путемъ всесторонняго обсужденія вопросовъ, касающихся улучшенія быта въ земледѣльческомъ, торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ [1]). Безотлагательная потребность въ дѣлѣ способствованія благосостоянію Сѣвернаго края Россіи вызывается еще настоятельнѣе въ настоящее время, послѣ того, какъ большинство его населенія, вслѣдствіе всеобщаго неурожая прошедшаго года, подверглось страшнымъ бѣдствіямъ голода.

Я не вхожу въ Очеркахъ моихъ въ спеціальное разсмотрѣніе причинъ, обусловливающихъ ту низкую степень благосостоянія, на которой стоитъ большинство населенія Бѣломорскаго края Россіи, равно какъ не указываю и на средства для его улучшенія. Изданіемъ книги моей руководило желаніе ознакомить читателей съ характеристическими особенностями природы этого края и тѣми сторонами быта Русскаго, Корельскаго, Лопарскаго и Самоѣд-

[1]) Я имѣю въ виду «Бесѣды о Сѣверѣ Россіи» III Отдѣленія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

скаго его населенія, которыя носятъ на себѣ слѣды несо
мнѣннаго и неотразимаго ея вліянія. Что же касается до
занимательной вообще формы охотничьяго разсказа, то я
выбралъ ее для Очерковъ моихъ не безъ цѣли: охота на
лѣснаго звѣря и птицу составляетъ весьма важное подс
спорье въ средствахъ жизни крестьянина Архангельской
губерніи, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ея едва ли не
единственный ихъ источникъ.

У насъ переводятся и издаются книги въ родѣ разска
зовъ извѣстнаго Майнъ-Рида объ охотѣ на африканскихъ
и американскихъ звѣрей и птицъ, разсказы явно вымы
шленные, мѣстами не въ мѣру растянутые и въ бо́льшей ча
сти случаевъ, въ нихъ описываемыхъ, невѣроятные. Прав
да, читаются они съ большимъ интересомъ и сообщаютъ
не мало полезныхъ естественно-историческихъ свѣдѣній
Но ознакомленіе съ животнымъ и растительнымъ міромъ
Африки и Америки должно бы, кажется, идти рука объ
руку съ изученіемъ отечественной природы. У насъ не
мало можно встрѣтить людей, хорошо знакомыхъ съ Даль
нимъ Западомъ (Far-West) Сѣверной Америки, и вмѣстѣ
съ тѣмъ о Сѣверѣ Россіи имѣющихъ очень смутное, чрез
вычайно неопредѣленное понятіе. Иной изъ нихъ разска
жетъ о томъ, какіе люди, звѣри и птицы живутъ напр
въ странахъ Центральной Африки, а между тѣмъ наивно
распрашиваетъ о Самоѣдахъ, поѣдающихъ другъ друга
о бѣлыхъ медвѣдяхъ, расхаживающихъ, будто бы, по ули
цамъ г. Архангельска...

Считаю излишнимъ много говорить о томъ, что Очерки
мои сложились по личнымъ моимъ впечатлѣніямъ, и что
слѣдовательно, отъ нихъ нельзя требовать той полноты,
которая составляетъ одно изъ существенныхъ условій
научнаго изложенія предмета. Въ нихъ вошли тѣ только

стороны природы и быта описываемаго мною края, которыя обратили на себя мое вниманіе. Что же касается до историческихъ, географическихъ и другихъ свѣдѣній, встрѣчающихся въ Очеркахъ, то онѣ внесены мною на столько, на сколько требовалось это при описаніи той или другой мѣстности.

Предлагаемые мною Очерки, по мѣстностямъ, въ нихъ описываемымъ, большею частью не выходятъ изъ предѣловъ западныхъ береговъ Бѣлаго моря, болѣе населенныхъ, а потому и болѣе интересныхъ, въ сравненіи съ восточными его прибрежьями и обширнымъ, но пустыннымъ Печорскимъ краемъ, хотя и они заслужили бы особаго ряда очерковъ. Но появленіе ихъ въ свѣтъ обусловливается пріемомъ нынѣ предлагаемыхъ.

Я обхожу обрядовую сторону быта населенія Бѣломорскаго края Россіи, не представляющую, впрочемъ, ничего особеннаго, такъ какъ она болѣе или менѣе извѣстна уже изъ разсказовъ и описаній, посвященныхъ этому предмету.

Морскихъ промысловъ касался я на столько, на сколько входило это въ мою программу, тѣмъ болѣе, что желающіе ознакомиться съ подробностями объ ихъ производствѣ могутъ найти ихъ въ извѣстной книгѣ Г. Максимова «Годъ на Сѣверѣ».

Слова и выраженія изъ мѣстнаго говора обозначены въ текстѣ курсивомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ объяснены въ примѣчаніяхъ.

А. Михайловъ.

С.-Петербургъ.
15 Марта 1868 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

СІЙСКІЙ МОНАСТЫРЬ СВ. АНТОНІЯ.

Внѣшній видъ монастыря. — Монастырскія церкви. — Портретъ Патріарха Филарета. — Книгохранилище. — Замѣчательнѣйшія рукописи. — Преданіе о чудовищной щукѣ. — Видъ на монастырь со стороны почтовой дороги; его окрестности . . 1

ВАВЧУГА.

Село Вавчуга. — Его мѣстоположеніе. — Преданіе о Петрѣ Великомъ и о купцѣ Баженинѣ. — Дорога къ лѣсному озеру. — Бѣлки. — Глухой тетеревъ. — Лѣсное озеро. — Коршунъ и щука. — Ловля рыбы зимою въ лѣсныхъ озерахъ. — Лѣсной пожаръ. — Отчего горятъ лѣса? — Медвѣдь-шестунъ 11

КУРОСТРОВЪ.

Г. Холмогоры. — Его окрестности. — Островные поемные луга. — Охота на дупелей. — Куростровъ. — Мѣстныя преданія о Ломоносовѣ. — Ночной промыселъ семги. — Поплавь и ея устройство. — Ельники. — Преданіе о чудскомъ богѣ Іомалѣ . 24

СЕРГОЗЕРО.

Дорога къ Сергозеру. — Ходьба на лыжахъ. — Лѣсъ въ зимнюю пору. — Птица пукша. — Гоньба за дикими оленями. — Ночлегъ въ лѣсу. — Лѣсная избушка. — Медвѣди на привадѣ. — Лѣсъ въ ночное время. — Продолженіе гоньбы за дикими оленями. — Сергозеро. — Преданіе объ Орлѣ. — Россомаха . . . 41

РѢКА ЛАЯ.

СТР.

Общій характеръ лѣсныхъ рѣкъ Архангельской губерніи.— Рѣка Лая.— Стружокъ.— Берега Лаи.— Медвѣдь и лошадь.— Лѣсъ лѣтомъ въ ночную пору.— Охота на медвѣдей.— Лѣсники.— Выдра 57

КНЯЖОСТРОВЪ.

Переѣздъ по С. Двинѣ отъ Архангельска до Княжострова.— Княжостровскіе хвосты.— Кулики побережники.— Морская сорочка.— Ревухи.— Околодокъ Ягодникъ.— Охота на утокъ.— Гагарки.— Селезни.— Кутовая рѣчка.— Луговыя мыши.— Гоголи.— Утка плотоносъ.— Видъ на островъ и его окрестности съ берега Двины 72

НИКОЛЬСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

С. Двина во время вскрытія.— Переѣздъ отъ Архангельска до Никольскаго монастыря.— Низменные двинскіе острова.— Веретья; причины ихъ образованія.— Турухтаны.— Мѣстоположеніе Никольскаго монастыря.— Гавань Св. Николая.— Настоящее положеніе монастыря и его средства.— Портретъ Маѳы Посадницы.— Охота на дикихъ гусей съ собакою.— Окрестности монастыря. 85

НЕНОКОТСКІЙ ПОСАДЪ.

Переѣздъ отъ Архангельска до Неноксы.— Ненокотскія соловарни.— Ихъ устройство и способъ выварки соли.— Окрестные лѣса.— Шалга.— Медвѣдь на путикѣ.— Охота на рябчиковъ.— Мѣстоположеніе Ненокотскаго посада.— Морошка.— Сюзьма.— Англійскій пароходъ „Миранда“ 95

МОРСКІЯ ПРИБРЕЖЬЯ ОНЕЖСКАГО УѢЗДА.

Береговая дорога.— Куйпуга.— Подвижные пески.— Морское сало.— Ронаки.— Прибрежные камыши.— Морской заяцъ въ рѣчкѣ.— Зубья.— Конушинскій промыселъ.— Савкаулы.— Прыгающая семга.— Кривка.— Бѣлухи въ Кандалакской Губѣ.— Комары 110

МОРСКІЕ ОСТРОВА.

Лѣтній ландшафтъ Бѣломорскаго прибрежья.— Морской заяцъ.— Малые прибрежные острова.— Луды.— Большіе острова.— Промысловая избушка.— Сельди, загнанныя въ берегъ сѣрками 122

СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

стр.

Колоколъ, присланный въ даръ монастырю Государемъ Императоромъ Александромъ II.— Переѣздъ отъ Архангельска до монастыря на пароходѣ. — Монастырская бухта. — Внѣшній видъ монастыря. — Гостинницы. — Монастырская стѣна. — Ризница. — Трапеза. — Сѣдящій Іисусъ. — Анзерскій скитъ и Голгоѳа.— Чайки и ворона.— Монастырь въ зимнюю пору. 132

СУМСКІЙ ПОСАДЪ.

Переѣздъ изъ Соловецкаго монастыря въ Сумскій посадъ.— Внѣшній видъ посада. — Бытъ сумскаго мѣщанина-судохозяина.—Отношенія его къ работнику.—Бѣломорская треска.— Кярчь и навага. — Охота на журавлей. 146

КЕМСКІЕ ПОРОГИ.

Г. Кемь. — Его мѣстоположеніе. — Рѣка Кемь подъ городомъ.— Общій характеръ рѣкъ Кемскаго уѣзда. — Охота на тетеревовъ.— Воронина.— Пудожинскій порогъ.— Ловля семги въ заборахъ. — Заборъ и его устройство. — Птица-рыболовъ. — Утка, гнѣздящаяся въ дуплахъ. — Достопримѣчательности г. Кеми. 158

КОЛЬСКАЯ КОРЕЛА.

Кольская Корела.— Общій характеръ этого края.— Дорога къ Кундозерскому селенію. — Гнѣзда утки алейки. — Корельская изба.— Приключеніе въ лѣсу.— Кундозерское селеніе.— Бытъ Корелака. — Нявозеро. — Охота на лебедей 173

К Е Р Е Т Ь.

Переѣздъ моремъ въ почтовомъ карбасѣ.—Мѣстоположеніе Керети.— Св. Варлаамъ, Керетскій Чудотворецъ. — Китъ, выброшенный на берегъ. — Косатки. — Окрестности Керети. — Чайки и морской соколъ. — Керетскія собаки. — Охота на сѣменухъ. — Эпизоды изъ жизни керетскаго промышленника. . 190

К О В Д А.

Мѣстоположеніе Ковскаго селенія. — Ковскій порогъ. Преданіе, связанное съ этимъ порогомъ. — Крестьянинъ, опускающійся въ порогъ. — Волки въ Кольской тундрѣ. — Волкъ великанъ. — Охота на куницъ. — Ласка 203

КОЛА.

СТР.

Г. Кола. — Ѣзда въ керёжѣ. — Станція въ Лопарской тундрѣ. — Сѣверное сіяніе. — Озеро Имандра. — Масельскій погостъ.—Лопари и ихъ бытъ.—Тундра въ ясный зимній день.—Рѣка Кола.—Лисица-сиводушка.—Охота на лисицъ.—Лисица на привадѣ. — Кольская Губа. — Кола. — Кольскіе мѣщане. — Акула Ледовитаго Океана. 214

МУРМАНСКІЙ БЕРЕГЪ.

Мурманскій берегъ зимою. — Переѣздъ по Океану въ шнякѣ. — Становище. — Покручники. — Полярная куропатка. — Песцы. — Цинга. — Ярусъ и его устройство. — Рыбная ловля на отмеляхъ.—Треска и палтасъ.—Становище зимою.—Мурманскіе Лопари. — Бури въ Ледовитомъ океанѣ. — Св. Носъ. 239

МЕЗЕНСКАЯ ТУНДРА.

Общій характеръ тундры.—Ямщикъ-Самоѣдъ. — Бѣлая куропатка. — Охота на куропатокъ въ лѣсахъ Архангельскаго уѣзда. — Рысь. — Вьюга. — Самоѣдскій чумъ. — Тундра на другой день послѣ вьюги. — Самоѣдскія собаки. — Самоѣды у зарѣзаннаго оленя. — Замороженная водка. — Самоѣды подъ Архангельскомъ. — Возвращеніе на станцію 253

ПИНЕЖСКІЕ ЛѢСА.

Г. Пинега.—Окрестные лѣса.—Медвѣжьи берлоги.—Охота на медвѣдя съ рогатиной.—Разсказъ промышленника-крестьянина о трехъ медвѣдяхъ въ берлогѣ. — Черный медвѣдь . . 269

СІЙСКІЙ МОНАСТЫРЬ Св. АНТОНІЯ.

Внѣшній видъ монастыря. — Монастырскія церкви. — Портретъ Патріарха Филарета. — Книгохранилище. — Замѣчательныя книги и рукописи. — Преданіе о чудовищной щукѣ. — Видъ на монастырь со стороны почтовой дороги; его окрестности.

Въ восьми верстахъ отъ Сійской станціи [1]). ямщикъ мой остановилъ лошадей, снялъ шапку и перекрестился.

— Гдѣ же монастырь? спрашиваю я у него.

— Да вонъ тамъ, отвѣчалъ онъ, указывая рукою вправо.

Я слѣзъ съ телѣги, отошелъ немного въ сторону, и тутъ только увидѣлъ главы монастырскихъ церквей, показавшіяся изъ-за густой зелени столѣтнихъ березъ. Еще нѣсколько шаговъ впередъ, и передо мною открылась дорога, или скорѣе, аллея, ведущая прямо къ Св. Воротамъ. Изъ монастыря не доносится ни одного звука, нигдѣ не видать ни души. Вхожу въ монастырскую ограду. Направо — настоятельскія кельи, помѣщающіяся въ каменномъ двухэтажномъ домѣ старинной постройки, налѣво — кельи монас-

[1]) По Петербургскому почтовому тракту, въ 162-хъ верстахъ отъ Архангельска.

тырской братіи, растянутое, довольно низкое строеніе, впереди — нѣсколько каменныхъ пятиглавыхъ церквей, при нихъ колокольни, съ высокими коническими шпицами, обложенными бѣлою известковою плитою. Кругомъ ограда, частью каменная, частью деревянная, срубомъ опускающаяся въ озеро.

Но вотъ изъ кельи выходитъ монахъ и приглашаетъ меня войти въ церковь.

— Здѣсь почіютъ мощи Св. Антонія, замѣтилъ онъ мнѣ, когда я всходилъ на церковный помостъ.

Мы вошли въ Соборную церковь. Высокіе темные своды, четырехугольныя массивныя колонны, обставленныя образами, рѣзной, когда-то золоченый, но теперь потемнѣвшій иконостасъ, поднимающійся до самыхъ сводовъ и вѣнчающійся распятіемъ, — все это отзывается глубокою стариною, напоминая собою XVI вѣкъ. Направо отъ царскихъ вратъ, вблизи иконостаса, помѣщается рака Св. Антонія. Мощи его почіютъ подъ спудомъ. Я приложился къ образу Святаго и остановился у клироса, унося мыслью въ минувшіе вѣка. Здѣсь, думалъ я, жилъ, молясь и трудясь, одинъ изъ тѣхъ восторженныхъ, преданныхъ Богу людей, которыми насаждалось и хранилось слово Божіе на Руси. И вотъ воображеніе вызываетъ изъ мрака отдаленныхъ временъ образъ благочестиваго инока, пришедшаго въ эти пустыни, до того почти безлюдныя, непроходимыя [1]); онъ молится день и ночью; вокругъ идетъ молва о благо-

[1]) Св. Антоній пришолъ сюда изъ Твери въ 1520 г.

честивой жизни спасающагося старца; около него собирается братія, строится церковь, — и безмолвная до того пустыня оглашается колокольнымъ звономъ. Здѣсь, думалъ я, поминались имена побіенныхъ при Грозномъ, здѣсь молились за упокой души злосчастнаго сына его. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, стоялъ и молился инокъ Филаретъ, будущій Патріархъ Московскій. Исполненный воспоминаній о минувшемъ, отошелъ я отъ раки Преподобнаго.

При выходѣ изъ собора, монахъ указалъ мнѣ на какой-то предметъ, съ перваго взгляда очень похожій на толстый обрубокъ дерева. Я осмотрѣлъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, кость, но какая, и какого животнаго, рѣшить трудно. Монахъ разсказалъ о ней цѣлую легенду. Когда-то, много лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ ближайшихъ къ монастырю озеръ появилась огромная щука, и стала пожирать людей и скотъ, схватывая ихъ въ берегу. Ее поймали. Щука, дѣйствительно, была чудовищная, судя по оставшейся отъ нея косточки. Трудно вѣрится всему этому. Впрочемъ, вѣдь это только легенда.

Подъ одной изъ монастырскихъ церквей [1]), при которой помѣщается трапеза и келарская, показали мнѣ палатку, бывшую нѣкогда кельею Филарета. Рядомъ съ нею погреба и подвалы. Келья очень походитъ на темницу.

Въ упомянутомъ выше каменномъ двухэтажномъ домѣ, въ одной изъ комнатъ такъ называемаго архіерейскаго

---

[1]) Церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

помѣщенія [1]), видѣлъ я портретъ Филарета, присланный имъ въ даръ монастырю, уже въ бытность его патріархомъ [2]). Думалъ ли онъ, сидя въ своемъ заточеніи, что въ монастырѣ, служившемъ для него мѣстомъ ссылки, будутъ потомъ величать его Патріархомъ Московскимъ и всея Руси!

Мнѣ хотѣлось заглянуть въ монастырское книгохранилище. Оно помѣщалось въ одной изъ колоколенъ. По узкой каменной лѣстницѣ, проведенной въ стѣнѣ, поднялись мы до втораго яруса колокольни и вошли въ небольшую, довольно темную комнату. Библіотека оказалась очень скудна рукописями и книгами. Изъ нихъ болѣе древнія и болѣе замѣчательныя уже приведены въ извѣстность, благодаря Археографической Коммиссіи и трудамъ извѣстныхъ членовъ ея, Строева и Бередникова, посѣтившихъ, въ числѣ прочихъ монастырскихъ библіотекъ сѣвернаго края Россіи, и библіотеку Сійскаго монастыря. Тѣмъ не менѣе, я не хотѣлъ оставить ее, не заглянувъ въ нѣкоторыя, хранящіяся въ ней рукописи. Услужливый монахъ, сопровождавшій меня, вручилъ мнѣ одну изъ нихъ. То была „Служба Преподобному Чудотворцу Антонію“, сочиненія Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Іоанна Іоанновича. Рукопись писана въ полдесть

---

[1]) Оно предназначается для архангельскихъ епископовъ, удаляющихся сюда на покой.

[2]) Здѣсь же видѣлъ я портретъ Марѳы Посадницы, но о немъ я буду имѣть случай говорить въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ.

полууставнымъ чистымъ письмомъ. На послѣднемъ листѣ уставнымъ письмомъ надпись слѣдующаго содержанія: „написася сіе послѣдованіе, стихиръ и канонъ Преподобному и Богоносному отцу нашему Антонію Сійскому Чудотворцу повелѣніемъ благочестиваго и христолюбиваго государя нашего и великаго князя Іоанна Васильевича всей Русіи сыномъ его государевымъ благовѣрнымъ государемъ царевичемъ и виликимъ княземъ Іоанномъ Іоановичемъ, по благословенію преосвященнаго митрополита Антоніа всеа Россіи и благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ лѣта 7087 (1579)“. Я прочелъ канонъ Преподобному. Какая начитанность въ книгахъ религіознаго содержанія, какое глубокое проникновеніе духомъ ихъ! Каждая строка дышетъ благочестіемъ и набожностью. „Азъ же, пишетъ царевичь въ концѣ канона, любовію ко святому подвизаемъ, написахъ и двѣ пѣсни“. Въ этихъ немногихъ словахъ заключается лучшая характеристика литературной дѣятельности злосчастнаго сына Іоаннова, не могшей принять иного направленія при господствовавшемъ въ то время исключительно-религіозномъ характерѣ образованія.

Я передалъ монаху рукопись. Онъ подалъ мнѣ другую. Это была грамата царя Бориса Ѳеодоровича, принадлежащая къ числу тѣхъ немногихъ источниковъ, которые знакомятъ насъ съ одною изъ замѣчательныхъ личностей, дѣйствовавшихъ въ темную эпоху самозванцевъ, — съ личностію Филарета Никитича. Въ 1599 году, въ царствованіе Бориса Годунова, присланъ былъ, какъ извѣстно,

въ Сійскій монастырь боярин Ѳеодоръ Никитичь Романовъ, съ повелѣніемъ застричь его въ монашество. Его застригли, и при постриженіи нарекли Филаретомъ. Упомянутая грамата говоритъ о строгомъ его въ монастырѣ содержаніи. „А буде, пишетъ, между прочимъ, царь Борисъ игумену монастыря Іонѣ, ограда около монастыря худа и ты бы ограду велѣлъ подѣлати, безъ ограды монастырю быти не пригоже, и межъ келій двери задѣлати, а которые люди учнутъ къ тебѣ приходити въ переднюю келію, а старецъ бы (Филаретъ) въ ту пору былъ въ комнатѣ или чуланѣ, а незнаемыхъ бы людей къ себѣ не пущалъ и нигдѣ бы старецъ Филаретъ съ прохожими людьми ни съ кѣмъ не сходился, а обо всемъ бы еси бережены старца Филарета, разсматривая его, совѣтовалъ бы съ Богданомъ Воейковымъ (приставленнымъ къ Филарету для надзора), чтобы старецъ Филаретъ *въ смуту не пришелъ и изъ монастыря бы не убѣжалъ*“.

Грамата за подписью дьяка Аѳанасья Власова, отъ 22-го марта 1605 года, слѣдовательно отправлена была въ монастырь незадолго то того времени, когда Филаретъ освобожденъ былъ по повелѣнію самозванца Григорія Отрепьева.

Выходя изъ монастырской ограды, я замѣтилъ въ сторонѣ, подъ навѣсомъ, огромный, но уже довольно ветхій неводъ.

— Гдѣ вы ловите имъ рыбу? спросилъ я у провожавшаго меня монаха.

— Прежде ловили, теперь нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

На языкѣ вертѣлся вопросъ, *почему*, но я не спросилъ,

увидавъ за озеромъ, на горѣ, деревню, когда-то, вмѣстѣ со многими другими, принадлежавшую монастырю; не спросилъ и потому, что не могъ не замѣтить почти на каждомъ шагу встрѣчавшуюся бѣдность когда-то богатаго, владѣвшаго большими средствами монастыря [1]).

Было около девяти часовъ вечера, когда я оставилъ монастырь и отправился далѣе. Вечеръ былъ превосходный: тепло, тихо, на небо ни одного облачка. Мы обогнули монастырь съ сѣверной стороны, совсѣмъ потеряли его изъ виду, и стали подниматься въ гору. Направо отъ дороги, сквозь лѣсную чащу, замелькало озеро. Но вотъ усталыя лошади кое-какъ встащились на гору, и глазамъ моимъ предстала великолѣпная, дивная картина, одна изъ тѣхъ картинъ, которыя глубоко отпечатлѣваются въ душѣ человѣка и остаются въ ней навсегда. Передо мной растилалась гладкая поверхность озера. Ярко, какъ въ зеркалѣ, отражало оно въ себѣ весь монастырь, съ его блестѣвшими на солнцѣ бѣлыми церквами, колокольнями и оградой. Казалось, монастырь опрокинулся въ озеро, и раздвоился. Огромныя ели и сосны, перемѣшиваясь съ еще болѣе громадными лиственицами, и справа и слѣва, сплошною массою, обступали крутые, высокіе берега озера, ярко отразившись на его зеркальной поверхности. За монастыремъ, на горѣ, зарывшись въ боръ, лѣ-

[1]) Монастырь Св. Антонія имѣлъ до 3500 крестьянъ, и ему подчинено было пять монастырей. Иванъ Васильевичъ Грозный далъ большіе вклады, приказывая поминать убитаго имъ сына Ивана и опальныхъ людей, казненныхъ по его повелѣнію.

пится деревушка. Около нея, кой-гдѣ, проглядываетъ яркая зелень полей. И монастырь, и вода, и лѣсъ, — все облито золотистыми лучами заходящаго солнца. Дневной жаръ смѣнился вечернею прохладой. Кругомъ глубокая тишина. Вдругъ раздается звонъ колокола. Это монастырскіе часы. Эхо вторитъ ему, — и вотъ одинъ за другимъ понеслись по пустыннымъ окрестностямъ, изъ озера въ озеро, изъ бора въ боръ, серебряные звуки, переливаясь, перекатываясь, и мало по малу замирая вдали. Какъ очарованный, стоялъ я неподвижно на мѣстѣ: глазъ не можетъ оторваться отъ этой дивной картины. Смотришь, и не насмотришься. И у насъ, думалъ я, не найдется художника, который потрудился бы заглянуть въ этотъ уединенный, но высоко-живописный уголокъ, чтобъ положить его на полотно!

Говорятъ, Императоръ Александръ Благословенный, проѣздомъ въ Архангельскъ [1]), на этомъ самомъ мѣстѣ приказалъ остановиться, вышелъ изъ коляски и долго любовался представившимся ему видомъ.

Мы отправились далѣе, но монастырь не оставлялъ насъ. То скроется за чащею растущаго по окраинамъ дороги лѣса, то вновь покажется во всей красотѣ своей. Снова остановишься, и снова любуешься. Дорога идетъ по возвышенности, представляющей собою какъ бы искусственную насыпь. По сторонамъ глубокіе, крутые овраги, густо поросшіе ельникомъ и сосняком. Громадныя де-

[1]) Въ 1819 г.

ревья спускаются въ нихъ и вершинами своими едва равняются съ дорогою. Куда ни посмотришь, и вправо, и влѣво, вездѣ сквозь лѣсную чащу мелькаютъ озера. Говорятъ, ихъ здѣсь до семидесяти, и всѣ онѣ соединяются между собою. Вотъ, влѣво отъ меня, растуманются деревья, и передо мной гладкая поверхность озера. Кругомъ глухой боръ. Высокія стройныя ели, поднимаясь одна надъ другой, подходятъ къ самому берегу озера и придаютъ ему мрачный, но вмѣстѣ съ тѣмъ живописный видъ. Вонъ тамъ стоятъ онѣ сплошною стѣной, образовавъ собою проходъ въ другое, смежное озеро. Вы видите только часть его синѣющейся поверхности.

Между тѣмъ ямщикъ взялъ вправо, и передо мной неожиданно очутилось озеро. Нужно было спуститься подъ гору, а дорога, повидимому, вела прямо въ озеро. — Куда ты! куда ты! кричалъ я ямщику, ужъ черезъ чуръ бойко спускавшему лошадей, но ямщикъ не слушалъ, круто повернулъ влѣво, и мы снова стали подниматься въ гору, оставивъ въ сторонѣ напугавшее меня озеро. Говорятъ, въ прежнія времена, на этомъ самомъ мѣстѣ, грабили проѣзжихъ. „Пошаливали“, какъ выразился мой ямщикъ. И кто же? Народная молва указываетъ на монастырскихъ служителей. Конечно, это было не въ цвѣтущую пору существованія монастыря. „Да, думалъ я, посматривая и на темное озеро, и на крутые спуски, и на глухой, почти непроходимый боръ, — мѣсто очень удобное для разбоя. И вотъ воображеніе рисуетъ мнѣ темную, ненастную осеннюю ночь, разбойниковъ,

сидящихъ въ засадѣ, несчастную жертву, въ образѣ безоружнаго куща... мнѣ слышится рѣзкій свистъ, страшный, раздирающій душу крикъ.... мнѣ слышится даже всплескъ воды отъ упавшаго въ нее тяжелаго, бездыханнаго тѣла....

Поднявшись на гору, я искалъ глазами монастыря, но его не было; должно быть, скрылся за лѣсомъ. Такъ проѣхали мы съ полверсты, и я мысленно уже прощался съ нимъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, онъ снова появился передо мной. Таже дивная красота, таже обаятельная прелесть картины! Монастырь уже не весь отражается въ водѣ: на него попадвинулся сосѣдній боръ, узкою, длинною полосой ушедшій въ озеро. Онъ не блеститъ уже ярко своими бѣлыми церквами, но конусообразныя вершины колоколенъ еще рѣзко выдѣляются на темномъ фонѣ отдаленнаго бора. И монастырь, и озеро, и боръ, — все утопало въ прозрачномъ золотомъ туманѣ іюньской сѣверной ночи.

Да, думалъ я, окончательно разставаясь съ монастыремъ, Св. Антоній былъ человѣкъ съ душою, глубоко сочувствовавшею красотамъ природы. И гдѣ, какъ не здѣсь, въ этихъ уединенныхъ, пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ на каждомъ шагу поражаешься величественными красотами, гдѣ, какъ не здѣсь отдаться всецѣло, и душою и сердцемъ, молитвѣ Богу, Ему, создавшему все это. И какъ соотвѣтствуютъ эти суровыя, но все таки живописныя мѣста той суровой, но полной самоотверженія жизни, которою запечатлѣно подвижничество святаго пустынника!

В А В Ч У Г А.

Село Вавчуга. — Его мѣстоположеніе. — Преданіе о Петрѣ Великомъ и купцѣ Баженинѣ. — Дорога къ лѣсному озеру. — Бѣлки. — Глухой тетеревъ. — Лѣсное озеро. — Коршунъ и щука. — Ловля рыбы зимою въ лѣсныхъ озерахъ. — Лѣсной пожаръ. — Отчего горятъ лѣса? — Медвѣдь-пестунъ.

Въ 83-хъ верстахъ отъ Архангельска, впадаетъ въ Сѣверную Двину, съ правой стороны, небольшая, но глубокая рѣчка Вавчуга. При устьѣ ея стоитъ село, одного съ нею наименованія, очевидно, финскаго происхожденія. Селеніе это замѣчательно въ настоящее время только по воспоминанію о холмогорскихъ купцахъ Ѳедорѣ и Осипѣ Баженныхъ, которымъ Петръ Великій довѣрилъ важное дѣло кораблестроенія. Какъ извѣстно, въ 1693 г. здѣсь, на берегу Двины, устроена была Баженными *первая* въ Россіи *купеческая верфь*, на которой выстроены были первые русскіе купеческіе корабли, ходившіе съ русскими товарами за море. Здѣсь же съ 1724 года, по указу Петра Великаго, строились и первыя русскія китоловныя суда. Въ настоящее время одинъ только оконечности свай,

торчащія въ берегу, указываютъ на мѣсто, гдѣ нѣкогда были доки [1]).

Лѣтомъ 185* года, проѣздомъ въ *Емецкое*, богатое торговое селеніе, лежащее при впаденіи въ Двину рѣки Емцы, 170-ти верстахъ отъ Архангельска, провелъ я нѣсколько дней въ Вавчугѣ, плѣнясь живописнымъ ея мѣстоположеніемъ и въ надеждѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать кой-какія свѣдѣнія о пребываніи здѣсь Петра Великаго. Селеніе расположено по склонамъ высокаго берега Двины. Особенно хорошъ видъ на него съ рѣки, чему много способствуетъ холмистая мѣстность. Поля и луга спускаются по прибрежнымъ склонамъ разноцвѣтными полосами: тамъ и сямъ уже пожелтѣвшія нивы перемежаются свѣтлою зеленью озимихъ всходовъ и темными пашнями, ярко отражаясь на зеркальной поверхности величаво протекающей подъ ними рѣки, а кругомъ темнозеленая безпредѣльно-широкая рама хвойнаго лѣса. Присоедините къ этой обстановкѣ рѣчку, свѣтлою полоскою извивающуюся межъ холмами, и я увѣренъ, что вы не миновали бы такой мѣстности и, навѣрное, заглянули бы въ этотъ живописный уголокъ двинскаго прибрежья.

Мѣстныхъ преданій о пребываніи въ Вавчугѣ Петра Великаго въ современномъ населеніи этой деревни не сохранилось никакихъ. Крестьяне, къ которымъ я обращался съ разпросами, не вѣдали даже о томъ, что нѣ-

[1]) Верфь Баженинныхъ закрыта была въ первой четверти настоящаго столѣтія. Изъ рода Баженинныхъ послѣдній, Никифоръ, въ званіи Архангельскаго купца, умеръ въ 1861 г.

когда въ селеніи ихъ проживалъ Петръ Великій, наблюдавшій за строившимися на верфи Бажениныхъ судами и лично присутствовавшій при ихъ спускахъ. Только въ Архангельскѣ одинъ изъ старожиловъ этого города, когда случайно зашла рѣчь о пребываніи въ Вавчугѣ Петра Великаго, сообщилъ мнѣ любопытный анекдотъ, сохранявшійся, по всей вѣроятности, въ фамиліи купцовъ Бажениныхъ, и отъ нихъ уже получившій извѣстность въ городѣ. Разъ Петръ, за веселою пирушкою, въ домѣ Баженина, похвалился, что остановитъ рукою вододѣйствующее колесо на бывшемъ тогда при верфи лѣсопильномъ заводѣ [1]). Сказалъ, и тотчасъ же отправился на лѣсопильню. Перепуганные приближенные тщетно старались отклонить его отъ задуманнаго имъ намѣренія. Вотъ наложилъ онъ могучую руку свою на спицу колеса, но въ тоже мгновеніе былъ поднятъ на воздухъ. Колесо, дѣйствительно, остановилось. Смѣтливый хозяинъ, зная хорошо характеръ Петра, успѣлъ распорядиться, чтобъ оно вовремя было остановлено. Петръ спустился на землю и, чрезвычайно довольный этимъ распоряженіемъ, поцѣловалъ Баженина, находчивость котораго дала ему возможность сдержать свое слово и вмѣстѣ съ тѣмъ избавила его отъ предстоявшей ему неминуемой гибели.

Слышалъ я еще въ деревнѣ *Гнѣвашевѣ* [2]), досихъ

---

[1]) Петръ Великій, какъ извѣстно, отличался необыкновенною силою. Разъ, въ Амстердамѣ, во время вѣтра, остановилъ онъ рукою вѣтряную мельницу, чтобъ разсмотрѣть ее.

[2]) Островъ, на которомъ расположена эта деревня, отдѣлялся,

поръ сохраняющееся преданіе о томъ, какъ Петръ, во время пребыванія своего на *Кегостровѣ* [1]), потѣшался надъ деревенскими бабами. Подплываетъ, бывало, невидимо для нихъ, опрокинетъ *карбасъ* [2]), да и давай вытаскивать ихъ потомъ изъ воды. Разумѣется, что *молока* [3]), съ которыми бабы ѣздили въ городъ на торгъ, пропадали, но царь щедро вознаграждалъ ихъ за понесенные ими въ такихъ случаяхъ убытки. Замѣчательно, что воспоминаніе объ этой царской потѣхѣ имѣетъ самый добродушный характеръ.

Къ Вавчугѣ, какъ и ко всѣмъ почти селеніямъ, расположеннымъ по берегамъ Двины, примыкаетъ глухой хвойный лѣсъ, раскинувшійся на огромныя пространства. Мнѣ хотѣлось побывать на лѣсныхъ озерахъ, лежащихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни. Взявъ съ собою проводника изъ мѣстныхъ крестьянъ и захвативъ ружье и удочки, отправился я въ одно прекрасное утро на ближайшее изъ этихъ озеръ. Проѣзжей дороги въ лѣтнюю пору къ нимъ нѣтъ. Ходятъ по тропинкамъ или *путикамъ*. По такому путику шли и мы, мѣстами съ трудомъ пробираясь сквозь лѣсную чащу. Дорогой встрѣчали очень много бѣлокъ. *Бѣлка* (Sciurus vulgaris) появилась въ

еще 50 лѣтъ тому назадъ, *проломъ* (проливомъ) отъ сосѣдняго Кегострова, лежащаго на Двинѣ противъ Архангельска. Теперь пролоя этого не существуетъ.

[1]) Здѣсь Петръ Великій стоялъ, обыкновенно, лагеремъ.

[2]) [3]) *Карбасъ* — лодка. *Молока* — множествен. чис. отъ молока, въ разныхъ видахъ: прѣсваго, свѣжаго (простокваша), кислаго и друг.

этотъ годъ повсемѣстно въ лѣсахъ Архангельскаго уѣзда въ огромномъ количествѣ. Должно быть, и она, подобно другимъ лѣснымъ звѣркамъ, совершала передвиженія, повторяющіяся, какъ извѣстно, періодически черезъ нѣсколько лѣтъ. Крестьянамъ промышленникамъ предстояла въ этотъ годъ къ осени добычливая на нее охота. Въ Архангельской губерніи, также какъ и въ сосѣднихъ съ нею Олонецкой и Вологодской, стрѣляютъ этого звѣрка въ голову, чтобъ не попортить шкурки [1]). Разсказываютъ, что есть между крестьянами такіе стрѣлки, которые бьютъ бѣлку въ глазъ. Не знаю, на сколько справедливы эти разсказы. Нужна большая мѣткость въ стрѣльбѣ, чтобъ попасть и въ голову этому маленькому изворотливому звѣрку, и зоркій, привычный глазъ, чтобъ запримѣтить его въ густой листвѣ ели или сосны, хотя, впрочемъ, собака обыкновенно и приводитъ охотника къ дереву, на которомъ онъ скрывается.

Но вотъ мы уже въ полуверстѣ отъ озера. Какая-то большая птица, съ страшнымъ шумомъ и хлопаньемъ крыльевъ, поднялась вблизи насъ, съ трудомъ продираясь сквозь лѣсную чащу, но выстрѣлъ мой остановилъ ее на лету. Тяжело упала она на землю. То былъ—большой тетеревъ *глухарь* (Tetrao urogallus). Птица эта водится повсемѣстно въ лѣсахъ Архангельской губерніи, держась большею частью въ самыхъ глухихъ мѣстахъ. Не даромъ и прозвали ее глухаремъ. Общепринятое мнѣніе, будто

[1]) Пулькою изъ мелкокалиберной винтовки.

глухарь глухъ, ошибочно: птица эта очень чутка. Встрѣчается онъ, въ сравненіи съ обыкновеннымъ тетеревомъ, *косачемъ*, гораздо рѣже. Самка его, *пеструха*, по мѣстному говору, встрѣчается чаще. Держится, подобно самцамъ, въ глухихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, *шалахъ*, вдали отъ жилья.

По сторонамъ, мѣстами, попадались большіе муравейники, въ сажень вышиною. Одинъ изъ нихъ курился. Кто-то зажегъ его. Сильный острый запахъ муравьиной жидкости, которую, какъ извѣстно, муравьи выдѣляютъ изъ себя, обороняясь, заглушалъ собою запахъ тлѣвшей хвои. Должно быть, они тушили пожаръ и храбро лѣзли въ огонь, погибая тысячами. „Это ребятки наши балуютъ“, сказалъ проводникъ мой, когда я выразилъ недоумѣніе, кто бы это могъ зажечь муравейникъ. Но такая шалость легко можетъ быть причиною лѣснаго пожара.

Вотъ деревья стали замѣтно мельчать и рѣдѣть. Вдали показывался просвѣтъ. Озеро, къ которому мы подходили, лежало въ тряскихъ мшистыхъ берегахъ. Только въ одномъ мѣстѣ, на противоположномъ берегу, боръ вдался въ него острымъ мысомъ. И озеро, съ его тёмною гладью, и лѣсъ, еще болѣе темный, стѣною подступавшій къ нему со всѣхъ сторонъ, смотрѣли мрачно, невольно поражая своимъ суровымъ характеромъ. Мы стояли на берегу, но до воды добраться было не легко. Передъ нами было сажень на десять *зыбуна* [1]), еще не на столько плотнаго,

---

[1]) Зыбунъ — трясина.

чтобъ по немъ можно было пройти безъ помощи *кладокъ*. Такимъ зыбуномъ затягиваются берега почти всѣхъ лѣсныхъ озеръ Архангельскаго и другихъ, южнѣе лежащихъ уѣздовъ. Утолщаясь и въ тоже время разрастаясь въ окружности, онъ затягиваетъ понемногу озеро равномѣрно со всѣхъ сторонъ, и, наконецъ, что совершается, конечно, въ очень продолжительный періодъ времени, затянетъ его совершенно. Пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и на поверхности такого зыбуна покажется *ягодникъ* [1]), за нимъ явится мелкій березнякъ, а наконецъ вырастетъ и ель. Дерево это, впрочемъ, достигнувъ незначительной высоты, падаетъ, будучи не въ состояніи удержаться на жидкой еще почвѣ, и тѣмъ, конечно, способствуетъ ея утолщенію. Не одна сотня лѣтъ должна пройти, прежде чѣмъ озеро это осушится окончательно и обратится въ *рѣду*, съ твердою почвою, на которой растетъ уже довольно высокій хвойный лѣсъ.

По бревешкамъ, собраннымъ нами въ опушкѣ лѣса, прошли мы на самый край трясины, замѣтно подававшейся подъ нашими ногами. Подъ нею была страшная глубь, но, несмотря на то, вода въ озерѣ на столько прозрачна, что можно было видѣть, какъ окунь (Perca fluviatilis *L.*) и *сорога* [2]) (Leuciscus rutilus *L.*) большими стаями подплывали къ нашимъ удочкамъ и жадно брались за наживку. Только успѣвай вытаскивать. По временамъ, большія щуки

---

[1]) Клюква, морошка и другая болотная ягода.

[2]) *Сорога*—плотва.

Государств. Публичная историческая библиотека

(Esax lucius *L.*), гоняясь за мелкою рыбою, подплывали къ окраинѣ трясины и скрывались подъ нею. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за ними, какъ вдругъ сильный всплескъ воды, раздавшійся въ сторонѣ, прервалъ мое наблюденіе. Большой коршунъ (Haliaëtus ossifragus *L.*), давно уже плавно носившійся надъ озеромъ, неожиданно очутился на водѣ и сильно билъ крыльями, порываясь подняться вверхъ. Вотъ онъ скрылся подъ водою, но тотчасъ же показался снова, издавая хриплые, отчаянные крики. Еще нѣсколько разъ затѣмъ опускался онъ въ воду, показывался на ея поверхности, быстро удаляясь отъ насъ на средину озера, и, наконецъ, исчезъ въ глуби его безвозвратно. То, о чемъ я читалъ когда-то въ одномъ Путешествіи по Америкѣ, совершилось на нашихъ глазахъ. Коршунъ, промышляющій, какъ извѣстно, и рыбою, въ этотъ разъ опустился на щуку, которая пришлась ему не подъ силу. Глубоко запустивъ въ нее свои острые когти, онъ не могъ уже высвободить ихъ, а подняться съ нею на воздухъ былъ не въ состояніи. Сильная рыба увлекла его на дно озера. Замѣчательно, что щуки, въ такихъ случаяхъ, не пропадаютъ. Разъ, слышалъ я, поймана была въ одномъ изъ лѣсныхъ озеръ огромная щука: въ спинѣ у нея еще торчали лапы хищной птицы. И этому можно повѣрить, принявъ въ соображеніе необыкновенную живучесть и долговѣчность этой рыбы.

Лѣсныя озера Архангельскаго уѣзда очень богаты рыбою. Щука, налимъ, окунь и плотва водятся въ нихъ во

множествѣ, но тонкіе берега, а также *кокоры* [1]) и цѣлыя деревья, лежащія на днѣ такихъ озеръ, не дозволяютъ ловить рыбы ни неводомъ, ни *бродневъ* [2]). Удочки же у крестьянъ вообще не въ употребленіи: они считаютъ ужение рыбы чѣмъ-то въ родѣ забавы и предоставляютъ это своимъ ребятишкамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ловля рыбы по лѣснымъ озерамъ производится *мордами* [3]) и мережками.

Много рыбы пропадаетъ за зиму въ иныхъ небольшихъ и не очень глубокихъ лѣсныхъ озерахъ, особенно когда зима бываетъ слишкомъ сурова и продолжительна. Вода въ такихъ озерахъ, не освѣжаемая воздухомъ въ продолженіи слишкомъ шести мѣсяцевъ, естественно, должна *задохнуться*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рыба. Въ иныхъ мѣстахъ съ такихъ озеръ крестьяне вывозятъ по зимамъ рыбу возами. Разъ, въ концѣ февраля, отправился я съ однимъ знакомымъ мнѣ священникомъ на ближайшее къ селу лѣсное озеро. Пріѣхали мы на рыбную ловлю, но ни сѣтей, ни удочекъ съ нами не было. Стали рубить прорубь. Толщина льду была неимовѣрная: уже прорубили на полтора аршина, но вода еще не показывалась. Впрочемъ, прорубь и не должна быть сквозною, такъ какъ въ ней

---

[1]) *Кокоры* — общее наименованіе всякаго хлама, лежащаго на днѣ лѣснаго озера, преимущественно же пней и коренья.

[2]) Небольшой неводокъ, которымъ крестьяне Архангельскаго уѣзда ловятъ рыбу въ берегахъ, заходя въ воду по горло.

[3]) *Морда* отличается отъ мережи тѣмъ, что плетется не изъ веревочекъ, а изъ ивовыхъ прутьевъ (лозы), и всегда въ одинъ ярусъ.

продалбливается другая, меньшая, уже сквозная. Не скоро и не легко было сдѣлать это, но вотъ еще два, три удара *пешнею* [1]), и красноватая затхлая вода, брызнувъ фонтаномъ, стала наполнять ледяной бассейнъ. Часа четыре спустя, мы были снова у этой проруби. Зачуявъ воздухъ, рыба начала подниматься со дна озера. Вотъ въ небольшой круглой прорубкѣ показалась широкая щучья морда, и, черезъ минуту, огромная рыба, съ трудомъ пролезая въ отверстіе, плавала уже въ бассейнѣ. Вслѣдъ за нею показалась другая, третья, и въ какіе нибудь полчаса времени, онъ былъ полонъ рыбы, крупной и мелкой, щукъ, окуней, ершей и плотвы. Намъ оставалось только вычерпывать ее сакомъ, и я могъ повѣрить разсказамъ о томъ, какъ на иныхъ озерахъ крестьяне возами начерпываютъ рыбу изъ такихъ прорубей.

Долгій лѣтній день склонялся уже къ вечеру, когда мы, наполнивъ наши кузова рыбою, оставили озеро. Въ лѣсу чувствовался запахъ гари. „*Шала* [2]) горитъ гдѣ-то“, замѣтилъ мой проводникъ. Но чѣмъ дальше подвигались мы впередъ, тѣмъ *сильнѣе*, по выраженію проводника, усиливался болѣе. Вскорѣ показался и дымъ, клубами валившій къ намъ на встрѣчу. Тутъ только увидѣли мы, что горѣла не дальняя шалга, а лѣсъ, черезъ который лежалъ намъ путь. Опасенія мои, вызванныя поутру

[1]) *Пешня*—желѣзный острый четырехгранный наконечникъ, насаженный на рукоять аршина въ два длиною.

[2]) *Шала* — глухой хвойный лѣсъ, раскинувшійся на огромное пространство.

горѣвшимъ муравейникомъ, оправдались. Лѣсъ, несомнѣнно, загорѣлся отъ него. Прямо идти было уже нельзя, и чтобъ избѣжать встрѣчи съ огнемъ, необходимо было сдѣлать большой обходъ. Не медля ни минуты, бросились мы назадъ и, повернувъ въ сторону, околомъ версты на три, пробрались на другую тропинку. Но и здѣсь шли на авось, рискуя наткнуться на горѣвшій лѣсъ. Я зналъ, съ какою страшною быстротою распространяется пожаръ въ хвойномъ лѣсу, въ короткое время обхватывающій его на огромное пространство.

Разъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Архангельскъ, видѣлъ я, какъ лѣсной пожаръ подходилъ къ почтовой дорогѣ, по окраинамъ которой стоялъ рѣдкій сосновый лѣсъ. Огонь бѣжалъ по землѣ, быстро истребляя на пути сухой ягодникъ и валежникъ, и по стволамъ поднимался на деревья, обхватывая ихъ на мгновеніе яркимъ пламенемъ. Горѣла на нихъ одна хвоя и тонкія сухія вѣтви, самый же стволъ только обугливался. Тамъ же, вдали, въ лѣсной чащѣ, пожаръ заканчивалъ свое дѣло, истребляя до корня огромныя деревья. Сквозь ряды почернѣвшихъ стволовъ виднѣлось яркое пламя, и черный густой дымъ клубами взвивался къ небу.

Часто горятъ лѣса въ Архангельской губерніи. Большею частью, пожары происходятъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Случается, что крестьяне, промышляющіе лѣсную птицу, а иногда и бѣглые солдаты, разведутъ огонь и уйдутъ, не затушивъ его порядкомъ. А въ жаркое лѣто достаточно одной тлѣющей головни, чтобъ отъ нея

загорѣлась сухая мшистая почва. Горятъ лѣса и отъ молніи. Бываетъ и такъ, что свалennый въ груду березнякъ, который рубится крестьянами на вѣники, загарается самъ собою и зажигаетъ лѣсъ.

На полдорогѣ къ деревнѣ, увидѣли мы, по направленію дыма, высоко поднимавшагося надъ лѣсомъ, что пожаръ остался за нами, подвигаясь къ озеру. Теперь можно было и отдохнуть отъ утомительнаго скораго перехода. Но не успѣли мы опуститься на землю, какъ глухое рычаніе и трескъ ломавшагося *сучья* раздались со стороны горѣвшаго лѣса. „Медвѣдь!“ прошепталъ мой проводникъ, поспѣшно скрываясь за ближайшею елью и увлекая меня за собою. Трескъ ближе и ближе, и вотъ, нѣсколько минутъ спустя, шагахъ въ двадцати отъ насъ, изъ чащи показался медвѣдь. Онъ шелъ поспѣшно на заднихъ лапахъ и несъ двухъ медвѣжатъ. Вслѣдъ за нимъ показалась огромная медвѣдица, и по глухому рычанію ея можно было судить, что она была въ сильномъ безпокойствѣ за своихъ медвѣжатъ. Медвѣди уходили отъ пожара. Я видѣлъ потомъ, какъ медвѣдица, въ короткій переходъ ея передъ нами, подбѣжала къ медвѣдю и ударомъ лапы побуждала его идти скорѣе. Это былъ медвѣдь — *шатунъ*. Такъ называютъ крестьяне молодыхъ медвѣдей, исполняющихъ, по приказанію матери-медвѣдицы, обязанности няньки. Говорятъ, что медвѣдица ежегодно выбираетъ изъ семьи своей одного медвѣжонка и не отпускаетъ его отъ себя до тѣхъ поръ, пока онъ не выянчитъ ея дѣтей. Не знаю, на сколько справедливы эти разсказы, только мед-

вѣдь, проходившій на моихъ глазахъ, съ двумя медвѣжатами, былъ дѣйствительно изъ молодыхъ, о чемъ можно было судить по малому его росту и по тому безпрекословному повиновенію, которое онъ выказывалъ по отношенію къ медвѣдицѣ.

Поздно вечеромъ пришли мы въ деревню, ни мало, къ удивленію моему, не встревоженную лѣснымъ пожаромъ. Вскорѣ, утомленный продолжительною ходьбою, я уже засыпалъ, выслушивая, едва ли не въ пятый разъ, разсказъ хозяина моего, словоохотливаго старика, о томъ, какъ одинъ разбойникъ, изъ бѣглыхъ солдатъ, не мало лѣтъ тому назадъ, перерѣзалъ въ ихъ селеніи за одну ночь всю поповскую семью. Только на другой день узналъ я, что лѣсъ выгорѣлъ сплошь до самаго озера.

КУРОСТРОВЪ.

Г. Холмогоры. — Его окрестности. — Островные поемные луга. — Охота на дупелей. — Куростровъ. — Мѣстныя преданія о Ломоносовѣ. — Ночной промыселъ семги. — Поплавь и ея устройство. — Ельники. — Преданіе о чудскомъ богѣ Іомалѣ.

Въ послѣднія двѣ недѣли августа мѣсяца 185* года стояла великолѣпная погода, что составляетъ большую рѣдкость въ Архангельской губерніи, гдѣ не бываетъ, какъ напр. въ губерніяхъ средней полосы Россіи, такъ называемаго бабьяго лѣта. Мнѣ довелось быть въ это время въ Холмогорахъ, замѣчательномъ нѣкогда административномъ и торговомъ средоточіи Двинской земли, нынѣ же бѣдномъ и малолюдномъ уѣздномъ городкѣ Архангельской губерніи. Только одна Соборная церковь, съ гробницами архіереевъ [1]), не уступающая въ величинѣ Архангельской, напоминаетъ еще о прошломъ величіи города, да Успенскій Дѣвичій монастырь, стоящій вблизи

[1]) И по настоящее время епископы архангельскіе и холмогорскіе погребаются въ этомъ соборѣ.

собора, вызываетъ историческія воспоминанія, связанныя съ именемъ злополучной Анны Леопольдовны и ея дѣтей. Глядя на небольшіе, покрившіеся домики городскихъ обывателей, на пустынныя, немощенныя улицы, на обширные пустыри, обнесенные полуразвалившимися заборами, трудно повѣрить, чтобъ нѣкогда былъ здѣсь богатый торговый городъ, полный жизни и дѣятельности. Архангельскъ, со времени Петра Великаго, отвлекъ къ себѣ эту дѣятельность, но и тотъ теперь уже далеко не то, чѣмъ былъ еще за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Не взрачен съ виду г. Холмогоры, но за то окрестности его чрезвычайно живописны. Съ одной стороны, высокія горы съ многолюдными, богатыми селами, съ другой — большая группа двинскихъ острововъ [1]), съ роскошными поемными лугами, съ которыхъ снимается самое лучшее въ губерніи сѣно, извѣстное подъ названіемъ холмогорскаго.

Сюда-то, на эти острова, отправились мы въ одинъ прекрасный день поохотиться на дупелей, а вмѣстѣ съ

---

[1]) Когда-то, въ доисторическія еще времена, всѣ эти острова, также какъ и мѣстность, на которой расположенъ г. Холмогоры, съ прилегающими къ нему пастбищами и лугами, до самаго селенія *Матигоры*, были подъ водою. Это ясно можно видѣть по высокимъ берегамъ Двины, изъ которыхъ одинъ, лѣвый, отстоитъ теперь отъ нынѣшняго ея русла слишкомъ на три версты. Двина протекала тогда въ этомъ мѣстѣ на десятиверстной ширинѣ! Теперь же самая бо́льшая ширина ея, противъ *Косковой горы*, откуда почтовый трактъ переходитъ на лѣвый ея берегъ, имѣетъ не болѣе трехъ верстъ.

тѣмъ заглянуть и на Курестровъ. На берегу рѣки Холмогорки [1]), сѣли мы въ карбасъ и переправились на ближайшій къ городу островъ. Стояла самая горячая пора для дупелиной охоты. *Дупель* (Scolopax major), въ своемъ обратномъ осеннемъ пролетѣ, передвигался въ этотъ годъ въ такомъ огромномъ количествѣ, какого давно уже не бывало въ этихъ краяхъ. И въ весеннемъ пролетѣ было его въ этотъ годъ очень много. Передвиженія дупеля въ такомъ огромномъ количествѣ совершаются періодически, чему способствуютъ, безъ всякаго сомнѣнія, благопріятныя условія для прилода, а не перемѣна въ направленіи пути, какъ полагаютъ нѣкоторые. Весенніе холода и сильные вѣтра, высоко поднимающіе воду, имѣютъ чрезвычайно вредное вліяніе на прилодъ дупеля, какъ и другой болотной птицы. Въ иной годъ, съ наступленіемъ ранней теплой весны, большой прилетъ ея обѣщаетъ, повидимому, на осень отличную охоту, но вотъ подходитъ эта желанная пора, а птицы нѣтъ какъ нѣтъ. Выходишь, бывало, много, и все по такимъ удобнымъ, привольнымъ для нея мѣстамъ, а убьешь двѣ, три пары, и это считаешь еще хорошею охотою. Дѣло въ томъ, что дупель и бекасъ, по прилетѣ весною, тысячами разсыпавшись для прилода по низменнымъ приморскимъ островамъ Архангельскаго уѣзда [2]), вскорѣ затѣмъ встрѣчаютъ

[1]) Собственно, это Двина, но такъ какъ за нею слѣдуетъ островъ, то Холмогорка и получила значеніе отдѣльной рѣчки или, скорѣе, продоя.

[2]) Дупель и бекасъ летятъ на сѣверъ не далѣе Онежскаго уѣзда,

здѣсь такія неблагопріятныя для себя условія, отъ которыхъ за одинъ день погибаетъ все имѣющееся народиться отъ нихъ новое поколѣніе. Сильные холода, продолжающіеся по нѣскольку дней къ ряду, убиваютъ насиженныя уже яица, а сильные сѣверные вѣтра, высоко поднимающіе воду, дѣйствуютъ еще гибельнѣе. Затопитъ тогда низменные острова, на которыхъ гнѣздятся, обыкновенно, дупель и бекасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и ихъ гнѣзда, и случится ли это въ пору вылупливанія, или въ то время, когда народилось уже новое поколѣніе, гибель его неизбѣжна: дупель и бекасъ, еще не оперившіеся, тонутъ въ такомъ случаѣ неминуемо. Мнѣ не разъ случалось весною охотиться на взморьѣ, по низменнымъ, поднимаемымъ водою островамъ. Неумолкаемый крикъ тысячей дупелей и бекасовъ несется, бывало, по зорямъ изъ густыхъ ивняковъ и ольшанниковъ, которыми поростаютъ такіе острова. Тысячи эти, казалось, должны бы были упятериться къ лѣту, но вотъ поднимается вѣтеръ съ моря, и къ вечеру, смотришь, застигнутая наводненіемъ птица уже оставляетъ островъ, сбившись въ большія стаи. Высоко поднимаются онѣ надъ нимъ, покидая свои затонувшія гнѣзда, и, покружившись, улетаютъ.

Островъ, на который мы переѣхали, былъ не населенный. *Въ половодье* [1]) онъ весь, не смотря на значитель-

---

да и здѣсь, въ сѣверныхъ его частяхъ, встрѣчается рѣдко. Въ Кемскомъ уѣздѣ, не говоря уже о бывшемъ Кольскомъ, ихъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ ихъ здѣсь.

[1]) Въ *половодье*—т. е. во время вскрытія рѣки отъ льду.

ную величину свою, понимается водою, а потому населенія на такихъ островахъ быть не можетъ. Будь на немъ хотя одинъ пригорокъ, который не понимался бы водою, на немъ, конечно, стояла бы деревушка. Замѣчательно, что крестьяне Архангельскаго и Холмогорскаго уѣздовъ селились охотнѣе по островамъ, чѣмъ *на горѣ*, т. е. по прибрежьямъ Двины, не смотря на то, что въ *большія воды*, въ ледоплавъ, *разполнившеюся* водою затопляетъ даже возвышенности, на которыхъ ставятся обыкновенно *околодки* [1]), а большими льдинами разбиваетъ и уноситъ не только овины, бани, но и самые дома, хотя они и ограждаются такъ называемыми *обрубами*.[2]) На такихъ возвышенностяхъ крестьянскіе дома, за недостаткомъ мѣста, ставятся тѣсно, почему пожары уничтожаютъ весь околодокъ, какъ бы одинъ домъ. И не смотря на то, крестьяне все-таки предпочитаютъ острова *матерой*, гдѣ нѣтъ для нихъ тѣхъ угодій, какими здѣсь они пользуются. Превосходныя *пожни* [3]) даютъ имъ возможность не только прокормить безнуждно скотъ (а скотоводство, въ Холмогорскомъ уѣздѣ въ особенности, составляетъ весьма важную статью въ сельскомъ хозяйствѣ Архангельской губерніи), но и продать значительный запасъ сѣна. Присоедините къ этому еще то важное для крестьянъ Архангельской губерніи обстоятельство, что хлѣбъ, посѣянный на островныхъ поляхъ,

[1]) *Околодки* — деревни.

[2]) *Обрубы* — бревенчатые срубы, которыми обставляются дома съ тѣхъ сторонъ, откуда теченіемъ несетъ льдины.

[3]) *Пожни* — сѣнокосные луга.

благодаря смягчающему вліянію воды, никогда не побиваетъ морозомъ, что не рѣдко случается на матерой, и вы поймете, почему крестьяне держатся болѣе острововъ, не смотря на временныя бѣдствія, причиняемыя большими водами и пожарами.

Островъ, по которому мы шли, пересѣкая его поперегъ, былъ одинъ сплошной лугъ. Трава давно была уже скошена и стояла въ большихъ *зародахъ* [1]) сѣна, которое, большею частью, свозится отсюда на продажу уже по зимнему пути. Большія стаи турухтановъ перелетали съ мѣста на мѣсто, подпуская насъ на такое близкое разстояніе, что однимъ выстрѣломъ мы выбивали изъ стаи штукъ до десяти и болѣе. Это были уже не весеннie красавцы съ разноцвѣтными гривками; въ своемъ однообразно-сѣровато-мъ оперенiи, они казались совсѣмъ другими птицами. Мѣстами встрѣчались они въ такомъ огромномъ количествѣ и были такъ смирны, что, безъ преувеличенiя, ихъ можно было бить палкою.

Но вотъ подходимъ мы къ небольшому озеру; такихъ озеръ много встрѣчается по большимъ поемнымъ двинскимъ островамъ. Дикiя утки, разнообразныхъ породъ, во множествѣ плавали на немъ и, взлетая, кружились надъ водою, но мы не обращали на нихъ вниманiя. Тутъ, въ

[1]) *Зародъ* — стогъ. Особенность кладки сѣна въ такихъ зародахъ состоитъ въ такъ называемыхъ *промёжкахъ*, которыми и опредѣляется его количество. Каждый промёжокъ заключаетъ въ себѣ отъ 30 до 40 пудовъ сѣна. На большихъ двинскихъ островахъ не въ рѣдкость можно видѣть зароды въ 30, и болѣе промёжковъ.

кочковатыхъ прибрежьяхъ озера, навѣрное, были дупели. Собака наша уже вела на нихъ. Еще двѣ, три минуты, и она сдѣлала стойку. Но не стану распространяться о томъ высокомъ интересѣ, который представляетъ охота на дупеля, бекаса и гаршнепа, безспорно занимающихъ первое мѣсто въ ряду болотной дичи. Только охотнику по призванію вполнѣ понятно то слегка тревожное, но вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно-увѣренное состояніе духа, съ которымъ слѣдитъ онъ за движеніями своей собаки, когда она, вся превратившись въ чутье, понемногу замедляетъ ходъ и, граціозно вытягиваясь всемъ корпусомъ, останавливается наконецъ, выжидая сигнала. Ни на какой другой охотѣ не выказывается такъ полно весь смыслъ лягавой собаки, которымъ природа одарила эту породу преимущественно передъ всѣми прочими [1]). Вотъ тяжело поднимается дупель, но тотчасъ же падаетъ подъ выстрѣломъ. Онъ такъ жиренъ, что кожа разрывается на немъ при паденіи. Велѣдъ за нимъ поднимается другой, а тамъ, смотришь, въ сторонѣ, собака дѣлаетъ новую стойку. Только успѣвай заряжать ружья. Такъ обошли мы озеро, и въ какіе нибудь полчаса времени ягташи наши оказались довольно тяжеловѣсными. У одного изъ убитыхъ дупелей торчала еще въ клювѣ наполовину проглоченная имъ піявка. У всѣхъ длинные клювы покрыты были слоемъ засохшей глины,

[1]) Мнѣ случалось видѣть, какъ хорошо выдрессированная лягавая собака, сдѣлавъ стойку, лаемъ выражала свое неудовольствіе на неудачный выстрѣлъ, чего никогда не дѣлала, когда охотникъ не давалъ промаха.

вилоть до самой головы. Не знаю, на сколько справедливы разсказы охотниковъ, что дупель, сидя межъ кочками, вблизи озера или рѣки, запускаетъ въ *пяту* [1]) длинный свой клювъ и высасываетъ изъ нея піявокъ и червей. Вѣроятнѣе, что онъ отыскиваетъ ихъ по чутью, а длинный клювъ даетъ ему возможность легко извлекать ихъ изъ сырой, мягкой почвы. Держится онъ также охотно въ *капустникахъ* [2]), гдѣ въ изобиліи находитъ разнаго рода червей и слизняковъ. Не минуйте этихъ огородовъ, если вамъ въ осеннюю пору случится по близости ихъ охотиться на дупелей: тамъ навѣрное найдете ихъ не одинъ десятокъ.

Но вотъ подходимъ мы къ перевозу, на берегъ рѣки Курополки [3]). Передъ нами другой островъ, гораздо бо́льшій, также поемный, но заселенный. Въ самомъ центрѣ его виднѣлась каменная церковь, кругомъ—деревни. Это былъ *Куростровъ*, родина Ломоносова. На Куростровѣ, также какъ и на другихъ большихъ двинскихъ островахъ, расположено нѣсколько деревень или околодковъ. Въ одномъ изъ нихъ, именно въ *Денисовкѣ*, жилъ крестьянинъ Василій Ломоносовъ, и здѣсь-то родился у него сынъ Михайло, знаменитый впослѣдствіе Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Переѣхавъ на другую сторону, направились мы къ этому околодку, дорогою продолжая охоту. И здѣсь,

[1]) Глинистая, смѣшанная съ иломъ, прибрежная почва озеръ и рѣкъ, протекающихъ по низменнымъ сырымъ мѣстамъ.

[2]) *Капустники* — большіе огороды, засѣваемые исключительно одною капустою.

[3]) Курополка, также какъ и Холмогорка, не рѣка, а двинской пролой.

по прибрежнымъ окраинамъ озеръ, находили мы много дупелей, попадались и бекасы. Подъ вечеръ пришли мы въ Денисовку, гдѣ и рѣшили остаться дня на два у одного знакомаго моему товарищу крестьянина. Пошли, разумѣется, распросы о Ломоносовѣ. Мало, очень мало, или почти ничего не знаютъ о немъ на мѣстѣ его родины. И не удивительно. Гдѣ-жъ, въ самомъ дѣлѣ, и знать неграмотному крестьянину что либо о нашихъ знаменитыхъ людяхъ, хотя бы люди эти, какъ напр. Ломоносовъ, и выходили изъ среды народной. Въ школѣ онъ не былъ, читать, за безграмотностью, не можетъ, да и грамотнымъ (хозяинъ нашъ былъ человѣкъ грамотный) писанная исторія наша рѣшительно неизвѣстна [1]). Зналъ онъ, правда, что жилъ нѣкода въ околодкѣ ихъ Ломоносовъ, промышлявшій рыбою, что былъ у него сынъ, ушедшій въ Москву, но далѣе этаго свѣдѣнія его объ этомъ послѣднемъ не простирались. Воспоминаній о Ломоносовѣ по преданіямъ, ни въ Денисовкѣ, ни въ другихъ околодкахъ Куростровa, какъ и въ ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ Архангельской губерніи, почти не сохранилось никакихъ. Хозяинъ нашъ не зналъ, даже не слыхалъ ничего о томъ, что Ломоносовъ, впослѣдствіи, изъ Петербурга, навѣщалъ ихъ околодокъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: въ народѣ никогда не сохраняются воспоминанія о человѣкѣ, съ которымъ разобщила его совершенно чуждая ему цивилизація, хотя бы

[1]) Я говорю, писанная, ибо у народа есть свои историческія воспоминанія, сохраняющіяся преимущественно въ его былинахъ и въ такъ называемыхъ историческихъ пѣсняхъ.

человѣкъ этотъ незадолго передъ тѣмъ и вышелъ изъ его среды. Вотъ почему въ населеніи Денисовки никто не помнитъ ничего о чиновномъ академикѣ Ломоносовѣ.

Разъ, въ одной деревнѣ, Холмогорскаго же уѣзда, по близости Холмогоръ, зашла рѣчь о Ломоносовѣ. Крестьянинъ, хозяинъ дома, въ которомъ я останавливался, бывалъ въ Архангельскѣ и видѣлъ тамъ памятникъ Ломоносову. „Человѣкъ этотъ—говорилъ онъ—тучи рукою отводилъ, противу Божьяго повелѣнія, значитъ, шолъ; вотъ Богъ-отъ его за то и наказалъ; камнемъ носъ ему перешибъ. Потому, значитъ, и Ломоносовымъ прозывается". Проглядываетъ, правда, въ этихъ словахъ, книжнымъ путемъ, конечно, перешедшее въ народъ знаніе объ электрическихъ опытахъ Ломоносова, по поводу устройства громоотвода, но посмотрите, въ какой наивно-грубой формѣ высказывается это знаніе, и какъ затемнѣно оно суевѣрнымъ взглядомъ на природу и ея явленія, взглядомъ, противъ котораго въ особенности возставалъ нашъ знаменитый ученый!

Еще лѣтъ тридцать тому назадъ, какъ разсказывали мнѣ о томъ очевидцы, вскорѣ послѣ возобновленія въ Архангельскѣ памятника Ломоносову, крестьяне Вологодской и Вятской губерній, приплавляющіе, обыкновенно, по весенамъ, въ Архангельскъ барки съ хлѣбомъ, *водоны*, какъ ихъ называютъ въ городѣ, люди, по большей части, изъ самыхъ глухихъ мѣстностей этихъ губерній, толпами подходили къ памятнику и, поставивъ зажженныя свѣчи на желѣзныя перила, преусердно молились ему. Бѣдняки при-

нимали Ломоносова за святаго, тѣмъ болѣе, что видѣли подлѣ него крылатаго генія, ангела, по ихъ простодушному убѣжденію. Кътому же открытіе возобновленнаго памятника (оно было весною) сопровождалось церковною процессіею и соединялось, конечно, съ панихидою. И такое поклоненіе продолжалось изъ года въ годъ, нѣсколько лѣтъ къ ряду. Теперь, конечно, этого не увидишь. Ваганы, должно быть, стали поумнѣе.

Въ настоящее время фамиліи Ломоносовыхъ въ Денисовкѣ не существуетъ. Есть потомки его по женской линіи [1]), но ихъ въ родномъ Ломоносову селеніи не оказалось [2]).

Хозяинъ нашъ промышлялъ семгою. Намъ любопытно было посмотрѣть на ловлю этой рыбы, а потому на другой день, подъ вечеръ, отправились мы съ нимъ на берегъ Двины, гдѣ стояли *поплави*, сѣти, длиною въ полтораста и болѣе саженъ, шириною сажени въ двѣ и три, стѣною опускающіяся въ воду [3]). Рѣдко такая сѣть принадле-

---

[1]) Отъ сестры Ломоносова, въ лицѣ архангельскихъ купцовъ Ершовыхъ.

[2]) Архангельскій Статистическій Комитетъ, по поводу празднованія столѣтняго юбилея Ломоносова, предположилъ въ 1865 году устроить въ Куростровѣ школу на имѣющійся уже капиталъ въ 6.000 руб. и памятникъ, еще не проэктированный, на который имѣется уже въ Комитетѣ 500 рублей.

[3]) Поплавь поддерживается на водѣ *кибасами*, круглыми деревянными поплавками; середина ея обозначается *кабалкой*, боль-

житъ одному хозяину; большею частью, она составляетъ собственность двухъ или трехъ крестьянъ. Поплави, принадлежащія крестьянамъ извѣстнаго околодка, вывѣшиваются, обыкновенно, послѣ каждой ловли, въ одномъ мѣстѣ, на берегу рѣки, на особаго устройства подмосткахъ, *вышалахъ*, по мѣстному говору. Семгу поплавями ловятъ по ночамъ, начиная съ послѣднихъ чиселъ іюля мѣсяца до конца сентября, почти до самаго ледостава, выѣзжая на промыселъ ежедневно, не пропуская ни одной ночи [1]).

Промысломъ семги на С. Двинѣ занимаются преимущественно островные крестьяне, на стоверстномъ протяженіи рѣки, начиная съ ея устьевъ до самыхъ Холмогоръ. Труденъ этотъ промыселъ. Собрать поплавь въ двѣсти сажень съ вѣшаловъ, уложить ее въ карбасъ, выкидать въ рѣку, и притомъ не одинъ разъ, выбрать ее, и затѣмъ ежедневно вывѣшивать для просушки, и не какъ нибудь, а въ порядкѣ, такъ чтобъ кирпичныя грузила не перепутались съ кибасами, все это чего нибудь да стоитъ. Но это еще ничего, если уловъ есть. А то случается, что иной крестьянинъ, въ продолженіи цѣлой недѣли и болѣе, не выловитъ ни одной *рыбицы*, а *плавать* между тѣмъ каждую ночь.

нимъ трехугольнымъ поплавкомъ. Длина поплави опредѣляется числомъ *перемётовъ*; каждый переметъ плетется въ десять сажень.

[1]) Можно бы ловить ее и съ самой весны, и уловъ былъ бы, конечно, прибыльнѣе, такъ какъ рыба идетъ тогда большими партіями, но свѣтлыя ночи препятствуютъ тому: семга видитъ сѣть и, опустившись глубже, плыветъ подъ нею.

Нужно удивляться его терпѣнію. Въ одной деревнѣ, помню я, указывали мнѣ на одного крестьянина, промышлявшаго семгою. Говорили, что онъ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, выѣзжая каждую ночь на промыселъ, не выловилъ ни одной семги. Таково, видно, было его счастье. Тутъ, дѣйствительно, все зависитъ отъ счастья: случается, что уловъ за одну счастливую ночь щедро вознаградитъ за напрасные труды цѣлой недѣли.

Уже стемнѣло, когда мы пришли къ вѣшаламъ. Поднимался свѣжій вѣтерокъ, обѣщавшій къ ночи перейти въ сильный вѣтеръ. Промышленники были очень довольны тѣмъ, въ надеждѣ на счастливый уловъ: уже въ продолженіи цѣлой недѣли возвращались они почти съ пустыми руками [1]). Поплавь была заранѣе снята съ вѣшаловъ и сложена въ карбасъ. Черезъ полчаса, спустившись внизъ по рѣкѣ, мы были уже въ полуверстѣ отъ берега, на самой *стрежи* [2]). Вода шла на убыль. Хозяинъ нашъ началъ выкидывать поплавь, товарищъ его держался на веслахъ. Вѣтеръ замѣтно крѣпчалъ. Иная волна заглядывала въ карбасъ и обдавала насъ брызгами, но мы, зная его устойчивость, мало обращали на то вниманія. Вотъ выкинута уже вся поплавь. Повернувъ карбасъ, хозяинъ нашъ сталъ *собирать* ее. Мы помогали ему въ этой работѣ, складывая выбираемую сѣть, и вскорѣ привычная рука дала ему знать, что въ поплави есть рыба. Вотъ, слышимъ мы,

[1]) Въ погоды, когда дуетъ сильный вѣтеръ, уловъ семги бываетъ прибыльнѣе.

[2]) *Стрежъ* — фарватеръ.

что-то забурлило въ водѣ, и въ туже минуту огромная семга, спутанная сѣтью, была уже въ карбасѣ, засвѣтившись въ потемкахъ своею серебристою чешуею. Нужно обладать большою ловкостью и проворствомъ, чтобъ на ходу, не выпуская сѣти изъ рукъ, пришибить семгу однимъ ударомъ по головѣ. Малѣйшая оплошность со стороны промышленника, и сильная рыба, вырвавшись изъ сѣти, въ одно мгновеніе вынырнетъ изъ карбаса. Нѣсколько минутъ спустя, снова слышимъ лаконическое „есть“. Вынимаются изъ сѣти двѣ семги заразъ. Вотъ и середина поплави, обозначающаяся кабалкою. Перебираемъ другое крыло, и тамъ есть добыча. Сильная погода, дѣйствительно, благопріятствуетъ улову.

Вѣтеръ между тѣмъ становился сильнѣе и сильнѣе, а ночь навалилась такая темная, что не видно было уже береговъ, но промышленники, ободренные удачнымъ уловомъ, не думали объ обратномъ пути. Снова выкинули поплавь, повернули карбасъ, и выбрали уже половину, какъ зоркій глазъ промышленника, сидѣвшаго въ веслахъ, запримѣтилъ какую-то темную массу, надвигавшуюся на насъ съ страшною быстротою. Это было большое судно, *коякъ*, по мѣстному говору. Огромный парусъ мчалъ его вверхъ по рѣкѣ съ такою быстротою, что не успѣли мы хорошенько всмотрѣться, какъ онъ былъ отъ насъ на разстояніи нѣсколькихъ сажень. Кричать о поворотѣ было уже некогда, и только силѣ архангельскаго промышленника и той ловкости, съ какою онъ управляетъ своимъ карбасомъ, мы были обязаны спасеніемъ жизни. Не помню

уже, какъ это случилось, только минуту спустя, огромный каюкъ пролетѣлъ мимо, обдавъ насъ брызгами вскинутой волны. Одна минута промедленія со стороны кормщика, и карбасъ нашъ неминуемо былъ бы раздавленъ этимъ ночнымъ чудовищемъ. Но не успѣли мы еще опомниться отъ страха, какъ почувствовали, что оно увлекаетъ насъ за собою. Новая бѣда. „Руби снасть!“ закричалъ нашъ хозяинъ своему товарищу, самъ уже взявшись за весла. Снасть была обрублена, и мы тотчасъ же получили свободу. Дѣло въ томъ, что каюкъ зацѣпилъ громаднымъ рулемъ своимъ за нашу поплавь, и чтобъ избавиться отъ него, ничего болѣе не оставалось, какъ обрубить ее. Это крайняя для промышленника мѣра, влекущая за собой иногда потерю поплави, стоющей ему не дешево [1]). Хорошо еще, если удастся ему отыскать ее, или если придется потерять какихъ нибудь два, три перемёта, которые обыкновенно уноситъ за собой сильный находу каюкъ. Но дѣлать было нечего: половины поплави, какъ небывало. Погода же между тѣмъ расходилась такая, что пора уже было и въ обратный путь, а объ отыскиваніи поплави нечего было и думать. На другой день крестьяне, *однолодники* съ нашимъ хозяиномъ, промышлявшіе семгу въ туже ночь, ниже по теченію рѣки, привезли обрубленную часть поплави, перехвативъ ее на развѣтѣ.

Таковъ промыселъ семги на рѣкѣ Двинѣ. Почтенные

---

[1]) Поплавь въ 10 переметовъ стоитъ рублей 100, принимая стоимость каждаго перемета въ 10 рублей.

Архангелогородцы жалуются на дороговизну этой рыбы, продаваемой промышленниками-крестьянами на городскихъ пристаняхъ [1]). Но многіе ли изъ нихъ знаютъ, съ какимъ трудомъ она добывается, и чего стоитъ одна такая ночь, въ которую намъ довелось познакомиться съ ея промысломъ!

На другой день, отправляясь обратно въ Холмогоры, я далъ себѣ слово не ѣздить болѣе на ночной семужій промыселъ.

Не далеко отъ Холмогоръ, за рѣкою Холмогоркою, лежитъ островъ, называемый *Елниками* въ той части его, которая сплошь поросла высокими елями. Преданіе говоритъ, что здѣсь, на этомъ островѣ, еще въ тѣ времена, когда по берегамъ и островамъ двинскимъ сидѣла Чудь Заволоцкая, было капище, въ которомъ язычники чествовали своего бога по имени *Іомалу* [2]). На обратномъ пути, мы заглянули на этотъ островъ, но никакихъ слѣдовъ языческаго капища не отыскали. Да, правда, и трудно было отыскать ихъ, такъ какъ храма, по всей вѣроятности, не существовало. Это была священная роща, съ священными деревьями и водами (на островѣ много озеръ), въ которой, можетъ быть, и стоялъ истуканъ. Изображав-

---

[1]) Большая часть ея, впрочемъ, идетъ въ руки скупщиковъ изъ рыбныхъ торговцевъ.

[2]) Извѣстно, что на мѣстѣ нынѣшнихъ Холмогоръ стоялъ нѣкогда городъ — столица древней Біарміи. Объ истуканѣ Іомалы упоминается въ шведскихъ хроникахъ.

шій собою бога Іомалу. Не даромъ же въ народѣ до сихъ поръ сохраняется о немъ воспоминаніе [1]).

---

[1]) Заволоцкая Чудь упоминается у Нестора. Покорена и обращена въ христіанство въ XI ст. Новогородцами; въ концѣ XV ст. переименована въ Двинскую Землю. Множество острововъ, рѣкъ и озеръ, до сихъ поръ сохраняющихъ свои наименованія, явно не русскаго происхожденія, доказываютъ, что прибрежья С. Двины, въ ея низовьяхъ, искони занимаемы были чудскимъ племенемъ. Новогородскіе колонизаторы, заселяя Заволочье, вытѣснили его оттуда. Деревня *Чубала* (сокращ. изъ *Чудь была*), стоящая на одномъ изъ двинскихъ острововъ, въ 10 верстахъ отъ Архангельска, можетъ, между прочимъ, служить тому доказательствомъ.

СЕРГОЗЕРО.

Дорога къ Сергозеру. — Ходьба на лыжахъ. — Лѣсъ въ зимнюю пору. — Птица пукша. — Гоньба за дикими оленями. — Ночлегъ въ лѣсу. — Лѣсная избушка. — Медвѣди на привадѣ. — Лѣсъ въ ночное время. — Продолженіе гоньбы за оленями. — Сергозеро. — Преданіе объ Орлѣ. — Россомаха.

Съ половины марта мѣсяца наступаетъ для Архангельска ясная, тихая погода, продолжающаяся недѣли двѣ и болѣе, а съ нею и первыя весеннія оттепели, хотя до вскрытія рѣки еще далеко, а до времени появленія зелени еще дольше. Снѣгъ, до того рыхлый, начинаетъ слегаться, распускаясь на поверхности подъ грѣющими уже лучами солнца. Образуются *насты* [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ открывается возможность охоты и на дикихъ оленей. До того, охота на нихъ невозможна. По рыхлому снѣгу, осѣдающему подъ лыжами, далеко не уйдешь, а олень легко и быстро уходитъ отъ охотника, хотя бы снѣгъ былъ и въ два аршина глубиною.

[1]) *Настъ* — обледенѣвшая поверхность снѣга.

Есть деревня, по названію *Вилдушки*, расположенная въ пяти верстахъ отъ Архангельска, на противоположномъ высокомъ берегу С. Двины. За нею тотчасъ же начинается лѣсъ, скоро переходящій въ шалгу, и тянется далеко на западъ, едва ли не до самаго Онежскаго уѣзда. Еще до-свѣта выѣхали мы изъ деревни, на дровняхъ, съ однимъ крестьяниномъ, у котораго въ бору стояли *весновальніе*, т. е. по веснѣ заготовленные дрова. Узкая дорога, въ сажень шириною, мѣстами и менѣе, только и бываетъ проѣзжею, что̀ зимою, когда снѣгъ занесетъ ини и выступившіе наружу коренья и сгладитъ такимъ образомъ ея неровности. Такія дороги и пролагаются крестьянами единственно для вывоза зимою дровъ изъ лѣсу.

Начинало только что разсвѣтать, когда мы добрались до пятнадцатой, гадательной, конечно, версты. Дальше проѣзда никакого уже не существовало. Мы слѣзли съ дровней и, подвязавъ лыжи, вошли въ растилавшійся передъ нами во всѣ стороны глухой, еще темный лѣсъ, въ сопровожденіи опытнаго, хорошо знающаго мѣстность *лѣсника* [1]), безъ котораго пускаться въ такую глушь было бы не совсѣмъ безопасно. Правда, по *лыжницамъ*, т. е. по слѣду, оставляемому лыжами, можно легко выбраться изъ лѣсу, какъ бы далеко въ него ни зашелъ, но случается, что выпавшій вдругъ снѣгъ скроетъ подъ собою слѣдъ, и тогда неопытному, не освоившемуся съ из-

[1]) Такъ называютъ въ Архангельской губерніи крестьянъ, промышляющихъ лѣснымъ звѣремъ и птицею.

вѣстными примѣтами охотнику придется неминуемо погибнуть въ безлюдномъ, на сотни верстъ раскинувшемся лѣсу, если только случайно не набредетъ онъ на жилье. А день въ мартѣ мѣсяцѣ еще коротокъ, ночь же продолжительна и холодна. Бѣда, если эта холодная ночь заглянетъ въ глаза бѣдному охотнику, заблудившемуся въ такомъ лѣсу! Хорошо еще, если есть у него про запасъ огонь въ сумкѣ и что нибудь изъ съѣстнаго, а на плечахъ теплая одежда. Сносенъ будетъ еще тогда ночлегъ подъ елью, но за этимъ ночлегомъ можетъ послѣдовать другой, а за нимъ и третій, — и все въ безвыходномъ лѣсу, подъ открытымъ небомъ...

День занимался ясный. Слегка морозило. На канунѣ въ вечеру выпавшій снѣгъ мягкою пеленою легъ на плотный настъ, и легокъ, а главное, безшуменъ былъ нашъ ходъ на лыжахъ, что особенно важно въ гоньбѣ за оленями. Дикій олень видитъ плохо, но за то слухъ и обоняніе развиты у него въ высшей степени.

Долго шли мы по пустынному лѣсу, то пробираясь чащами и болотами, то опускаясь въ глубокіе овраги, вырытые лѣсными ручьями во время ихъ весеннихъ разливовъ. Лѣсъ становился ростѣе и рѣже по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ. Громадныя ели, опираясь въ землю широкими вѣтвями, осыпанными снѣгомъ, высоко поднимали къ небу свои пирамидальныя вершины, озолоченныя утренними лучами солнца. Тутъ же, вмѣстѣ съ ними, стоитъ и сосна, не менѣе ея громадная; ея гладкій, красноватый стволъ рѣзко выдѣляется на темно-зеленомъ

фонѣ окружающихъ ее елей. Мертвая тишина царствуетъ въ лѣсу объ эту пору. Стоишь и вслушиваешься: наималѣйшій звукъ не поколеблетъ спокойнаго, прозрачнаго воздуха. Кажется, всякое живое существо замерло въ этомъ холодномъ, снѣжномъ затишьѣ, и самыя деревья оцѣпенѣли подъ своими бѣлыми покровами. Странное чувство овладѣваетъ человѣкомъ въ эти минуты: невольный страхъ охватываетъ душу, и въ тоже самое время погружается она въ какое-то чарующее забытье, отъ котораго съ трудомъ освобождаешься.

Скоро ужъ полдень, но ни оленей, ни слѣда ихъ мы еще не видали. Передъ нами тянулось обширное болото, поросшее рѣдкимъ лѣсомъ; мелкія ели и сосны, съ очень скудною листвою торчали на немъ вкривь и вкось и представляли собою рѣзкій контрастъ съ стоявшимъ вокругъ крупнымъ высокимъ лѣсомъ. Такія болота называются *радами*. Осторожно стали подвигаться мы по этому болоту, всматриваясь вдаль, въ надеждѣ найти здѣсь оленей: дикій олень выходитъ кормиться на такія открытыя радныя мѣста, предпочитая ихъ лѣсной глуши, можетъ быть, потому, что находитъ здѣсь для себя болѣе обильную пищу, да ктому же онъ на нихъ и безопаснѣе. Надежды наши оправдались. Не успѣли пройти мы и четверти версты отъ лѣсной опушки, какъ замѣтили вдали двухъ оленей, а въ сторонѣ, недалеко отъ нихъ, и третьяго. Поднявъ голову и какъ бы прислушиваясь, стоялъ этотъ послѣдній, отчетливо рисуясь стройною своею фигурою на свѣтломъ, ярко блиставшемъ на солнцѣ снѣжномъ фонѣ. Точно сторожилъ

опъ своихъ товарищей. занятыхъ общипываемъ *шакши* [1]) (Usnea barbata), чужеяднаго растенія, которое обыкновенно опутываетъ собою тщедушныя вѣтви радныхъ елей. Олени стояли къ намъ съ подвѣтренной стороны, а потому, оставивъ лѣсника сзади, тотчасъ же стали мы вдвоемъ подступать къ нимъ, замедляя ходъ, чтобъ не произвесть ни малѣйшаго шума и, по возможности, скрываясь за стоявшими на пути деревьями [2]). Только съ подвѣтренной стороны, и притомъ чрезвычайно осторожно, и можно подойти къ оленямъ на выстрѣлъ, т. е. шаговъ на полтораста, если имѣешь въ рукахъ винтовку средняго калибра, какими крестьяне Архангельской губерніи обыкновенно бьютъ лѣснаго и морскаго звѣря. Вотъ подошли мы на желанную дистанцію. Не замѣчая нашего приближенія, олени спокойно оставались на мѣстѣ. Прислонивъ винтовки къ деревьямъ, выстрѣлили мы по нимъ почти одновременно. Смотримъ: одинъ изъ нихъ, сдѣлавъ громадный прыжокъ, упалъ смертельно раненый. Другой, бросившись въ сторону, остановился на мгновеніе, но тотчасъ же стрѣлою помчался за третьимъ, уже скрывавшимся изъ виду. Мы подошли къ убитому оленю. Свернувшись на бокъ, лежалъ онъ безъ всякихъ признаковъ жизни, пораженный двумя пулями. Оказалось, что мы, по ошибкѣ, стрѣляли въ одного.

Оставивъ убитаго оленя, пошли мы далѣе по слѣду

---

[1]) *Шакша* — чихирица. Олени ѣдятъ ее по нуждѣ, когда не могутъ достать мху съ обледенѣвшей рады.

[2]) Втроемъ нѣтъ никакой возможности подойти къ оленямъ на открытомъ мѣстѣ не замѣченными, да и вдвоемъ не всегда удается.

убѣжавшихъ, поддавшись увѣренію нашего проводника, что три бывшихъ на радѣ оленя отбились отъ стад', которое должно быть не далеко. Скоро оставили мы за собой раду и снова углубились въ лѣсъ, которому, казалось, не было конца. Тѣже громадныя ели и сосны, таже мертвая тишина. Какая-то очень красивая птица, поболѣе воробья, съ хохлатою головкою и съ желтыми каймами на крыльяхъ, перепархивала съ дерева на дерево, издавая отрывистый крикъ, похожій на *пукъ*, почему, вѣроятно, и зовется *пукшею* (Rombicilla garrula [1]). Это была единственная птица, которую видѣли мы во весь переходъ нашъ по лѣсу. День начиналъ уже склоняться къ вечеру, а слѣдъ велъ насъ за собой все далѣе и далѣе. Не разъ выходили мы изъ лѣсу, переходили радами и болотами, снова вступали въ густой боровой лѣсъ, а преслѣдуемые олени, по выраженію проводника, не *обурялись*. Начинало смеркаться, и мы зашли такъ далеко (верстъ тридцать отъ мѣста высадки съ дровней), что объ обратномъ пути нечего было и думать. Приходилось заночевать въ лѣсу, а потому, оставивъ слѣдъ, повернули мы въ сторону и направились къ лѣсной избушкѣ, стоявшей по близости. Черезъ полчаса ходьбы, мы были уже на мѣстѣ, но избушки никакой не замѣчали. Да гдѣ-жъ небывалому человѣку было и замѣтить ее, когда она скрывалась подъ грудою хвороста и бурелома. Прошолъ бы мимо и никакъ не замѣтилъ бы, что подъ нею скрывается небольшой бревенчатый срубъ, съ трудомъ

---

[1]) Свиристель.

могущій вмѣстить въ себѣ трехъ человѣкъ, съ малымъ отверстіемъ вмѣсто дверей, въ которое не входятъ, а вползаютъ. Такія избушки устраиваются лѣсниками собственно для охоты на медвѣдей, которыхъ бьютъ они не весной на приваду. Броситъ лѣсникъ падаль, завалится самъ въ избушку и ждетъ, когда придетъ проголодавшійся звѣрь, только что вылѣзшій изъ берлоги. А придетъ онъ навѣрное, и побуждаемый голодомъ, бросится жадно на падаль, не замѣчая скрытой по близости, въ вѣтвяхъ. избушки и не чуя завалившагося въ ней лѣсника. Тутъ гибель ему неизбѣжна: большею частью бьютъ его тогда на повалъ.

Чтобъ войти, или скорѣе, влѣзть въ избушку, нужно было отрыть входъ въ нее изъ подъ глубокаго снѣгу, что̀, за неимѣніемъ лопаты, сдѣлать было не легко. Въ избушкѣ не оказалось ни печи, ни *каменки*, на которой можно было бы сварить кашу въ походномъ котелкѣ и въ немъ же вскипятить воду для чаю. Приходилось разводить огонь подъ открытымъ небомъ. Вскорѣ сидѣли мы уже у пылавшаго костра, нисколько не заботясь о предстоявшей продолжительной холодной ночи. Костеръ же могъ горѣть до самаго утра: топливо въ изобиліи было у насъ подъ рукою. Наступала тихая, ясная ночь, и на потемнѣвшемъ небѣ мало по малу загорались миріады ярко блистающихъ звѣздъ. Ближайшія ели. осыпанныя снѣгомъ, выступали изъ темной глубины лѣса, принимая фантастическіе образы отъ колеблющагося пламени костра. Казалось, онѣ выходили изъ своего оцѣпенія, подступая и протягивая къ намъ свои широкія лапчатыя вѣтви. Только трескъ пылав-

шаго костра, да отдаленное гугуканье филина нарушали обычное безмолвіе лѣса. Вотъ какая-то птица неслышимо пронеслась надъ нами, освѣтившись на мгновеніе и тотчасъ же исчезнувъ во мглѣ. Это большая полярная *бѣлая сова* (Strix nyctea), нападающая нетолько на лѣсную птицу, но и на мелкаго лѣснаго звѣря. Бѣдный заяцъ, не знающій покоя ни днемъ, ни ночью, погибаетъ не рѣдко подъ когтями этой ночной хищницы, стерегущей его надъ пробитой имъ тропкою [1]).

Долго сидѣли мы у огня, выслушивая разсказы нашего проводника о похожденіяхъ одного знакомаго ему лѣсника убившаго на своемъ вѣку болѣе полусотни медвѣдей. Избушка, въ которой предстояло намъ переночевать, выстроена была этимъ лѣсникомъ. Разъ, сидѣлъ онъ въ ней, поджидая медвѣдя, по обыкновенію, одинъ одинешенекъ, вооруженный винтовкою и топоромъ. Привлеченный падалью, медвѣдь не замедлилъ придти, но пораженный пулею, упалъ, казалось, раненый смертельно. Выскочивъ изъ своей избушки, отважный лѣсникъ кинулся къ нему съ топоромъ, но раненый медвѣдь поднялся и тотчасъ же бросился на него. Тогда лѣсникъ всунулъ ему въ пасть колѣно, и добилъ нѣсколькими ударами топора. Разумѣется, что медвѣдь раздробилъ ему колѣно и оставилъ его на вѣки ка-

[1]) Случается, слышалъ я, что на зайца нападаетъ и малая сова. Схватываетъ она его, обыкновенно, по-надъ тропкою, одною лапою, а другою крѣпко держится за дерево. Бываетъ, что заяцъ, метнувшись въ сторону, разрываетъ ее, и погибаетъ тогда нежданно, негаданно хищница отъ слабаго, безпомощнаго звѣря.

лѣкою. Не смотря на то, лѣсникъ продолжалъ ходить на медвѣдей и много еще потомъ убивалъ ихъ.

Продолжительная ходьба на лыжахъ взяла наконецъ свое. Полусонные, влѣзли мы въ избушку и, размѣстившись кое-какъ на мягкомъ мху, вскорѣ заснули крѣпкимъ сномъ. Но на разсвѣтѣ были уже на ногахъ. Рѣшивъ еще съ вечера продолжать охоту, вышли мы на слѣдъ преслѣдуемыхъ нами оленей. Погода благопріятствовала гоньбѣ за ними: день занимался ясный, какъ и наканунѣ, а къ полудню стало такъ тепло, что снѣгъ таялъ на вѣтвяхъ елей и валился съ нихъ большими хлопьями. На пути встрѣтилась какая-то рѣчка, въ высокихъ крутыхъ берегахъ. Много нужно имѣть сноровки и ловкости, чтобъ спуститься по такому берегу, избѣгая встрѣчающихся на пути деревьевъ и перескакивая, или скорѣе, перелетая по выступамъ, тѣмъ болѣе, что спускъ принимаетъ мѣстами косвенное направленіе. Но на сколько спускъ не безопасенъ, на столько подъемъ утомителенъ. Правда, лыжи, подбитыя *сѣркою*, удерживаютъ на покатости, но нужно не малое усиліе, чтобъ безостановочно подаваться впередъ. Вообще ходьба на лыжахъ, какъ и катаніе на конькахъ, требуетъ большой, и едва ли еще не большой практики, которая пріобрѣтается за многіе и притомъ молодые годы. Безъ привычныхъ ногъ и умѣнья управлять лыжами, пускаться въ продолжительную, многоверстную гоньбу за дикими оленями охотникамъ не совѣтую.

---

[1]) *Сѣрка* — шкурка; снимается съ ногъ оленя.

Еще десять верстъ прибавили мы къ вчерашнимъ тридцати, а оленей нѣтъ какъ нѣтъ. Нескончаемый слѣдъ все еще тянулся передъ нами, и видно было, что олени безостановочно шли впередъ: за цѣлую ночь, значитъ, все еще не *обурялись*. Недалеко уже и до Сергозера, мѣстности еще извѣстной нашему проводнику; за нимъ идетъ уже и для него terra incognita. Беретъ раздумье: не вернуться ли назадъ, но свѣжесть слѣда побуждаетъ идти впередъ [1]). Вскорѣ, къ величайшей радости нашей, замѣтили мы, что слѣдъ этотъ смѣшался со многими другими, широко расходившимися вокругъ. Взрытый снѣгъ и остатки бѣлаго мху (Cladonia rangiferina), лежавшаго на немъ, убѣдили насъ окончательно, что большое стадо прикочевывало здѣсь и должно быть неподалеку. Дѣйствительно, версты за три впередъ, запримѣтили мы цѣлое стадо оленей, головъ въ десять. Товарищъ мой и проводникъ тотчасъ же пошли въ обходъ, направляясь къ стаду съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Я остался на мѣстѣ въ качествѣ наблюдателя. Мѣстность выдалась здѣсь ровная, поросшая высокимъ, но рѣдкимъ сосняком, а потому очень удобно было слѣдить и за охотниками, и за оленями. Поминутно поднимая головы, точно прислушиваясь, олени какъ-то торопливо и тревожно отрывали мохъ изъ подъ снѣгу, но не замѣчали приближавшихся къ нимъ охотниковъ, иначе.

---

[1]) Обыкновенно охотники, желая удостовѣриться, далеко ли находится преслѣдуемая ими дичь, ощупываютъ слѣдъ, и если не открываютъ подъ нимъ обледенѣвшаго снѣгу, заключаютъ, что она должна быть неподалеку.

стрѣлою умчались бы впередъ, и долго пришлось бы еще ходить за ними. Вотъ проводникъ нашъ подошелъ уже къ нимъ на такое разстояніе, что можно бы было стрѣлять, но медлилъ выстрѣломъ, поджидая, вѣроятно, моего товарища, ошибшагося въ расчетѣ и слишкомъ далеко забравшаго впередъ при обходѣ. Проходитъ нѣсколько минутъ въ томительномъ ожиданіи, какъ вдругъ одинъ изъ оленей, взмахнувъ вѣтвистыми своими рогами, выпрямился мгновенно и, сдѣлавъ большой скачокъ, стрѣлою помчался впередъ. Все стадо послѣдовало его примѣру. Должно быть, завидѣлъ, или скорѣе, заслышалъ онъ опоздавшаго, а потому и торопившагося безъ надлежащей осторожности охотника. Но въ тоже самое время раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ оленей упалъ, уткнувшись головою въ снѣгъ. Когда мы пришли на мѣсто, проводникъ нашъ, стрѣлявшій по оленю, уже покончилъ съ нимъ, вкладывая въ ножны свой охотничій ножъ. На этотъ разъ, тяжело раненый олень не могъ приподняться съ мѣста при его къ нему приближеніи. Случается иногда, что раненый олень яростно бросается на охотника и можетъ быть для него опасенъ, если онъ не остережется и не съумѣетъ заколоть его.

Здѣсь охота наша на оленей должна была окончиться. Чтобъ продолжать гоньбу за ними, нужно было пройти впередъ еще верстъ двадцать, что̀, послѣ двухдневной ходьбы на лыжахъ, было намъ уже не подъ силу. Кътому же, предстоялъ еще обратный путь безъ малаго въ шестьдесятъ верстъ.

Но мнѣ не хотѣлось оставить этой мѣстности, не побы-

вавъ на Сергозерѣ, до котораго, по словамъ проводника, было версты три, не болѣе. По мѣрѣ нашего приближенія къ нему, лѣсъ становился рѣже и мельче, и вскорѣ открылась передъ нами обширная снѣжная равнина, окаймленная на противоположной сторонѣ темною полосою лѣса. Это и было *Сергозеро*, обыкновенное лѣсное озеро, какихъ не мало можно встрѣтить по обширнымъ лѣсамъ Архангельской губерніи. Замѣчательно оно лишь по преданію объ *Орлѣ*, бѣгломъ солдатѣ изъ мѣстныхъ крестьянъ, которому удалось пробраться на родину и поселиться въ этой глуши. Это было въ царствованіе Елизаветы, или Екатерины II, не позже. Нѣсколько лѣтъ сидѣлъ Орелъ на этомъ озерѣ, построилъ избу, обзавелся хозяйкою, а слѣдовательно и хозяйствомъ, пахалъ и сѣялъ, ловилъ рыбу, стрѣлялъ птицу, и что особенно замѣчательно, ѣздилъ въ лѣтнее время на лодкѣ въ городъ [1]) и продавалъ тамъ свою добычу [2]). Разъ, подъ вечеръ, сидитъ онъ у своей избы, починяя сѣти, и видитъ, выходятъ изъ лѣсу какіе-то люди, въ мужицкихъ кафтанахъ, съ ружьями за плечьми. Лѣсники, думаетъ онъ, и спокойно остается на мѣстѣ. Но на этотъ разъ Орелъ обманулся: то были не лѣсники, а переодѣтые сыщики. Подошли и схватили. На крикъ его выбѣгаетъ хозяйка, съ ружьемъ въ рукахъ, и хочетъ стрѣлять по сыщикамъ, но въ это время поспѣшила на мѣсто толпа

[1]) Въ Архангельскъ.

[2]) Сергозеро соединяется протокомъ съ рѣчкою Тойпокуркою, впадающею въ С. Двину.

понятыхъ, и Орелъ, увидѣвъ, что сопротивленіе невозможно, остановилъ выстрѣлъ.

Изба была сожжена, лодки поломаны, сѣти порваны, скотъ и пожитки забраны. Уцѣлѣлъ одинъ только овинъ: стоитъ онъ тамъ и до сихъ поръ, ветхій преветхій. Поля и луга давнымъ давно поросли лѣсомъ. А нѣкогда, сто лѣтъ тому назадъ, здѣсь начиналась жизнь, и, можетъ быть, еслибъ не сыщики, теперь стояла бы тутъ деревушка.

Но пора уже было и въ обратный путь. Начинало смеркаться, когда мы подошли къ мѣсту, гдѣ стояла избушка, съ намѣреніемъ переночевать въ ней, но, къ великому огорченію нашему, ея уже не существовало. Она сгорѣла, должно быть, отъ тлѣвшей головни, попавшей на мшистую сухую подстилку въ то время, когда мы разрывали костеръ, еще горѣвшій передъ нашимъ уходомъ. Пришлось бы переночевать подъ открытымъ небомъ, еслибъ не громадная ель, стоявшая тутъ же по близости, которая могла замѣнить намъ собою сгорѣвшую избушку. Подъ навѣсомъ ея широкихъ нижнихъ вѣтвей, склонявшихся до самой земли, представлялось превосходное мѣсто для ночлега; снѣгу подъ ними не было, а земля покрыта была толстымъ слоемъ осыпавшейся сухой хвои. Намъ оставалось только развести огонь передъ этимъ вѣтвистымъ кровомъ и, забравшись подъ ель, заснуть такъ, какъ засыпается послѣ двѣнадцати часовой ходьбы, при мало-мальски сносной обстановкѣ.

На другой день, послѣ полудня, не доходя версты три до дороги, повернули мы въ сторону, по направленію къ

одной изъ *вершинъ* [1]), гдѣ у проводника нашего стояли капканы на волковъ и лисицъ. Одного изъ капкановъ не оказалось на мѣстѣ. Какой-то звѣрь унесъ его съ собою, оставивъ на снѣгу глубокій слѣдъ. Тотчасъ же отправились мы за нимъ въ погоню. Слѣдъ велъ мѣстами подъ ели, то, выходя изъ подъ нихъ, опускался въ овраги. Стали показываться уже на снѣгу капли крови и, по всѣмъ признакамъ, звѣрь былъ отъ насъ недалеко. Вотъ выскочилъ онъ изъ подъ ели, сдѣлалъ два, три прыжка, и остановился. Мы подошли поближе, и видѣли какъ, приподнимался онъ на заднія лапы, показывая свое рыжеватое брюхо, и тотчасъ же опускался, обезсиленный капканомъ, въ которомъ торчала одна изъ его переднихъ лапъ. Черная длинная шерсть щетинилась у него на спинѣ, точно у разсвирѣпѣвшаго волка. Подойти къ нему ближе было не совсѣмъ безопасно, а потому проводникъ нашъ выстрѣломъ изъ винтовки положилъ его на мѣстѣ. То была *россомаха* (Gulo borealis). Короткими ногами и длиннымъ туловищемъ своимъ она напоминаетъ выдру, съ которой сходствуетъ еще и тѣмъ, что плаваетъ и ныряетъ отлично, но длинные, острые когти обличаютъ въ ней страшнаго хищника и отличнаго лазуна. Это тигръ сѣверныхъ лѣсовъ. Разсказываютъ, что она не рѣдко нападаетъ на оленей, бросаясь на нихъ съ дерева, на которомъ сидитъ притаив-

[1]) *Вершиною* называется верхняя часть лѣснаго ручья, обыкновенно наглухо зарастающая ельникомъ и березнякомъ. Такіе ручьи, почти совсѣмъ пересыхающіе лѣтомъ, весною шумными потоками несутся по глубокому ложу, впадая въ озера или рѣки.

шись, выжидая ихъ появленія на *лазахъ* [1]). По лѣсамъ Архангельскаго уѣзда она встрѣчается рѣдко, и мы никакъ не думали, что преслѣдуемъ россомаху, предполагая, что кашканъ унесенъ былъ волкомъ. Сѣвернѣе, въ лѣсахъ Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ, она попадается чаще. Синяной мѣхъ ея идетъ на воротники, подбрюшина же на шапки.

Начинало уже смеркаться, когда мы вышли на лѣсную дорогу. Здѣсь можно было наконецъ сойти съ лыжъ. Скоро и незамѣтно прошли мы пятнадцать верстъ, остававшихся до деревни, выслушивая разсказы нашего проводника о томъ, какъ ловитъ онъ по зимамъ лѣснаго звѣря. На каждаго изъ нихъ требуется особая сноровка въ постановкѣ кашкана, о чемъ, впрочемъ, буду говорить при случаѣ.

Охота наша была удачна. Мы были очень счастливы, застрѣливъ двухъ оленей. Бываетъ не рѣдко, что проходишь трои сутки и не увидишь ни одного, а если и удастся наслѣдить стадо, то не всегда подойдешь къ нему на выстрѣлъ. Случалось мнѣ слышать разсказы лѣсниковъ, изъ крестьянъ Архангельскаго и другихъ уѣздовъ, о томъ, какъ *бьются* они на лыжахъ за оленями по тонкому насту. Безостановочно, въ продолженіи цѣлаго дня, идутъ они тогда за стадомъ, для легкости сбрасывая съ себя по немногу *одежу*, отъ свѣту до потемокъ, до тѣхъ поръ, пока

[1]) *Лазъ* — тропинка, по которой олени, въ лѣтнюю пору, ходятъ на водопой.

не упадутъ, выбившись изъ силъ олени, проваливающіеся на тонкомъ настѣ, который *подъкалетъ* имъ ноги. Тогда ихъ уже не стрѣляютъ, а рѣжутъ, обращая охоту въ бойню. Бываетъ, что разгорячившійся охотникъ, оставшись, въ сильный морозъ, въ одной рубахѣ, не успѣетъ дойти до сброшеннаго имъ на пути полушубка, и замерзаетъ.

Но какъ же, спроситъ, можетъ быть, меня читатель, оставили мы въ лѣсу убитыхъ нами оленей, и почему не взяли ихъ съ собой? На этотъ, очень естественный, впрочемъ, вопросъ отвѣчу тѣмъ, что за убитыми оленями идутъ въ лѣсъ, обыкновенно, на другой, или на третій день послѣ охоты, и вывозятъ ихъ оттуда на легкихъ, особаго устройства, широкополозныхъ саняхъ [1]). Тащить же за собой эти санки во время гоньбы за оленями не удобно, да ктому же и нельзя заранѣе опредѣлить счастливый исходъ охоты.

---

[1]) Убитаго оленя зарываютъ въ такомъ случаѣ глубоко въ снѣгъ, чтобъ не зачуяли его волки или какіе либо другіе хищные звѣри.

РѢКА ЛАЯ.

Общій характеръ лѣсныхъ рѣкъ Архангельской губерніи. — Рѣка Лая. — Стружокъ. — Берега Лаи. — Медвѣдь и лошадь. — Лѣсъ лѣтомъ въ ночную пору. — Охота на медвѣдей. — Лѣсники. — Выдра.

Есть рѣки въ Архангельской губерніи, протекающія на пространствѣ 200 верстъ о болѣе, сплошь глухими лѣсами, полноводныя въ весеннюю пору, мѣстами же, на песчаныхъ и каменистыхъ перевалахъ, почти совсѣмъ пересыхающія лѣтомъ. По берегамъ ихъ изрѣдка увидишь деревушку, съ незначительнымъ населеніемъ, но только въ двадцати, много въ тридцати верстахъ отъ устья; дальше нѣтъ, да и не бывало на нихъ жилья, и только одни лѣсники, промышляющіе лѣснаго звѣря и птицу, посѣщаютъ ихъ, пробираясь до самыхъ истоковъ, да крестьяне, заготовляющіе по веснамъ и осенямъ строевой и дровяной лѣсъ для весенняго сплава.

Къ такимъ лѣснымъ рѣкамъ принадлежитъ рѣка Лая, впадающая въ С. Двину, въ 20 верстахъ отъ ея устья.

Беретъ она свое начало въ лѣсахъ Холмогорскаго уѣзда и протекаетъ на пространствѣ слишкомъ полутораста верстъ. При рѣкѣ этой, въ 15 верстахъ отъ Архангельска, лѣтъ сто тому назадъ, стоялъ якорный заводъ, разрабатывавшій мѣстную желѣзную руду и снабжавшій якорями купеческія архангельскія верфи [1]). Тутъ же былъ лѣсопильный заводъ и мукомольныя мельницы. Отъ всего этого, также какъ и отъ верфей, не осталось теперь и слѣда.

Въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, охотясь на куропатокъ въ перелѣскахъ, прилегающихъ къ берегамъ Лаи, дошелъ я, незамѣтнымъ для меня образомъ, до деревни того же наименованія, расположенной на лѣвомъ берегу этой рѣки, въ 15 верстахъ отъ ея устья. Время было позднее, а потому я и зашелъ къ одному знакомому мнѣ крестьянину, съ тѣмъ, чтобы, переночевавъ у него, назавтра продолжать охоту на обратномъ пути. Здѣсь узналъ я, что два крестьянина, извѣстные промышленники въ деревнѣ, отправляются на другой день вверхъ по Лаѣ бить медвѣдей. Охота на медвѣдя въ такую пору, и притомъ по рѣкѣ, когда обыкновенно въ Архангельской губерніи бьютъ этого звѣря раннею весною, поднимая его изъ берлоги, или же на привадѣ, заинтересовала меня, а потому на другой день, еще до солнечнаго всхода, я былъ уже у этихъ крестьянъ. Былъ первый часъ ночи въ началѣ, но зори схо-

[1]) Якорный заводъ этотъ принадлежалъ архангельскому купцу И. Денисову.

дились уже съ зорями объ эту пору, а потому было свѣтло, какъ днемъ. На берегу стоялъ *стружокъ* [1]), до того легкій, что его безъ особеннаго усилія можно было стащить одною рукою на воду. Много нужно имѣть сноровки, чтобъ, сидя въ этомъ стружкѣ, постоянно держаться въ равновѣсіи, ибо малѣйшее неосторожное движеніе можетъ легко его опрокинуть. А между тѣмъ крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей Архангельской губерніи плаваютъ въ такихъ лодкахъ, по своимъ лѣснымъ рѣкамъ, стоя, и не было еще примѣра, чтобъ кто либо изъ нихъ упалъ, потерявъ равновѣсіе. Конечно, сноровка эта пріобрѣтается ими долговременною практикою, еще съ малолѣтства. Мнѣ случалось видать на перевозахъ, какъ иной пьяный мужикъ, сильно пошатываясь, подходилъ къ стружку, съ намѣреніемъ переправиться на другую сторону рѣки. Невольный страхъ, бывало, беретъ за него, и кажется, опрокинетъ онъ вертлявый стружокъ неминуемо, но между тѣмъ, къ немалому моему удивленію, вступалъ онъ въ него твердою ногою и сталъ, во все время переправы, ни разу не пошатнувшись. Тутъ ужъ спасаетъ его эквилибристика, сохраняемая имъ и въ нетрезвомъ видѣ, конечно, по привычкѣ и безсознательно.

Размѣстившись въ стружкѣ, стали мы подниматься вверхъ по рѣкѣ. Лѣсники стояли по концамъ (корма и носъ къ такимъ лодкамъ не приложимы), съ длинными шестами въ рукахъ, и, хотя теченіе было еще быстрое,

---

[1]) *Стружокъ* — лодка, выдолбленная изъ осиновой колоды, большею частью безъ *набоевъ*, т. е. прививныхъ бортовъ.

довольно скоро стали подвигаться впередъ, большею частью держась въ берегахъ. Намъ предстояло подняться вверхъ по рѣкѣ верстъ на сорокъ, и затѣмъ спуститься обратно. Только въ длинномъ и узкомъ стружкѣ, чрезвычайно легкомъ на ходу, и притомъ на шестахъ, и можно пускаться въ такое плаваніе по лѣснымъ рѣкамъ. Въ лодкѣ, на веслахъ [1]), въ особенности весною, противъ быстраго теченія, далеко не уѣдешь, а лѣтомъ, мѣстами, и не проѣдешь за отмелями. Стружокъ удобенъ еще потому, что его легко можно перенести. Въ иномъ мѣстѣ лѣсная рѣка, вообще текущая очень извилисто. отступаетъ въ сторону и, пробѣжавъ кругомъ версты на три и болѣе, подходитъ по близости опять къ тому же мѣсту. Въ такихъ случаяхъ, во избѣжаніе объѣзда, вскинутъ легкій стружокъ на плечи, перенесутъ черезъ *наволокъ*, спустятъ на воду и плывутъ далѣе. На иныхъ рѣкахъ верѣчаются и пороги, опасные при спускахъ и совершенно преграждающіе дорогу при подъемахъ. Тогда опять стружокъ на плечи, обойдутъ порогъ и плывутъ далѣе.

Берега Лаи, какъ и вообще всѣхъ лѣсныхъ рѣкъ Архангельскаго и Холмогорскаго уѣздовъ, очень живописны въ дикой красотѣ своей и притомъ чрезвычайно разнообразны. Вотъ протекаетъ она передъ нами въ пологихъ, открытыхъ берегахъ, уже зазеленѣвшихъ и обѣщающихъ къ лѣту отличный сѣнокосъ. Рѣка вдается въ эти берега

[1]) Весла для гребли на стружкахъ не употребляются; весло только замѣняетъ руль при спускахъ.

небольшими, но частыми заливцами, въ лѣтнюю пору наглухо зарастающими тростникомъ и хвощами. Утки *матуги* [1]) по одиночкѣ взлетаютъ съ береговъ при нашемъ къ нимъ приближеніи. Лѣтомъ навѣрное найдешь въ этихъ заливцахъ по выводку, а въ иныхъ и по два. Лѣсъ отступаетъ здѣсь отъ береговъ на полверсты, и болѣе. Онъ еще голъ, и, черньѣясь, рѣзко отдѣляется отъ свѣтло-зеленаго луга, надъ которымъ, съ протяжнымъ свистомъ, вьются уже осторожные *кроншнепы* (Numenius Arquata), завидѣвшіе насъ издалека.

Но вотъ прибрежные лѣса начинаютъ понемногу подступать къ рѣкѣ, берега постепенно съуживаются и повышаются. На нѣсколько верстъ тянутся они передъ нами отвѣсною, ровною стѣною, въ сажень высоты, мѣстами и менѣе, съ торчащими въ нихъ пнями и древесными стволами, вымываемыми рѣкою во время ея весеннихъ разливовъ. Когда-то, можетъ быть, еще до появленія рѣки, стоялъ тутъ дремучій лѣсъ, и лѣсъ крупный, судя по вымываемымъ пнямъ и стволамъ. Теперь надъ нимъ лежитъ толстый слой торфянника, на образованіе котораго пошла не одна тысяча лѣтъ. Только мелкій березнякъ, да ягодникъ устилаютъ собою ровную поверхность этихъ низменныхъ береговъ; лѣсъ стоитъ отъ нихъ еще во ста саженяхъ, не менѣе. Сюда-то, на эти торфяные берега, выходятъ изъ окрестныхъ лѣсовъ въ это время

[1]) Такъ называютъ крестьяне Архангельскаго уѣзда утиныхъ самокъ.

медвѣди, еще недавно, послѣ продолжительной зимней спячки, покинувшіе свои берлоги, исхудалые и голодные, подкрѣпляя свои истощенныя силы скудною пищею, состоящею изъ однихъ корней. Но здѣсь ихъ не было: мы отдалились отъ деревни только еще верстъ на десять. Охота на нихъ предстояла впереди, верстъ на двадцать вверхъ по теченію рѣки, тамъ дальше, за высокимъ лѣсистымъ кряжемъ, на такихъ же точно торфяныхъ берегахъ.

Вотъ миновали мы небольшой выселокъ, раскинутый на самомъ берегу рѣки, за нимъ другой, еще меньшій,— послѣднее уже прибрежное жилье. Дальше, верстъ на сто и болѣе, до самыхъ истоковъ, встрѣтятся, и то рѣдко, одинъ только развѣ лѣсныя избушки. Рѣка начинаетъ замѣтно съуживаться, берега становятся выше и выше, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прибрежный лѣсъ надвигается къ нимъ ближе и ближе. Это уже крупный боровой лѣсъ. Рѣка протекаетъ шалгою, раскинувшеюся по ту и другую ея сторону на огромное пространство. Высокія ели спускаются по крутому берегу до самой воды, свѣсивъ въ нее свои широкія лапчатыя вѣтви. Темная глубь рѣки прекрасно гармонируетъ съ темнымъ колоритомъ обступающаго ее лѣса. Но здѣсь еще довольно простора: тамъ дальше, на десятки верстъ впереди, рѣка съуживается, говорятъ, до размѣровъ лѣснаго ручья, глубокаго, впрочемъ, и протекающаго въ такихъ же, еще болѣе высокихъ берегахъ. Исполинскія ели и сосны стоятъ тамъ, по крутымъ прибрежнымъ склонамъ, сплошною стѣною, широко раскинувъ свои громадныя вѣтви и, соприкасаясь другъ съ другомъ,

образуютъ надъ рѣкою вѣчнозеленый сводъ. Здѣсь же встрѣчаются еще небольшіе острова, на яркой зелени которыхъ пріятно отдыхаетъ глазъ, утомленный однообразнымъ темнымъ колоритомъ хвойнаго лѣса. Спутники мои указали мнѣ на одинъ изъ этихъ островковъ, и на высокій, крутой берегъ, отъ котораго онъ отдѣлялся узкимъ проливцемъ. Берегъ былъ страшно взрытъ, деревья поломаны, нѣкоторыя, по крупнѣе, вырваны съ корнями. Казалось, кто-то поднималъ, или скорѣе, спускалъ по немъ что-то очень громоздкое и тяжелое. „Это Михайло Иванычъ такую дорожку проложилъ", объяснилъ мнѣ одинъ изъ лѣсниковъ въ отвѣтъ на мое недоразумѣніе, и разсказалъ затѣмъ, что происходило на этомъ мѣстѣ, за нѣсколько дней до нашего проѣзда, между медвѣдемъ и лошадью. Чья-то лошадь, должно быть, изъ ближайшаго выселка, наслась на упомянутомъ островкѣ. Медвѣдь замѣтилъ ее, и ночью, въ обычную пору своихъ похожденій, спустился съ крутаго берега (а ходитъ онъ очень осторожно, когда окажется въ томъ необходимость), перебрелъ проливецъ и, подкравшись къ спящей лошади, *зобралъ* ее. Оставить лошадь здѣсь, на открытомъ мѣстѣ, медвѣдю не заблагоразсудилось: нужно было втащить ее *на гору* [1]), въ лѣсную чащу, гдѣ привольнѣе и безопаснѣе казалось ему полакомиться добычею. Перетащилъ онъ ее съ островка на берегъ безъ особеннаго труда, но взобраться съ нею

[2]) *Гора*—высокій берегъ рѣки, по отношенію къ лежащимъ на ней островамъ.

на гору было, какъ видно, не смотря на гигантскую его силу, не совѣмъ то легко. Трудно бы было повѣрить, чтобъ могъ онъ вставить такую тяжесть по высокому, крутому берегу, если-бъ оставленные имъ слѣды не подтверждали этого. Нѣсколько разъ, въ продолженіи ночи, взбирался онъ съ лошадью на крутизну, обрывался и падалъ вмѣстѣ съ нею въ воду, ломая и вырывая на пути деревья, но все-жъ таки настоялъ на своемъ. На другой, или на третій день, одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, провѣдавъ о задранной имъ лошади, ночью убилъ его на привадѣ, имъ самимъ для себя приготовленной съ такими усиліями. Я видѣлъ потомъ шкуру этого медвѣдя. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ изъ особенно крупныхъ.

Между тѣмъ, мы подвигались впередъ и впередъ. Легкій стружокъ нашъ замѣтно заколыхался подъ нами: тутъ, говорятъ, лѣтомъ, *въ межонную воду* [1]), нѣтъ проѣзда, такъ какъ рѣчное ложе усѣяно камнями. По рѣкѣ неслись бревна и цѣлыя деревья, подмытыя водой, и много-нужно было имѣть ловкости и умѣнья управлять стружкомъ, чтобъ избѣжать съ ними встрѣчи. Еще двѣ, три версты впередъ, и теченіе замѣтно стало ровнѣе; рѣка пораздвинулась въ берегахъ, лѣсъ началъ понемногу отступать отъ нихъ, и мы увидѣли опять торфяные берега, въ сажень вышиною, ровною темною стѣною потянувшіеся передъ нами на нѣсколько верстъ. Здѣсь-то,

---

[1]) Въ *межонную воду*, т. е. когда рѣка войдетъ въ обыкновенные берега свои.

на этихъ берегахъ, предстояла намъ охота на медвѣдей. Нужно было миновать ихъ, чтобъ, поднявшись выше, спуститься къ нимъ ночью. Такъ мы и сдѣлали. Было уже далеко за-полдень, когда мы подплыли къ лѣсу, вновь подступившему къ самому берегу и, встащивъ на него стружокъ, расположились подъ густою елью, чтобъ отдохнуть до наступленія ночи. Мы были въ пятидесяти верстахъ отъ устья рѣки, въ тридцати отъ ближайшаго жилья. А тамъ, впереди, лѣсная глушь еще на сотню верстъ!

Кругомъ обычное безмолвіе, характеризующее сѣверный лѣсъ и въ лѣтнюю пору. Хоть бы одна какая либо птичка огласила воздухъ своимъ пѣніемъ. Только всплёски воды въ берегу, да гулъ лѣсной нарушали это безмолвіе. Но вотъ наступаетъ вечеръ. Сэлнце золотитъ вершины высокихъ елей, покрывающихъ противоположный берегъ. Еще нѣсколько минутъ, и оно закатится. Но ночи нѣтъ: свѣтло, какъ днемъ. Заслышалось гдѣ-то отдаленное кудахтанье тетеревовъ. Вблизи раздался громкій крикъ *куропатя* [1]); въ отвѣтъ ему, въ опушкѣ противоположнаго берега, отозвалось *тиявканье* куропатки. Что-то привлекательное и пугающее вмѣстѣ въ тѣмъ заключается въ этомъ громко раздающемся, чрезвычайно характеромъ *куропатиномъ* крикѣ, поражающемъ слухъ среди пустыннаго, безмолвно-темнаго лѣса, и вызываетъ онъ невольно, еще съ дѣтства захоронившіяся въ памяти сказки нянюш-

[1]) Такъ называютъ въ Архангельской губерніи бѣлую куропатку.

шекъ-старушекъ, и заслышится тогда хохотъ лѣшаго, перекатнымъ эхомъ далеко разносящійся по лѣсу.

Но пора и въ обратный путь: лѣсники спустили уже стружокъ на воду. Одинъ изъ нихъ, съ винтовкою въ рукахъ, помѣстился въ передней его части, другой сталъ въ кормѣ: теперь достаточно и одного весла, чтобъ управлять стружкомъ. Быстро понесся онъ внизъ по рѣкѣ.

Слабый вѣтерокъ дулъ намъ прямо въ лицо, а потому можно было надѣяться, что медвѣдь не зачуетъ нашего приближенія. Мы останавливались при каждомъ поворотѣ рѣки и всматривались въ открытые берега, темною стѣною стоявшіе надъ водою. Вскорѣ замѣтили мы, на самой окраинѣ одного изъ нихъ, какую-то темную массу, медленно передвигавшуюся съ мѣста на мѣсто. То былъ медвѣдь, отрывавшій коренья, которыми, за отсутствіемъ другой добычи, кормится онъ на первыхъ порахъ по выходѣ изъ берлоги. Осторожно стали мы подвигаться впередъ, скрываясь, по возможности, за выступами торфянаго берега, но хитрый звѣрь замѣтилъ наше приближеніе и, не допустивъ насъ на выстрѣлъ, съ замѣчательною для такого тяжелаго на ходу звѣря быстротою, въ прискочку, побѣжалъ по прямому направленію къ лѣсу и вскорѣ скрылся въ его опушкѣ. Пускаться за нимъ въ погоню было безполезно. Онъ очень пугливъ бываетъ въ это время и увелъ бы далеко въ лѣсную глушь. Оставалось плыть далѣе и выжидать, не запримѣтимъ ли другаго. До солнечнаго всхода оставалось еще часа два, а берега, посѣщаемаго медвѣдями, было впереди еще верстъ

на пять. Но тщетны были наши ожиданія. Видѣли дикаго оленя, но подойти къ нему на выстрѣлъ, за открытою мѣстностью, не было никакой возможности. Посмотрѣли на него изъ-за берега, какъ онъ, болѣе чѣмъ въ четырехстахъ шагахъ отъ насъ, проходилъ вдоль лѣсной опушки, общипывая молодые древесные побѣги, подождали, не подвинется ли къ рѣкѣ, да съ тѣмъ я пустились далѣе.

„*Лонись* [1])—говорилъ лѣсникъ—объ эту пору двухъ оленей застрѣлили, а нонѣ вотъ вдругорядъ посмотримъ только, да съ тѣмъ и уйдемъ“.

— Да вѣдь въ *вершинѣ* били, замѣчаетъ другой; нать туда понавѣдаться.

Вершина эта была неподалеку, и мы рѣшили, привязавъ стружокъ къ берегу, направиться туда немедленно. Но не успѣли сдѣлать мы нѣсколькихъ шаговъ по направленію къ лѣсной опушкѣ, какъ заслышали трескъ ломавшагося *сучья*; подъ чьими ногами оно ломалось, догадаться было не трудно. Мигомъ спустились мы за берегъ и стали выжидать, притаивъ дыханіе. Минуту спустя, показался на опушкѣ медвѣдь. Не подозрѣвая нашего присутствія, шелъ онъ прямо на насъ, останавливаясь по временамъ и взрывая землю. Вотъ ужъ онъ въ пятидесяти шагахъ отъ насъ; время бы, кажется, стрѣлять, но лѣсникъ выжидаетъ. Медвѣдь подвигается еще шаговъ на двадцать. Ну, думаю, взлѣзетъ скоро на самое дуло. Но бывалый лѣсникъ, понимая всю выгоду своего положенія,

[1]) *Лонись* — прошлый годъ.

хочетъ, повидимому, покончить съ нимъ однимъ выстрѣломъ. Бить же медвѣдя ему не впервые: знаетъ, куда *уколоть*, а рука не дрогнетъ. Предположенія мои оправдались. Медвѣдь былъ шагахъ въ десяти, много въ пятнадцати, какъ мѣткій выстрѣлъ осадилъ его на ходу. Раненый смертельно, медвѣдь страшно взревѣлъ, поднялся на заднія лапы, но тотчасъ же опрокинулся навзничь. Нѣсколько минутъ спустя, когда мы, взлѣзши на берегъ, подошли къ нему, онъ былъ уже мертвъ. Взглянувъ на исхудалаго звѣря, съ большими пролежнями на шкурѣ, образовавшимися отъ долговременной зимней лёжки, я не могъ не спросить лѣсниковъ, зачѣмъ они бьютъ его въ это время. Они соглашались съ тѣмъ, что *Пѣмцы* [1]) не возьмутъ у нихъ его жесткаго мяса, а сами они не добудутъ и фунта сала. Шкура же съ пролежнями, съ линючею шерстью, не стоитъ и выдѣлки. Такъ для чего же?

„Да чтобъ страхъ зналъ! отвѣчали они. „И народу-то впрокъ будетъ, какъ эдакъ поубавимъ ихъ съ десятокъ на лѣто. Все-жъ вольготнѣе будетъ скоту-то: вѣдь лютой звѣрь больно ужъ скотинку нашу обижаетъ“. Да, подумалъ я, выслушавъ это объясненіе, не всегда и крестьянинъ нашъ охотится изъ-за добычи, и онъ бываетъ охотникомъ ex proffesso, даже болѣе чѣмъ по страсти и по призванію, если вспомнишь, что идетъ онъ на медвѣдя, рискуя жизнью и задавшись единственно мыслью объ истребленіи хищнаго звѣря на общенародную пользу. Это

[1]) Такъ называютъ крестьяне подгородныхъ деревень нѣмецкихъ негоціантовъ, проживающихъ въ Архангельскѣ.

своего рода подвиги самоотверженія, совершаемые безъ всякой задней мысли о вознагражденіи.

Въ вершинѣ видѣли мы свѣжій слѣдъ медвѣдя, а потому трудно было расчитывать, чтобъ олени въ эту ночь пришли на водопой. Лѣсники надѣялись, внизъ по теченію рѣки, еще встрѣтить медвѣдей. Не теряя времени, вышли мы на берегъ и, сѣвъ въ стружокъ, отправились далѣе. Дѣйствительно, не успѣли мы спуститься на версту, какъ лѣсникъ далъ знакъ своему товарищу, чтобъ онъ *причаливалъ* къ берегу. Не говоря ни слова, вышелъ онъ изъ стружка и осторожно сталъ пробираться къ опушкѣ. Не видя медвѣдя, но подозрѣвая его присутствіе, я не зналъ, чему удивляться, обилію ли звѣря (берегъ этотъ можно бы назвать медвѣжьимъ), или хладнокровію и отвагѣ, съ какими шелъ на него мой лѣсникъ. Вооруженный одною винтовкою, ни мало не расчитывая на нашу помощь, шелъ онъ на страшнаго звѣря, точно передъ нимъ былъ заяцъ или дикая утка. Вотъ скрылся онъ въ опушкѣ.

— Не пойти ли и намъ за нимъ? спросилъ я его товарища.

Тотъ махнулъ рукой. — Для-че (го)! И одинъ справится!

Проходитъ минутъ пять томительнаго ожиданія. Мы ждемъ выстрѣла. Но выстрѣла не послѣдовало: лѣсникъ показался на опушкѣ. „Ушолъ, косолапой чортъ!“ сказалъ онъ, вернувшись къ намъ, и въ голосѣ его не чувствовалось ни малѣйшаго волненія; въ немъ слыша-

лась одна только досада на неудачу. И я уже не удивлялся, когда въ послѣдствіи мнѣ случалось выслушивать разсказы о томъ, какъ такой-то лѣсникъ уходилъ на своемъ вѣку до полусотни медвѣдей.

Солнце только что начинало золотить верхушки елей, когда мы были уже на полчаса пути отъ деревни. Легкій стружокъ уносилъ насъ съ быстротою болѣе десяти верстъ въ часъ. Я всматривался въ берега, выжидая, не поднимется ли гдѣ дикая утка. Вдругъ что-то тяжеловѣсное бултыхнуло въ воду, въ небольшомъ отъ насъ разстояніи, подъ самымъ берегомъ, и тотчасъ же обозначилось на ея поверхности темною полосою. Я выстрѣлилъ по ней, и черезъ минуту, въ противоположномъ берегу, всплылъ какой-то звѣрь, уже мертвый. То была *выдра* (Lutra vulgaris). Извѣстный звѣрь этотъ водится по Лаѣ и другимъ лѣснымъ рѣкамъ Архангельской губерніи, большею частью въ верховьяхъ ихъ, выбирая самыя глухія мѣста; въ низовьяхъ встрѣчается рѣже. Крестьяне-промышленники стрѣляютъ ихъ мало; больше ловятъ капканами. Капканы ставятъ обыкновенно въ берегахъ, на лазахъ, которые звѣрь пролагаетъ, выходя на сушу. Извѣстно, что выдра питается рыбою, и добычу свою выноситъ всегда на сушу, не удаляясь, впрочемъ, далеко отъ береговъ, гдѣ и съѣдаетъ ее.

На рѣкѣ Пинегѣ выдру бьютъ острогою, въ глухую осеннюю пору, когда рѣку затянетъ уже льдомъ, еще доснѣгу. У одного знакомаго мнѣ охотника была собака, отлично выдрессированная для такой охоты; это была прос-

тая дворовая собака, съ которою ходилъ онъ и на утокъ, и въ лѣсъ за лѣсною птицею. Выйдетъ, бывало, онъ на рѣку, день, много два по ледоставѣ, а собака уже приведетъ его къ прорубкѣ, пробитой выдрою для выхода. Разумѣется, звѣрь за-время скроется въ воду, но зоркій глазъ собаки отыщетъ его и подо льдомъ. Тогда охотникъ убивалъ его острогою.

Выдра, водящаяся въ рѣкахъ Архангельской губерніи, уступаетъ сибирской, не говоря уже объ американской, и въ величинѣ и въ достоинствѣ мѣха, который, какъ извѣстно, чѣмъ темнѣе, тѣмъ цѣннѣе. Впрочемъ, по рѣкамъ Кемскаго и бывшаго Кольскаго уѣздовъ, встрѣчается выдра, мало чѣмъ уступающая въ этомъ послѣднемъ отношеніи американской.

КНЯЖОСТРОВЪ.

Переѣздъ по С. Двинѣ отъ Архангельска до Княжострова. — Княжостровскіе хвосты. — Кулики побережники. — Морская сорочка. — Ревухи. — Околодокъ Ягодникъ. — Охота на утокъ. — Гагарки. — Селезни. — Кутовая рѣчка. — Луговыя мыши. — Гоголи. — Утка плотоносъ. — Видъ на островъ и его окрестности съ берега Двины.

Въ 25-ти верстахъ отъ г. Архангельска, вверхъ по теченію С. Двины, лежитъ островъ, или скорѣе, группа острововъ, раздѣляемыхъ *проліями*. Его называютъ Княжостровомъ. Должно быть, названъ онъ такъ потому, что принадлежалъ нѣкогда князьямъ новогородскимъ. Въ послѣдніе годы независимости Новгорода, островомъ этимъ владѣла Марѳа Посадница. На колокольнѣ княжостровской до сихъ поръ можно видѣть колоколъ, присланный ею въ даръ церкви.

Въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, когда крестьяне Архангельскаго уѣзда начинаютъ страду сѣнокосомъ, часовъ въ пять вечера, сѣли мы въ карбасъ, на одной изъ

пристаней города, и вскорѣ, съ *повътерью* [1]) и съ *прибылой водой* [2]), оставляли уже за собою Архангельскій монастырь, замыкающій городъ съ южной стороны. Вправо отъ насъ потянулся длинный рядъ низменныхъ острововъ, поросшихъ ивнякомъ, *кошекъ*, по мѣстному говору. За ними видѣлись высокіе берега Двины, обозначаясь на горизонтѣ темною полосою лѣса. Вотъ миновали мы послѣдній изъ острововъ, далеко убѣгающій впередъ песчаною отмелью, усѣянною чайками, и передъ нами выступила Двина во всемъ величіи трехверстной ширины своей. Далеко впереди темною полоскою обозначались княжостровскіе *хвосты*. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ большихъ двинскихъ острововъ, или, какъ я уже сказалъ, группы острововъ, имѣютъ *хвостъ* и *голову*. Хвосты — это низменная, внизъ по теченію рѣки, оконечность острова; головою, относительно возвышенною, начинается островъ. Новогородскій колонизаторъ, заселяя Двинскую Землю, шелъ, значитъ, по теченію рѣкъ.

Полчаса спустя, проходили мы уже мимо княжостровскихъ хвостовъ. Вправо, на полуверстномъ разстояніи, высоко, почти отвѣсною стѣною, поднимался лѣвый берегъ Двины, поросшій густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Правый, еще видѣвшійся, такой же, если еще не бо́льшей высоты, скрывается понемногу за яркою береговою зеленью острова. Мы приближаемся къ ней, и ѣдемъ въ такомъ близ-

[1]) *Повътерь* — попутный вѣтеръ.

[2]) *Съ прибылой водой* — во время морскаго прилива, еще очень чувствительнаго въ Двинѣ противъ г. Архангельска.

комъ разстояніи отъ берега, что можемъ отчетливо разсмотрѣть маленькихъ куликовъ *побережниковъ* (Calidris), быстро бѣгущихъ вдоль самой окраины воды. Съ рѣзкимъ свистомъ поднимаются они при нашемъ приближеніи, опускаются, и снова бѣгутъ такъ быстро, что глазъ едва успѣваетъ слѣдить за ними. Вотъ *морская сорочка* (Haematopus ostralegus L.), очень красивая птица, величиною съ голубя, съ ярко-краснымъ клювомъ и блѣдно-малиноваго цвѣта лапками, вьется по-надъ берегомъ, отлетая въ сторону и тотчасъ же возвращаясь къ намъ. Тутъ, въ прибрежномъ кустарникѣ, навѣрное, кроются ея дѣти. Весною можно найти въ берегу ея пестрыя, красивыя яица, которыя она несетъ прямо на песокъ, не устраивая гнѣзда. Со стороны, должно быть, съ ближайшаго *напорнаго* озера, доносится къ намъ по рѣкѣ крикъ *гагаръ* (Colymbus arcticus). „(В) ишь, какъ разревѣлись, проклятыя!“ замѣчаетъ одинъ изъ гребцовъ; „должно быть, къ *погоди*“ [1]). Дѣйствительно, крикъ ихъ можно назвать ревомъ; не даромъ, и называютъ ихъ *ревуxами*.

Начинало темнѣть, когда мы вышли на берегъ, у *заkола* [2]). противъ одного изъ *околодковъ* [3]), называемаго *Подникомъ*. Околодокъ оправдывалъ на себѣ вполнѣ дан-

[1]) *Погода* — ненастье.

[2]) Огорожа, пропущенная въ рѣку, чтобъ скотъ въ *палую воду* (во время морскаго отлива) не могъ войти въ *пожни* (луга) и поля берегомъ.

[3]) *Околодокъ* — деревня, домовъ въ 20 и въ 10. Изъ нѣсколькихъ околодковъ составляется селеніе. На Кижостровѣ такихъ околодковъ считается до семи.

ное ему названіе: нигдѣ не находили мы столько смородины и малины, дико растущихъ по всему острову, какъ на этомъ Ягодникѣ. Прямо лугомъ, по не скошенной еще травѣ, прошли мы въ деревню и вошли переночевать въ первый попавшійся намъ домъ. Здѣсь, какъ и вездѣ въ пригородныхъ деревняхъ Архангельскаго уѣзда, крестьянское жилье нельзя назвать избою: это, дѣйствительно, домъ, и домъ почти всегда двухэтажный. Хозяинъ, пожилой крестьянинъ, провелъ насъ *на верхъ* [1]), въ одну изъ комнатъ, отличавшуюся большою чистотою и опрятностью. Вообще крестьяне Архангельскаго уѣзда содержатъ жилье свое чрезвычайно опрятно, не уступая въ этомъ отношеніи, можетъ быть, самимъ голландцамъ.

Съ утренней зарей мы были уже на ногахъ. День занимался ясный. Воздухъ былъ дотого прохладенъ, что въ тѣлѣ чувствовалась дрожь, заставившая насъ тотчасъ же направиться къ ближайшему озеру, которыхъ такъ много на Княжостровѣ. Не успѣли сдѣлать мы и нѣсколькихъ шаговъ по высокой травѣ, покрытой обильною росою, какъ передъ нами уже открылось озёрко, или скорѣе, яма, окаймленная широколиственною осокою. Какія-то двѣ птицы, съ рогастыми головками на длинныхъ шеяхъ, безбоязненно плавали передъ нами въ очень близкомъ отъ насъ разстояніи. Отрывисто пощелкивая, ныряли онѣ съ удивительнымъ проворствомъ, на минуту показывались и снова скрывались подъ водой. Это были *гагары* или *шилохи*

[1]) *На верхъ* — въ верхній этажъ.

(Colymbus auritus), какъ ихъ называютъ мѣстные крестьяне. Мясо ихъ не годится въ пищу, такъ какъ онѣ питаются рыбою, придающею ему непріятный вкусъ. Разсказываютъ, что гагарка эта, прилетѣвъ раннею весною, о половодьѣ, когда вода заливаетъ еще низменные островные луга, прикрѣпляетъ гнѣздо свое къ дереву, или къ кусту длинною, свитою изъ прошлогднихъ травъ веревкою, и затѣмъ въ плавающее гнѣздо несетъ яица. Вода начинаетъ *сбывать*, и гнѣздо, по мѣрѣ стока ея, опускается на землю. Не будь веревки, его унесло-бъ водою въ ближайшую рѣку. Разумѣется, гнѣздо устраивается вблизи озера или ямы, которая не высыхаетъ въ продолженіи цѣлаго лѣта. Птица эта, слышалъ я, разъ опустившись по прилетѣ, не поднимется съ озера до самаго отлета, а улетаетъ она очень поздно, уже въ глубокую осень. По крайней мѣрѣ, я ни разу не видалъ ее летающею. Крылья у нея, относительно туловища, очень малы, и нужно удивляться, какъ перелетаетъ она огромныя пространства.

Оставивъ гагарокъ, отправились мы далѣе. Солнце еще не всходило, но было уже совершенно свѣтло отъ яркой утренней зари, обливавшей пурпуромъ половину неба. Трава становилась выше и выше, и мѣстами достигала до пояса. Тонкая роса проникала въ сапоги и платье, въ нѣсколько минутъ промочивъ насъ насквозь, точно мы цѣлый часъ просидѣли въ водѣ. Вотъ показалась осока, а вмѣстѣ съ нею и неизбѣжныя кочки; за ними стоялъ прибрежный тростникъ, далеко уходящій въ озеро. Мы дѣлаемъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, и останавливаемся въ вы-

жидающемъ положеніи. Ждать, впрочемъ, приходится не долго. Вотъ тростникъ слегка заколыхался, и въ туже минуту съ хорошо извѣстнымъ охотнику крикомъ поднимается молодой *селезень* [1]) (Anas boschas), за нимъ другой, третій, и началась охота... Я говорю, молодой. Старые селезни сидятъ объ эту пору въ лѣсныхъ трущобахъ, еще не успѣвъ перелинять. Такъ говорятъ бывалые охотники. Трудно, почти не возможно добраться до этихъ *линючихъ* селезней; разъ, впрочемъ, случилось мнѣ въ глухомъ лѣсу, далеко, однакожъ, не столь непроходимомъ, какими богатъ Архангельскій уѣздъ, наткнуться на такого селезня; собака моя поймала его и принесла живымъ. Сметливость и осторожность этой породы утокъ изумительны, даже въ молодомъ, только-что народившемся колѣнѣ. Если вы желаете поохотиться на нихъ, выходите, какъ только начнетъ заниматься заря. Съ первыми лучами солнца, вы уже не найдете ихъ въ тростниковыхъ прибрежьяхъ озера: они улетаютъ въ нагорные лѣса и кроются тамъ до поздняго вечера. Зная объ этомъ, заранѣе забираетесь вы въ укромное мѣстечко, и выжидаете ихъ прилета; на ночь они прилетятъ навѣрное покормиться сочными стеблями и корнями озерныхъ травъ. Западъ свѣтится еще алою полоскою, но вокругъ васъ уже стемнѣло. Жадно всматриваетесь вы въ чистую мѣстами поверхность озера, держа ружье на-готовѣ, но напрасно...

[1]) Такъ называютъ въ Архангельскомъ уѣздѣ большую крыковую утку.

ожиданія ваши тщетны. Вы слышите надъ собою, въ вечерней тишинѣ, легкій свистъ крыльевъ прилетающей хитрой птицы; что-то темное мелькаетъ въ воздухѣ и исчезаетъ вблизи васъ безъ всякаго шума. Вы уходите, раздосадованные неудачею, въ полномъ убѣжденіи, что птица, замѣтивъ васъ, не опустилась на озеро. Но вы ошибаетесь: она садится въ тростникъ тутъ же, по близости васъ, и садится для васъ незамѣтно. Желаете убѣдиться въ томъ, приходите на-завтра до солнечнаго всхода: она будетъ подниматься изъ тростниковъ десятками, и охота ваша будетъ удачна.

Было уже около пяти часовъ утра, когда мы, оставивъ озеро, по благоухающему, высохшему уже мѣстами лугу, поднялись на пригорокъ, съ цѣлью, отдохнувъ немного, продолжать охоту, пока солнце, поднявшись выше, не заставитъ насъ прекратить ее. Передъ нами протекла рѣчка. Густой бѣлый туманъ клубился еще надъ нею, мѣстами совершенно скрывая ее подъ собою. Рѣчка была изъ *кутовыхъ*, не имѣющихъ истока. Собственно, это не рѣчки, а рѣчные *пролои*. Весною они прорѣзываютъ островъ отъ одного берега до другаго, противоположнаго, вытекая изъ Двины и въ нее же впадая; лѣтомъ они заканчиваются *кутомъ*, глухимъ угломъ, обыкновенно густо поростающимъ ольхою, ивою и другими прибрежными деревьями. Вода [illegible]водится въ нихъ въ движеніе морскими приливами и отливами, еще довольно чувствительными за пятьдесятъ верстъ отъ устьевъ Двины. Такіе пролои, въ особенности *куты* ихъ, служатъ въ тихую погоду, любимымъ

мѣстопребываніемъ *черневедей* (Fuligula cristata), *чирковъ* (Anas querquedula), преимущественно же *гоголей* (Anas craeca). Сюда-то, къ этому куту, направились мы, держась береговъ, мѣстами возвышенныхъ, мѣстами опускающихся полого. Мы шли по скошенному уже лугу. Множество песчаныхъ бугорковъ, вышиною въ футъ и болѣе, виднѣлось по всей его поверхности. Это работа *луговыхъ мышей* (Hipudaeus amphibius) [1]). Онѣ не меньше крота (кротовъ здѣсь нѣтъ), но круглѣе ихъ и цвѣтомъ шерсти свѣтлѣе. Водятся онѣ по двинскимъ островамъ въ громадномъ количествѣ. Мыши эти сильно портятъ луга, засыпая ихъ пескомъ и затрудняя тѣмъ крестьянъ въ косьбѣ травы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и приносятъ имъ пользу, разрыхляя землю. На поляхъ онѣ не живутъ, а потому гораздо сноснѣе извѣстныхъ сусликовъ. Мы подошли къ одному изъ бугорковъ, только-что взрытому за ночь: животное сидѣло подъ нимъ, должно быть, грѣясь на солнцѣ, и, зачуявъ насъ, быстро ускользнуло въ норку. Ястреба, и въ особенности совы, истребляютъ луговую мышь во множествѣ. Не уберечься ей отъ когтей ястреба, если только днемъ высунется она изъ норы своей: зоркій глазъ его мигомъ подмѣтитъ ее. Сова еще опаснѣе для нея. Та сидитъ, выжидая, у самой норы, и схватываетъ мышь мгновенно, когда она, взрывая землю, только что покажется на ея поверхности.

Отъ взрытаго луга обратились мы къ рѣчкѣ, и вскорѣ

---

[1]) Полёвка или водяная крыса.

привычный и дальнозоркій глазъ моего товарища усмотрѣлъ, въ значительномъ отъ насъ разстояніи, на поверхности воды, какія-то темныя точки. То была стая гоголей. Мы пошли въ обходъ, чтобъ птица, завидѣвъ насъ, не улетѣла: нужно было захватить ее въ расплохъ, чему много способствовали прибрежныя деревья и кустарники. Иначе трудно убить гоголя. Онъ очень осторожень и держится, за исключеніемъ ночныхъ приваловъ къ берегамъ для корму, всегда на чистыхъ мѣстахъ. Ктому же, завидѣвъ вблизи охотника, онъ не поднимется, а будетъ нырять. Ныряетъ же онъ съ такимъ проворствомъ, что не успѣешь вскинуть ружья, какъ онъ уже подъ водою. Нужно подойти къ нему не замѣченнымъ. Только такимъ способомъ и удалось убить намъ нѣсколько штукъ изъ стаи. Остальные, нырнувъ, скрылись подъ водою. Мы пошли далѣе, медленно подвигаясь впередъ и выжидая появленія ихъ на поверхности. Но напрасно выжидали мы: птица не показывалась. Пробыть такъ долго подъ водою она не могла; берега же были чисты, а потому скрыться въ нихъ не было никакой возможности. Нужна была долговременная практика и опытность, чтобъ разрѣшить это недоразумѣніе.

— Видите ли вы эту темную точку? спросилъ меня мой товарищъ, указывая на что-то, дѣйствительно, чернѣвшееся на поверхности воды.

— Вижу, но что же это такое?

— Клювъ преслѣдуемой нами птицы.

Въ самомъ дѣлѣ, она плыла, скрываясь подъ водою и

высунувъ изъ нея одинъ только клювъ. Такъ можетъ плыть она долго, даже оставаться на одномъ мѣстѣ, и неопытный охотникъ пройдетъ мимо, предполагая найти ее впереди. Она же, оставшись назади, и обманувъ его такимъ образомъ, отплываетъ совершенно въ противоположную сторону и улетаетъ. Зналъ я, что нѣкоторыя изъ утиныхъ породъ одарены замѣчательною смѣткою, но такой хитрой продѣлки видѣть еще не случалось.

Живучесть гоголя, по истинѣ, изумительна. Нужно пробить ему голову, или скорѣе, отрубить ее, иначе, прострѣленный вдоль и поперегъ, онъ будетъ жить, и жить долго. Случалось не разъ, что убитый, повидимому, гоголь оживалъ, спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ былъ подстрѣленъ. Одинъ охотникъ разсказывалъ мнѣ, что подстрѣленный имъ гоголь вылѣзъ изъ ягташа и улетѣлъ, и ему можно было въ томъ повѣрить. Необыкновенно крѣпкая мускулезность гоголя, способствующая этой живучести, обусловливается, безъ сомнѣнія, образомъ его жизни: онъ любитъ жить на быстротечныхъ рѣчкахъ; только кормиться пристаетъ онъ въ затишья. Не разъ случалось видѣть мнѣ, какъ въ сильный вѣтеръ, на двинскихъ отмеляхъ, по цѣлымъ часамъ качаются на волнахъ стаи гоголей, и что удивительно, держатся все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Солнце стояло уже довольно высоко на небѣ, когда мы, отягченные добычею, возвращались въ деревню. Лугъ пестрѣлъ у насъ подъ ногами разноцвѣтнымъ ковромъ: голубые и желтые цвѣты преобладали въ немъ надъ осталь-

ными. Здѣсь-то, по-поясъ въ высокой, душистой травѣ, убѣдился я, что народное выраженіе „медовыя росы" можно понимать въ буквальномъ смыслѣ. Широкіе вѣнчики высокорастущей травы [1]), изъ семейства зонтичныхъ (Angelica archangelica), блестѣли алмазами дѣйствительно медовой росы. Ею можно утолить жажду: она сладка, душиста и студена. Заберите вѣнчикъ этотъ въ руку, только осторожнѣе, сожмите его, положите въ ротъ, и вы убѣдитесь въ этомъ.

Неподалеку отъ деревни, когда мы подходили уже къ *задворкамъ* [2]), почти у самаго огорода, совершенно неожиданно, съ хриплымъ крикомъ, взлетѣла у насъ изъ подъ ногъ какая-то утка. Товарищъ мой убилъ ее. То былъ *плотоносъ* [3]) (Anas clypeata), утка изъ кряковыхъ, съ длиннымъ веслообразнымъ клювомъ желтоватаго цвѣта, и красными лапами. Утка эта встрѣчается въ Архангельскомъ уѣздѣ гораздо въ меньшемъ количествѣ, въ сравненіи съ другими породами утокъ; убить ее въ рѣдкость.

Можно было еще продолжать охоту: въ дичи недостатка не было; но солнце начинало уже припекать. Небо было ясно, и все обѣщало знойный день. Охоту нужно было отложить до вечера. Но вечеромъ охота не состоялась: сборы наши остановлены были сильною грозою, продолжавшеюся почти цѣлую ночь. Не даромъ, значитъ, наканунѣ завывали ревухи.

[1]) *Пучки*, по мѣстному говору.
[2]) *Задворки* — проулокъ, идущій за домами.
[3]) Широконосецъ, коксунъ. Озерецк.

Вдоволь налюбовавшись роскошными *пожнями* [1]) острова, окаймленными веселыми рощицами, переполненными черемухою, смородиною и малинникомъ, его озерами, наполовину сокрытыми въ темной зелени прибрежныхъ тростниковъ, намъ захотѣлось взглянуть на него сверху, съ противоположнаго высокаго берега Двины. Великолѣпный видъ открылся передъ нами, когда мы, съ трудомъ взобравшись на крутизну, окинули однимъ взглядомъ растилающуюся подъ нашими ногами рѣку, островъ и противоположный берегъ Двины. Обширный кругозоръ, верстъ на тридцать, мягко отдѣлялся отъ яснаго неба темно-синею полосою хвойнаго лѣса, уходящаго вдаль отъ береговъ на необозримое пространство. Тамъ, вправо отъ насъ, берегъ круто поворачиваетъ въ сторону, вдавшись въ рѣку высокимъ, темнымъ лѣснымъ мысомъ; за нимъ глазъ теряется уже въ безпредѣльной синевѣ небосклона, сливающагося съ водною поверхностью; но вы замѣчаете еще бѣлѣющіяся паруса большихъ холмогорскихъ лодокъ. *Вышли* изъ города: такъ воздухъ чистъ и прозраченъ! Съ противоположнаго берега Двины взоръ переносится на лежащій передъ нами островъ. Множество проливовъ, свѣтлыми полосками перебѣгая отъ одной рощицы къ другой, изрѣзываютъ островъ на всемъ его девятиверстномъ протяженіи. Ближайшій, зеленѣющійся берегъ его представляетъ рѣзкій контрастъ съ противоположнымъ, засыпанным желтыми песками. Казалось, отмели эти подходили

[1]) *Пожни* — поемные луга.

къ самому берегу Двины. Отсюда-то, съ той высоты, на которой мы стояли, ясно можно было видѣть, какъ рѣки, подобныя С. Двинѣ, въ своемъ прихотливомъ теченіи, измѣняютъ положеніе разсѣянныхъ по нимъ острововъ. Лѣтъ сорокъ, много пятьдесятъ тому назадъ, этотъ противоположный берегъ острова, такъ близко подходящій теперь своими песчаными отмелями къ материку, отстоялъ отъ него версты на три; ближайшій же къ намъ отдѣлялся, говорятъ, протокомъ, черезъ который можно было перебросить камень [1]). Тамъ, гдѣ стояли когда-то деревни, теперь страшная глубь. Съ малыми островами, *кошками*, Двина поступаетъ безцеремоннѣе. Въ какой нибудь годъ, много два, она безслѣдно смываетъ ихъ и выбрасываетъ тамъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ была значительная глубина. Что заставляетъ Двину измѣнять свое теченіе, опредѣлить трудно, только въ пятидесятилѣтній періодъ времени она перемѣщаетъ большіе острова, вмѣстѣ съ ихъ населеніемъ, урѣзывая ихъ ежегодно съ одного берега и увеличивая въ тоже время съ другаго.

---

[1]) Есть островъ, по названію *Кегостровъ;* лежитъ онъ на Двинѣ, противъ самаго г. Архангельска. Преданіе говоритъ, что туда перебрасывались „церковные ключи“: такъ мало было въ то время разстояніе между городомъ и островомъ. Теперь же островъ этотъ отстоитъ отъ города версты на двѣ слишкомъ.

НИКОЛЬСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

С. Двина во время вскрытія.—Переѣздъ отъ Архангельска до Никольскаго монастыря.—Низменные двинскіе острова.—Веретья; причины ихъ образованія.—Турухтаны.—Мѣстоположеніе Никольскаго монастыря.—Гавань Св. Николая.—Настоящее положеніе монастыря и его средства.—Портретъ Мароы Посадницы.—Охота на дикихъ гусей съ собакою.—Окрестности монастыря.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца, спустя нѣсколько дней по вскрытіи С. Двины, явился ко мнѣ, по предварительному условію, крестьянинъ изъ одной подгородной деревни, съ тѣмъ чтобъ свезти меня къ Никольскому монастырю, въ окрестностяхъ котораго я намѣренъ былъ поохотиться на дикихъ гусей. Сборы были недолги, и мы отправились въ тотъ же день. До деревни, откуда располагали мы направиться къ монастырю, было верстъ десять, и нужно было ѣхать Двиною. Довольно густой ледъ шелъ еще по ней, но это меня не остановило. Карбасъ былъ надёжный, а крестьяне подгородныхъ деревень умѣютъ пробираться межъ льдинами. Уже на другой день по

вскрытіи Двины, когда ледъ идетъ еще сплошною массою, съ изумительною отвагою пускаются они въ городъ, со сколомъ молока и масла, чтобъ продать его по цѣнѣ, нѣсколько выше обыкновенной. Стоишь, бывало, на набережной рѣки и со страхомъ смотришь, какъ они баграми отбиваютъ отъ карбасовъ своихъ, затертыхъ льдомъ, болѣе опасныя льдины. Правда, вешній ледъ, источенный лучами солнца, легко разсыпается въ мелкія иглы, но только на поверхности; ниже онъ еще крѣпокъ, и легко можетъ разбить судно, болѣе прочное архангелогородскаго карбаса. Переправа черезъ рѣку въ это время сопряжена съ большимъ рискомъ, но несчастные случаи бываютъ рѣдко.

Отъ деревни до монастыря оставалось еще 25 верстъ, если ѣхать по почтовому тракту, но мы избрали другую, болѣе прямую дорогу, рѣкою же, сокращая такимъ образомъ 25 вер. на пятнадцать. Рано поутру, на другой день, оставили мы деревню, замѣнивъ карбасъ лодкою, болѣе его легкою, а потому болѣе удобною для предстоявшаго намъ пути. Воды въ рѣкѣ значительно поубыло, и ледъ шелъ уже далеко не такъ густо, какъ наканунѣ. Быстро, увлекаемые половодьемъ, подвигались мы впередъ, между острововъ, по лабиринту протоковъ, останавливаясь по временамъ, чтобъ подобрать изъ-за *вретья* убитую птицу. Странное и не легко объяснимое явленіе представляютъ низменные двинскіе острова, мимо которыхъ мы ѣхали. Точно искусственными насыпями, футовъ въ пять, и выше, обнесены берега ихъ; только мѣстами ограда эта спус-

кается до уровня воды, открывая за собой ровную поверхность острова, и затѣмъ снова поднимается и тянется на вересу, и болѣе. Эти изрѣдка встрѣчающіеся спуски, пересѣкающіе ограду, прорыты, конечно, водою тающихъ снѣговъ, но что служило причиною образованія этихъ естественныхъ плотинъ, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ *вересья*, рѣшить можно, за отсутствіемъ точныхъ наблюденій, однимъ только предположеніемъ. Очень можетъ быть, что образовались онѣ изъ наносной почвы, поднимаемой на берега приливами и съ отливами на нихъ остающейся. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что острова, болѣе возвышенные надъ уровнемъ рѣки, вересья этого не имѣютъ [1]).

Вотъ одинъ изъ такихъ becmoвъ лежитъ отъ насъ вправо. Снѣгу на немъ уже нѣтъ; мѣстами видна зазеленѣвшаяся травка. Надъ нами проносится съ шумомъ стая какихъ-то птицъ и опускается на берегъ. Мы приближаемся къ нимъ шаговъ на двадцать и становимся зрителями очень интересной сцены. То были *турухтаны* (Machetes pugnax), очень мѣтко прозванные крестьянами Архангельскаго уѣзда *петушками*. Едва опустились они на землю, какъ тотчасъ же вступили въ обычный ожесточенный бой. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на этихъ маленькихъ бойцовъ, когда они, сбившись въ кучу, въ прискочку, яростно бросались другъ на друга.

[1]) Само собою разумѣется, что эти низменные острова съ вересьями, при значительномъ повышеніи воды въ рѣкѣ, затопляются.

растопыривъ свои мохнатыя гривки. Вотъ разбѣжались они въ стороны и суетливо начали поклевывать своими длинными клювами; но это мирное настроеніе продолжается не долго. Черезъ минуту, вступаютъ они въ новый, не менѣе ожесточенный бой, но выстрѣлы наши прекращаютъ его. Удивительно, какъ красива птица эта въ своемъ весеннемъ опереніи! Между нѣсколькими, оставшимися на берегу пѣтушками не было ни одного, который цвѣтомъ своей гривки походилъ бы на другаго. Тутъ были черноватые съ бѣлыми крапинами, совершенно черные съ сизымъ отливомъ, красноватые съ бѣлыми выступами.... одинъ изъ нихъ былъ точь-въ-точь домашній рыжеватый пѣтушокъ въ миніатюрѣ. Осенью летятъ они тѣмъ же путемъ обратно въ теплыя страны, но уже въ простомъ сѣренькомъ опереніи, и вы не признаете въ нихъ весеннихъ красавцевъ. Такъ сильно измѣняетъ ихъ четырехмѣсячное пребываніе въ сѣверныхъ краяхъ.

Еще два, три низменныхъ острова, покрытыхъ мѣстами громадными, осѣвшими на нихъ льдинами, промелькнули мимо насъ, и изъ-за лѣсистаго берега Двины показались наконецъ монастырскія главы. Вскорѣ высадились мы на низменный, полого поднимающійся берегъ, въ полуверстѣ отъ котораго стоитъ деревянная монастырская ограда. Монахи приняли насъ радушно и отвели одну изъ свободныхъ келій.

Николаевскій Корельскій [1]) монастырь, болѣе извѣст-

[1]) Корельскимъ называется онъ по Корельскому берегу Бѣлаго моря.

ный подъ наименованіемъ Никольскаго, стоитъ при глубокой и довольно обширной бухтѣ, служившей нѣкогда гаванью для кораблей, приходившихъ изъ-за моря. Еще до сихъ поръ можно видѣть въ берегу остатки свай,— единственные въ настоящее время слѣды когда-то бывшей на этомъ мѣстѣ гавани Св. Николая. Здѣсь-то, загнанный бурями, вынесъ на берегъ англичанинъ Ченслеръ съ „неизвѣстными людьми", какъ доносили о томъ холмогорскіе Выборные Головы царю Ивану Васильевичу Грозному.

Никольскій монастырь принадлежитъ къ числу крайне обѣднѣвшихъ монастырей Архангельской губерніи. А нѣкогда владѣлъ онъ обширными землями и богатыми угодьями. Особенно благоволила къ нему Марѳа Посадница. Извѣстно, что два сына ея потонули въ морѣ, на обратномъ пути изъ Соловокъ, въ сильную бурю, разбившую судно, и выброшены были на берегъ у самаго монастыря. Она возстановила монастырь [1]), построивъ церковь во имя Св. Николая „на гробѣхъ дѣтей своихъ Феликса да Антона", какъ сказано въ дарственной грамотѣ, и одаривъ его многими вотчинами, сѣнокосными лугами, тонями и соловарнями. Въ настоящее время, монастырская братія, состоящая изъ нѣсколькихъ монаховъ, содержитъ себя скудными доходами, получаемыми съ луговъ и рыбныхъ ловлей (тоней), оставшихся за монастыремъ. Не смотря

[1]) Въ Двинскомъ Лѣтописцѣ упоминается, что въ лѣто 6927 (1419) приходили къ монастырю Мурмане, пожгли его и черницовъ посѣкли.

на долговременное свое существованіе, монастырь Св. Николая не заключаетъ въ себѣ, въ настоящее время, никакихъ памятниковъ, заслуживающихъ вниманія въ историческомъ отношеніи. Библіотеки почти не существуетъ. Единственный предметъ, сохранившійся въ монастырѣ и обращающій на себя вниманіе.— это древній, и притомъ высокой работы, портретъ Марфы Посадницы, присланный ею въ даръ монастырю. Къ сожалѣнію, онъ подновленъ въ послѣднее время, а потому болѣе или менѣе уже теряетъ цѣну и значеніе, какъ древность. Не смотря на то, невольно останавливаешься передъ нимъ, и долго всматриваешься въ строгія, мужественныя черты лица знаменитой Посадницы. Черные, выразительные глаза ея блестятъ огнемъ энергіи, а тонкія, красиво очерченныя губы обличаютъ въ ней женщину характера твердаго и воли непреклонной. Художникъ изобразилъ ее въ зимней одеждѣ: на головѣ *чебакъ*, опушенный соболемъ, изъ-подъ откинутой шубки видна худощавая рука, покоющаяся на посохѣ. Въ Архангельскѣ, въ одномъ частномъ домѣ, видѣлъ я даггеротипный, довольно удачный снимокъ съ этого портрета.

На другой день, еще до разсвѣта, вышли мы изъ монастыря и направились къ монастырскимъ пожнямъ, на которыхъ, какъ намъ сообщили наканунѣ, *жировали* дикіе *гуси* [1]) (Anser cinereus), прилетая на ночь съ близь

[1]) Птица *жируетъ*, кормится на ночномъ привалѣ.

лежащихъ двинскихъ острововъ и *кошекъ* [1]). До мѣста охоты было версты двѣ, не болѣе, но мы торопились, боясь опоздать приходомъ. Тотъ, кто бывалъ на сѣверѣ, знаетъ, съ какою быстротою переходитъ, объ эту пору, ночь въ утро. Еще темно, но не успѣешь осмотрѣться, какъ уже занимается заря, и, кажется, каждая минута приноситъ съ собою новыя волны свѣта. Если хотите, чтобъ охота ваша на дикихъ гусей была удачна, приходите на мѣсто, гдѣ они кормятся, непремѣнно до разсвѣта; въ противномъ случаѣ, они васъ не подпустятъ на выстрѣлъ. Дикіе гуси чрезвычайно осторожны и опускаются, во время весенняго и осенняго своего пролета, всегда на мѣста открытыя: днемъ на острова, ночью на луга. Весною охотятся на нихъ съ собакою: охота эта легче и прибыльнѣе осенней, когда они боятся собаки и съ большимъ трудомъ подпускаютъ на выстрѣлъ. Вообще, она очень утомительна, и, представляя интересъ только на первый разъ, не можетъ завлечь собою, какъ охота на другую птицу. По крайней мѣрѣ, въ Архангельской губерніи охотятся на дикихъ гусей только крестьяне, слѣдовательно, охотники *добычливые*.

Вотъ оставили мы за собой мелководіе, прилегающее

[1]) Я говорю, двинскихъ, потому что противъ монастыря, въ такъ называемомъ *Никольскомъ* устьѣ, течетъ еще двинская вода. Только за бухтой, при которой стоитъ монастырь, тамъ, гдѣ берегъ круто поворачиваетъ къ сѣверо-западу, оканчивается устье Двины, и оттуда уже начинается морекой, такъ называемый *Іоанній берегъ* Двинской губы. Въ ясную погоду можно видѣть отсюда противоположный ея берегъ, извѣстный подъ названіемъ *Зимнаго*.

къ монастырской оградѣ, и остановились, всматриваясь, или скорѣе, вслушиваясь въ луга, широко раскинувшіеся передъ нами во всѣ стороны. Въ ночной тишинѣ легко можно было разслышать издалека доносившійся къ намъ гусиный гоготъ. Крикъ этотъ становился явственнѣе, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ; вскорѣ были мы уже въ трехстахъ шагахъ отъ большой стаи гусей, привольно кормившихся на ночномъ привалѣ. Можно было уже разсмотрѣть, какъ спокойно и важно, наклоняя къ землѣ свои длинныя шеи, расхаживали гуси по лугу, не подозрѣвая близкой опасности. Начинало разсвѣтать, а потому подойти къ нимъ ближе было уже не возможно. Сторожевой гусь, безъ котораго стая не остается ни минуты, спитъ ли она, или кормится, замѣтилъ бы наше приближеніе, и тогда пришлось бы вернуться домой съ пустыми руками. Вотъ проводникъ мой опустился на землю и осторожно поползъ впередъ, останавливаясь по временамъ и, по возможности, скрываясь за каждымъ встрѣчавшимся на пути бугоркомъ. Волей-не-волей, я долженъ былъ послѣдовать его примѣру, таща за собой тяжелое, такъ называемое гусиное ружье, изъ котораго стрѣляютъ не иначе, какъ поставивъ его на *вилки*, прикрѣпленныя къ цѣвью ложа. Такъ проползли мы пространство шаговъ въ сто и остановились, выжидая удобнаго времени для стрѣльбы. Собака бѣгала вокругъ насъ, подбирая выбрасываемые ей кусочки хлѣба. Увидѣвъ ее, гуси дружно загоготали и, вытянувъ шеи, стали подвигаться къ намъ, не замѣчая нашего присутствія. Во время весенняго про-

лета. они безбоязненно идутъ на собаку, должно быть, изъ чувства непріязни къ ней, не обращая вниманія, или не замѣчая человѣка. Вотъ подошли они къ намъ уже шаговъ на пятьдесятъ: время было стрѣлять. Выстрѣлы наши были удачны: шесть штукъ осталось на мѣстѣ, седьмой, легко раненый, пробѣжавъ не много, поднялся и присоединился къ стаи, съ страшнымъ крикомъ взлетѣвшей съ луга. Мы оставались въ прежнемъ положеніи, наблюдая за ея отлетомъ. Случается,-что гуси, встревоженные выстрѣломъ и все еще не замѣчая лежащаго неподвижно на землѣ охотника, полетавъ не много, снова опускаются въ небольшомъ отъ него разстояніи. Но на этотъ разъ гуси не опустились. Долго летали они надъ убитыми своими товарищами, то отлетая, то снова возвращаясь и издавая печальные крики, точно оплакивая смерть ихъ, пока, отшатнувшись въ сторону, быстрымъ полетомъ не направились къ рѣкѣ, гдѣ и опустились на одну изъ *косекъ*.

Между тѣмъ уже разсвѣло. Охота наша на дикихъ гусей была покончена, такъ сказать, въ одинъ пріемъ. Таковъ ея характеръ въ этихъ краяхъ. Болѣе одного выстрѣла не сдѣлаешь. Удастся онъ, хорошо, нѣтъ, отправляйся домой. и выжидай слѣдующей ночи.

Мы видѣли потомъ, какъ встревоженныя нашими выстрѣлами, поднялись съ окрестныхъ луговъ стаи гусей и потянули по направленію къ рѣкѣ, на обычную дневку по отмелямъ и песчанымъ островамъ [1]). Можно стрѣлять

[1]) Въ весеннемъ пролетѣ своемъ гуси держатся на одномъ мѣстѣ

ихъ и тамъ, но охота эта еще труднѣе и утомительнѣе: нужно ползти по сырой, мѣстами еще залитой водою землѣ, а это сподручно однимъ только добычливымъ охотникамъ.

Подобравъ убитую птицу, отправились мы въ обратный путь къ монастырю, съ тѣмъ, чтобъ, отдохнувъ за день, вечеромъ побывать на одномъ ближнемъ лѣсномъ озерѣ, на которомъ, какъ намъ говорилъ наканунѣ одинъ крестьянинъ, видѣли лебедей.

Печальный видъ представляютъ окрестности Никольскаго монастыря. Огромное болото, со стороны почтовой дороги, подходитъ почти къ самой монастырской оградѣ: въ лѣтнее время черезъ эту трясину съ трудомъ переберется и пѣшеходъ, а о подъѣздѣ къ монастырю и думать нечего. Болото незамѣтно для глаза переходитъ въ обширныя луговыя пространства, облегающія монастырь со стороны моря. Вотъ бѣдная обстановка пустыннаго Никольскаго монастыря. Присоедините къ ней его скудость, и вы согласитесь съ однимъ изъ монашествующей его братіи, выражавшимъ сѣтованія свои слѣдующими словами: „печально настоящее нашего монастыря, но еще печальнѣе его будущность“.

не болѣе двухъ, трехъ дней, и затѣмъ летятъ далѣе на сѣверъ, къ Океану, гдѣ разбиваются на пары и выводятъ дѣтей.

НЕНОКОТСКІЙ ПОСАДЪ.

Переѣздъ отъ Архангельска до Ненокы. — Ненокотскія соловарни. — Ихъ устройство и способъ выварки соли. — Окрестные лѣса. — Шалга. — Медвѣдь на путикѣ. — Охота на рябчиковъ. — Мѣстоположеніе Ненокотскаго посада. — Морошка. — Сюзьма. — Англійскій пароходъ „Миранда“.

Въ началѣ іюля мѣсяца 1856 года, слѣдовательно во время Крымской войны, разнесся слухъ въ Архангельскѣ, что англійскій пароходъ „Миранда“ крейсируетъ во ста верстахъ отъ города, вблизи такъ называемаго Лѣтняго берега Бѣлаго моря. Побуждаемые любопытствомъ взглянуть на непріятельскій пароходъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ цѣлью поохотиться, отправились мы въ *Ненокотскій посадъ*, расположенный на морскомъ берегу, въ семидесяти верстахъ отъ Архангельска. Можно было ѣхать туда почтовымъ трактомъ, но мы предпочли ему морской путь, такъ какъ переѣздъ по морю удобнѣе въ томъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, что избѣгаешь въ высшей степени тряской дороги, большею частью пролегающей по болотамъ. Кътому же стояла *погода*, да и случай представ-

лялся удобный: одинъ изъ знакомыхъ мнѣ ненокотскихъ мѣщанъ отправлялся обратно, продавъ въ городѣ привезенный имъ грузъ соли.

Намъ предстояло ѣхать на большомъ безпалубномъ карбасѣ, вмѣщающемъ въ себѣ до трехсотъ пудовъ груза. Карбасъ былъ довольно ветхій, но мы не обратили на то вниманія. Часамъ къ восьми вечера, при слабомъ боковомъ вѣтрѣ, добрались мы до извѣстнаго уже читателю Никольскаго монастыря и, долго пробившись на поворотѣ къ сѣверо-западу, вышли наконецъ въ открытое море. Быстро стали мы подвигаться впередъ, не теряя изъ виду берега, вдавшагося въ материкъ обширною бухтою, на протяженіи шестидесяти верстъ слишкомъ. Между тѣмъ, вѣтеръ сталъ крѣпчать, и легкій карбасъ нашъ, не имѣвшій въ себѣ баласта, по временамъ ложился такъ сильно, что мы сочли за нужное убрать одинъ парусъ. Остававшійся, дырявый, казалось, едва выдерживалъ напоръ вѣтра, но, не смотря на то, мачта гнулась и трещала, ежеминутно грозя паденіемъ: такъ плохо была укрѣплена она, и такъ слабы были полусгнившія снасти. Все это замѣтили мы только въ минуту опасности. Но для стараго судохозяина, вмѣстѣ съ тѣмъ и кормщика нашего, никакой, повидимому, опасности не предстояло. „Доѣдемъ, не сумлѣвайтесь — отвѣчалъ онъ спокойно — лишь бы засвѣтло до мѣста добраться“. Но засвѣтло мы, однакожъ, не успѣли добраться. Начинало темнѣть. Стояла уже такая пора, что вскорѣ по закатѣ солнца, по мѣстному выраженію, сиваго коня въ полѣ не увидишь. Очертанія бере-

говъ, отъ которыхъ мы были въ небольшомъ разстояніи, стушовывались болѣе и болѣе на потемнѣвшемъ уже горизонтѣ, и сколько ни всматривались мы въ нихъ, а крестовъ, о которыхъ толковалъ нашъ кормщикъ, какъ о примѣтѣ для поворота въ рѣчку, разсмотрѣть не могли. Между тѣмъ, мы неслись съ страшною быстротою, и по всѣмъ расчетамъ были уже противъ посада. Впереди, къ селенію Сюзьмѣ, шелъ каменистый берегъ, о который мы неминуемо разбились бы, еслибъ пронеслись далѣе. Во чтобы-то ни стало, нужно было поворачивать, и поворачивать, разумѣется, на авось. Такъ и сдѣлалъ нашъ кормщикъ. Черезъ минуту, сильный, совершенно неожиданный толчокъ, сбившій насъ съ ногъ, далъ намъ знать, что мы обмелились. Вокругъ насъ, съ страшнымъ шумомъ, вздымались огромныя волны, подбрасывая на себѣ ветхій карбасъ, трещавшій отъ ихъ напора. „Эхъ, ман(л)енько не потрафили! говорилъ кормщикъ, уже успѣвшій осмотрѣться и признать мѣстность. „Во(тъ), гдѣ рѣка!“ Дѣйствительно, вправо отъ насъ, въ какихъ нибудь пяти шагахъ, было устье рѣки Ненокы, одной изъ тѣхъ небольшихъ рѣчекъ, которыми усѣяны западные берега Бѣлаго моря, вплоть до самаго океана. Но попасть въ ея устье не было уже никакой возможности: съ каждымъ прибоемъ волны насъ понемногу прибивало къ берегу. Скоро въ расшатавшемся карбасѣ показалась течь, и можно было ожидать, что къ утру развалится онъ совершенно, не смотря на то, что въ берегу не было ни одного камня. Нужно было, во чтобы-то ни стало, выходить на берегъ. Къ сча-

стію, до него оставалось не болѣе двадцати шаговъ. Казалось, такъ легко было добраться до берега, но на дѣлѣ вышло очень трудно. Не мало совокупныхъ усилій стоило намъ, чтобъ удержаться на ногахъ отъ напора отливавшей волны; еще хорошо, что карбасъ, ставшій поперегъ къ берегу, служилъ намъ нѣкоторымъ прикрытіемъ. Измученные, промокшіе, выбрались мы наконецъ на берегъ. До посада оставалось еще версты четыре, но мы не горевали о томъ: по крайней мѣрѣ, можно было согрѣться въ пути.

Ненокотскій посадъ расположенъ при рѣкѣ Неноксѣ, отъ которой и получилъ свое названіе. Населенъ онъ, какъ и всѣ посады Архангельской губерніи, исключительно одними мѣщанами, издавна занимающимися соловареніемъ. Ненокотскіе соляные ключи, съ большимъ процентнымъ содержаніемъ соли, составляютъ собственность всего посада, какъ земля въ крестьянскихъ обществахъ. Каждая семья имѣетъ на нихъ одинаковое право, а потому и въ вываркѣ соли, на извѣстное количество пудовъ, въ общественныхъ соловарняхъ, соблюдается очередь.

Я заглянулъ въ одну изъ соловарень. Во всемъ, и въ устройствѣ ея, и въ способѣ выварки соли, господствуетъ еще первобытная простота. Подъ досчатымъ навѣсомъ, въ родѣ сарая, въ которомъ обжигаютъ кирпичь, вырываютъ въ землѣ яму, обносятъ ее кирпичною стѣнкою, устанавливаютъ на ней *черенъ* [1]), и соловарня готова. Изъ колод-

[1]) *Черенъ* — котелъ съ плоскимъ дномъ и стѣнками, футъ въ два вышиною, большаго размѣра, составляемый изъ мѣдныхъ листовъ.

ца, стоящаго по близости, накачивается вода, которая, стекая по деревянному жолобу, наполняетъ черенъ [1]). Остается накидать въ яму дровъ, зажечь ихъ, и соль начинаетъ вариться. Разсолъ вливается по мѣрѣ выпариванія, до тѣхъ поръ, пока на днѣ черена не образуется осадокъ извѣстной толщины, уже на глазомѣръ опредѣляющій количество заключающейся въ немъ соли, въ числѣ, кажется, ста пудовъ. Вываренную такимъ образомъ соль складываютъ на время тутъ же въ углу сарая, въ особыхъ закромахъ, оставляя ее не прикрытою.

Можно представить себѣ, какъ должна быть чиста соль, вываріваемая въ не закрытыхъ черенахъ. Дымъ, копоть и даже пепелъ наполняютъ собою внутренность сарая, а потому не удивительно, если соль и принимаетъ сѣровато-грязный цвѣтъ. А при болѣе раціональномъ способѣ выварки, и ненокотская соль была бы такою же бѣлою и чистою, какою мы получаемъ ее изъ-за границы.

Страшное количество дровъ потребляется на ненокотскихъ соловарняхъ. При лучшемъ устройствѣ печей, ихъ потреблялось бы вдвое менѣе. На нѣкоторыхъ соловарняхъ огонь пробивается сквозь кирпичныя стѣнки: ихъ не находятъ нужнымъ даже замазывать. Оттого нестерпимый жаръ внутри сарая, а главное, совершенно напрасная

Въ случаѣ, если мѣстами листы прогорятъ, ихъ замѣняютъ новыми.

[1]) Въ соляныхъ колодцахъ устанавливаются, обыкновенно, двѣ помпы; одна изъ нихъ, опускаясь не глубоко, отливаетъ воду съ незначительнымъ процентнымъ содержаніемъ соли, другая, опускаемая глубже, накачиваетъ разсолъ въ черень.

трата топлива. Цѣлыя горы золы и пеплу лежатъ вокругъ соловарень; мѣстами засыпаны ими глубокіе овраги. Для поташеннаго завода, еслибъ кто устроилъ его здѣсь, онѣ доставили бы матеріала на сотню лѣтъ.

Начало іюля мѣсяца въ Пеноксѣ, какъ и всюду въ Архангельской губерніи, самое пустое время для охоты. Выводки еще такъ малы, что ихъ не стоитъ стрѣлять. Тѣмъ не менѣе, захвативъ ружья, отправились мы въ лѣсъ, съ однимъ изъ мѣстныхъ охотниковъ, у котораго былъ свой *путикъ*. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи, добычливые охотники, *льстики*, ходятъ въ лѣса каждый по своему путику, т. е. по тропинкѣ, прокладываемой на десятки верстъ. По этимъ тропинкамъ устанавливаютъ они *слопцы* [1]) или западни для лѣсной птицы, обыкновенно въ полуверстномъ разстояніи одну отъ другой, по сухимъ мѣстамъ, и идучи по своимъ путикамъ, подбираютъ задавленную дичь. Гдѣ встрѣтится, бьютъ ее и изъ мелкокалиберныхъ своихъ винтовокъ. Больше, впрочемъ, вынимаютъ изъ подъ слопцовъ.

Не далеко было идти до лѣсу. Не успѣли мы оставить за собою посадъ, какъ онъ сталъ уже передъ нами высо-

[1]) *Слопецъ* — плашка, сколачиваемая изъ нѣсколькихъ бревешекъ. Поддерживается она тонкою подставкою. Достаточно поразрыть подъ нею землю, чтобъ приманить рябчика, тетерева или куропатку, которые, какъ извѣстно, любятъ порхаться въ песку. Подставка легко сбивается съ мѣста, плашка падаетъ и давитъ собою птицу.

кою. темною стѣною. То былъ лѣсъ *тайга*. Никто изъ мѣстныхъ жителей не знаетъ, гдѣ онъ оканчивается, да многимъ изъ нихъ кажется, что нѣтъ ему и конца. Тянутся такіе лѣса и вправо, и влѣво, и впередъ, на многіе десятки, сотни верстъ, переходя изъ уѣзда въ уѣздъ и захватывая собою пространства на сотни тысячъ десятинъ. Войдите въ такой лѣсъ, и вы можете быть увѣрены, что, черезъ недѣлю ходьбы, вы не увидите его конца, если только рѣка, озеро или непроходимое болото не остановятъ васъ на пути. Безъ проводника въ такой лѣсъ пускаться опасно: тотчасъ заблудишься, а на жилье набредешь не скоро. Случается, что иной изъ опытныхъ лѣсниковъ на вѣки остается въ немъ.

Вотъ вошли мы въ лѣсную опушку. Береза и осина, мѣшающіяся въ ней съ хвойнымъ деревомъ, скоро исчезаютъ, уступая мѣсто одной только соснѣ и ели. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становится гуще, а въ верстѣ отъ опушки начинается такая чаща, что продираться сквозь нее сподручно одному только развѣ медвѣдю. Если бъ не путикъ, то идти было бы очень трудно. Есть, правда, просѣки, но на нихъ еще хуже: срубленныя деревья, обыкновенно оставляемыя на мѣстѣ, переплетаясь вѣтвями, не даютъ сдѣлать и шагу. Но не смотря на чащу, или скорѣе, благодаря ей, строеваго лѣсу видѣли мы не много: все больше такой, который годенъ только на дрова. Стройно и высоко тянутся вверхъ ель и сосна своими толщими, обнаженными стволами. Десятки ихъ стоятъ на небольшомъ клочкѣ земли, и каждая изъ нихъ нуждается въ пищѣ и

свѣтѣ [1]). Гдѣ-жъ имъ, бѣдняжкамъ, и достигнуть большаго объема! А тутъ еще мхи, ягодникъ [2]) и разныя лѣсныя травы, растущія подъ ними, отнимаютъ отъ нихъ не малую долю и безъ того скудной пищи. А какой бы это дивный лѣсъ былъ, еслибъ его очищали отъ бурелому и дали просторъ хотя одному дереву изъ десяти, вырубивъ остальныя девять. И свѣтло было бы тогда въ лѣсу, и просторно, и строевымъ лѣсомъ былъ бы онъ богатъ.

Уже верстъ пять шли мы по лѣсу, подвигаясь впередъ по путику, не поднявъ никакой птицы. Одна только *жолна* (Picus martius. *L*), большой черный дятелъ, съ малиновымъ пятномъ на головѣ, стучалъ по стволу своимъ длиннымъ, острымъ клювомъ, такъ что кора разлеталась по сторонамъ и звонкое эхо разносилось по лѣсу. Слопцы были не тронуты. Подвигаемся еще на версту. Смотримъ, лежитъ поломанный слопецъ, сброшенный въ сторону. Кто-то былъ здѣсь не задолго до насъ и взялъ изъ подъ слопца птицу. Проводникъ нашъ покачалъ головою и только лишь хотѣлъ сообщить намъ что-то, какъ глухое рычаніе, раздавшееся неподалеку, остановило его на полсловѣ. Мы стали осматриваться, и вскорѣ впереди, въ пятидесяти шагахъ не болѣе, увидѣли большаго медвѣдя, стоявшаго у дерева. Обхвативъ стволъ его одною лапою, онъ часто при-

[1]) Разумѣется, что такія деревья не могутъ имѣть твердаго устоя и, при первой бурѣ, падаютъ, уступая мѣсто новой лѣторосли, которую со временемъ ожидаетъ таже печальная участь.

[2]) Ягодникъ — лѣсная ягода, какъ-то: брусника, черника, голубель и др.

кладывалъ другую къ своей мордѣ и въ тоже время переступалъ съ ноги на ногу. Нужно было уходить, пока лѣсной бродяга не замѣчалъ нашего присутствія: съ ружьями, заряженными мелкою дробью, съ нимъ ничего не подѣлаешь. Осторожно, не спуская глазъ съ медвѣдя, стали мы отодвигаться назадъ, и, отступивъ шаговъ на тридцать, остановились. Медвѣдь опустился на заднія лапы, вышелъ на путикъ и, постоявъ немного, какъ бы раздумывая, идти ли ему впередъ, поплелся назадъ. Вскорѣ скрылся онъ изъ виду, и громкій трескъ, раздавшійся по лѣсу, возвѣстилъ намъ, что медвѣдь повернулъ въ сторону и пошелъ обычнымъ путемъ своимъ, не разбирая дороги. Но идти впередъ было уже нельзя: намъ могла предстоять новая встрѣча съ страшнымъ звѣремъ. Медвѣдь, какъ и мы, обходилъ путики. Это онъ поломалъ слопецъ, вынувъ придавленную имъ птицу. Должно быть, стоя у дерева, онъ очищалъ морду свою отъ пуху съѣденнаго имъ тетерева или рябчика, и глухимъ рычаніемъ выражалъ неудовольствіе, причиненное ему этою работою. Сильно обижаетъ онъ лѣсниковъ, похищая такимъ образомъ у нихъ добычу. Еще хорошо, что трусоватъ бываетъ онъ на своихъ воровскихъ обходахъ: иной, завидѣвъ человѣка, тотчасъ же уходитъ. Только не тронь его: иначе, разсвирѣпѣетъ и тогда бываетъ очень опасенъ.

Отступивъ на версту, повернули мы въ сторону и вышли на другой путикъ. И здѣсь стояли слопцы. Въ одномъ изъ нихъ нашли мы двухъ рябчиковъ, еще не окоченѣвшихъ, прихлопнутыхъ не задолго до нашего прихода. Ни-

кто, кромѣ звѣря, не возьметъ птицы изъ подъ чужаго слопца, какъ никто не вынетъ рыбы изъ чужой мережи. Мнѣ случалось видать, какъ крестьяне вынимали изъ воды свои сѣтки и вмѣсто рыбы находили деньги, завернутыя въ тряпицу; это плата за взятую рыбу какого нибудь прохожаго человѣка, и плата всегда соотвѣтствующая его стоимости. Таковъ обычай, издавна установившійся и свято соблюдаемый.

Оставивъ убитыхъ рябчиковъ, пошли мы впередъ по чужому путику, въ надеждѣ встрѣтить живыхъ. На стрѣльбу запрета не полагается. Вотъ какая-то птица, съ рѣзкимъ свистомъ и хлопаньемъ крыльевъ, вылетѣла изъ-за деревьевъ, за нею другая, третья, и слышно было, какъ падали онѣ одна за другою въ чащу, въ числѣ пятнадцати штукъ не менѣе. То была стая *рябчиковъ* (Tetrao bonasia). Птица эта никогда, и въ самую глухую пору для охоты, когда самки выращиваютъ своихъ цыплятъ, не держится особнякомъ. Добыча была у насъ близко, но взять ее было не легко. Застигнутый врасплохъ, рябчикъ не полетитъ, а будетъ перепархивать только съ дерева на дерево. Въ лётъ убить его тогда очень трудно: ктому же, забивается онъ въ такую чащу, что не успѣешь во время и ружья вскинуть. Приходится стрѣлять по сидячему, но для этого необходимо имѣть зоркій и привычный глазъ. Я говорю, привычный, потому что зоркости одной недостаточно. Мнѣ не разъ случалось находить рябчиковъ по перелѣскамъ, въ глубокую осень, когда листъ уже опадетъ съ деревьевъ; пройдешь, бывало, въ пяти шагахъ отъ нихъ.

и не замѣтишь. Такъ цвѣтомъ пера подходятъ они къ окружающей ихъ обстановкѣ!

Осторожно раздвигая вѣтви, стали мы пробираться въ чащу, вглядываясь въ деревья и присматриваясь къ землѣ. Трудно было подозрѣвать здѣсь присутствіе какой либо птицы, а между тѣмъ мы навѣрное знали, что рябчики сидятъ тутъ, вблизи насъ, попрятавшись въ ягодникѣ и въ густыхъ вѣтвяхъ елей. Рябчики очень близко подпускаютъ къ себѣ человѣка, ближе всякой другой лѣсной птицы, точно увѣрены они, что ихъ трудно примѣтить. Кътому же, опустившись на землю, они не бѣгутъ, какъ напримѣръ куропатки, а отсиживаются до послѣдней возможности. Вотъ что-то шелохнулось на ближайшей ко мнѣ ели. Всматриваюсь, и что же? Хитрая птица, замѣтивъ, вѣроятно, что на нее обращено вниманіе, присѣла, и вытянувшись вдоль вѣтви, оставалась неподвижно въ такомъ положеніи. Но я зналъ уже объ этой уловкѣ рябчика, и она, на этотъ разъ, не спасла его. Одновременно съ моимъ выстрѣломъ раздался другой, и стая рябчиковъ, съ обычнымъ хлопаньемъ и свистомъ крыльевъ, невидимо перепорхнула далѣе. Такъ преслѣдовали мы ее, убивая по одному или по два рябчика, пока остальные, разбившись въ одиночку, не разлетѣлись въ разныя стороны.

Охота на рябчиковъ для охотника не добычливаго, — охота чисто случайная. Убьешь, когда подвернется подъ руку. Случайно наткнёшься, бывало, на стаю рябчиковъ въ мелколѣсьѣ, куда залетаютъ они, въ осеннюю пору,

изъ глухихъ лѣсовъ, и ходишь тогда, преслѣдуя ихъ изъ одного конца перелѣска въ другой. Случалось, перебьешь ихъ всѣхъ до одного, такъ какъ они не вылетятъ уже тогда изъ мелколѣсья, опасаясь прилегающаго къ нему открытаго болота. Охотиться же на рябчиковъ съ собакою нельзя, такъ какъ они очень боятся ее. Завидѣвъ рябчика, умная, хорошо натасканная собака, обыкновенно, тотчасъ же отступаетъ назадъ. и, поджавъ хвостъ, идетъ слѣдомъ за охотникомъ. Мнѣ случалось видѣть такихъ собакъ, которыя, наслѣдивъ рябчиковъ, ложились и начинали кататься по землѣ. Весною можно стрѣлять рябчиковъ на *пищикъ* [1]), т. е. на манку, но охота эта имѣетъ характеръ бойни, а потому не для всякаго можетъ быть пріятна.

Добычливые охотники изъ крестьянъ Архангельской губерніи ежегодно выносятъ изъ лѣсовъ многіе десятки тысячъ рябчиковъ, частью стрѣляя [2]), больше же выбирая изъ-подъ слопцовъ, слѣдовательно, давленными. Рябчикъ, водящійся въ Архангельской губерніи, отличается отъ другихъ величиною и вкусомъ. Ноги на зиму покрываются у него перьями, *мохнами*, по мѣстному выраженію; мохны эти предохраняютъ его, какъ и другую лѣсную птицу, отъ сильныхъ морозовъ, такъ какъ на ночь зарывается онъ обыкновенно въ снѣгъ.

---

[1]) *Пищикъ* — дудочка, издающая свистъ, похожій на свистъ рябчика.

[2]) Есть такіе стрѣлки, которые бьютъ рябчика въ голову (изъ винтовки), чтобъ не попортить его.

Мѣстоположеніе Ненокотскаго посада очень живописно. Особенно хорошъ видъ съ горы, на которой стоитъ деревянная церковь Св. Климента, одна изъ тѣхъ древнихъ церквей, старинной своеобразной архитектуры, которыхъ еще въ настоящее время можно встрѣтить не мало по Архангельской губерніи. Многимъ изъ нихъ по двѣсти лѣтъ, а инымъ и болѣе. Отсюда видите вы весь посадъ, раскинутый по склону горы, полого опускающейся къ морскому берегу. рѣку, извивающуюся межъ свѣтлозеленыхъ перелѣсковъ, и затѣмъ открытое, безбрежное море, далеко уходящее вдаль своею синѣющеюся гладью. По сторонамъ, и вправо. и влѣво, темнѣютъ хвойные лѣса, растилаясь на необозримое пространство. Всматриваясь въ морскую даль, мы замѣтили темную полоску дыма, едва-едва отдѣляющуюся отъ горизонта на ясномъ небѣ. Слухъ о близости непріятеля. носившійся въ посадѣ, подтверждался: то былъ, какъ оказалось на другой же день, англійскій пароходъ „Миранда“.

Вечеромъ спустились мы къ морю. Чистый, песчаный берегъ представлялъ превосходное мѣсто для купанья. Жаль. что посадъ стоитъ въ четырехъ верстахъ отъ берега. Въ противномъ случаѣ. сюда, а не въ селеніе Сюзьму, расположенное на самомъ берегу, въ семи верстахъ далѣе, стекались бы больные для морскихъ купаній. Морская же вода, принимая въ соображеніе близость разстоянія. и здѣсь должна имѣть тѣже цѣлебныя свойства. Вечеръ былъ тихій, поверхность моря гладка, какъ зеркало. Только вѣчно не умолкающій прибой волны нарушалъ ти-

шину пустыннаго морскаго берега. Не смотря на то, до насъ явственно доносились отдаленные пушечные выстрѣлы съ непріятельскаго парохода.

На обратномъ пути въ посадъ, мы повернули въ сторону съ дороги и вышли на болото. Оно было сплошь усѣяно *морошкою* (Rubus chamaemorus). Годъ былъ урожайный на эту ягоду, а потому мѣстами окрашивала она болото въ блѣдно-оранжевый цвѣтъ. Цвѣтъ этотъ принимаетъ она въ періодъ полной своей зрѣлости, и тогда ее уже не собираютъ. Такъ рыхла становится она объ эту пору, что обращается въ жидкую массу, прежде чѣмъ успѣешь донести до дому. Много коробовъ и кузововъ вынесено было уже ея съ этого болота, но казалось, ея нисколько не убыло. Но такіе урожайные годы на морошку выдаются рѣдко. Случается, что нѣсколько лѣтъ къ ряду, то сильные ночные морозы, то холодные вѣтра убиваютъ ее въ цвѣту. Тогда ея не родится вовсе, или, если и удержится кой-гдѣ мѣстами, то не въ большомъ количествѣ. Въ урожайные годы бываетъ она баснословно дешева. На мѣстѣ можно покупать ее большими ведрами; за ведро, вмѣщающее въ себѣ пуда четыре и болѣе ягоды, платили мы 50 или 60 коп. не болѣе. За то въ неурожайные годы продаютъ ее (конечно, въ городахъ: въ деревнѣ тогда ее не достанешь) фунтами.

Наканунѣ выѣзда изъ Неноксы, побывали мы въ *Сюзьмѣ*. Селеніе это расположено на морскомъ берегу; мѣстность ровная, песчаная, чрезвычайно скучная по своему однообразію. На водахъ, по случаю войны, никого

не было. Въ берегахъ растетъ много *морской капусты* (Crambe maritima. *L.*), *муры*, по мѣстному говору. Въ сильныя погоды, прибоемъ волнъ выбрасываетъ эту траву на берегъ, гдѣ она, въ жаркое время, скоро загниваетъ и распространяетъ по селенію сильное зловоніе.

Въ полдень выѣхали мы изъ Сюзьмы, а на другой день, уже въ городѣ, узнали, что англійскій пароходъ подошелъ къ этому селенію и, выпустивъ нѣсколько бомбъ, сдѣлалъ десантъ. Сопротивленія со стороны разбѣжавшагося населенія непріятель, разумѣется, никакого не встрѣтилъ и, забравъ скотъ и ограбивъ церковь, удалился. Это было вечеромъ, въ день нашего выѣзда изъ Сюзьмы. По утру того же дня, обходя селеніе, мы не замѣчали въ крестьянахъ особеннаго безпокойства, не смотря на то, что англійскій пароходъ былъ близко, и никто изъ нихъ не ожидалъ, что къ вечеру непріятель посѣтитъ ихъ.

Недѣлю спустя, мнѣ снова довелось быть въ Сюзьмѣ. Двѣ, три избы сильно пострадали отъ непріятельскихъ бомбъ; одна изъ нихъ была совершенно разрушена. На полу лежали еще осколки бомбы. Я взялъ одинъ изъ нихъ, и сохраняю на память о подвигахъ англичанъ, громившихъ безнаказанно беззащитныя селенія бѣломорскихъ прибрежій.

МОРСКІЯ ПРИБРЕЖЬЯ ОНЕЖСКАГО УѢЗДА.

Береговая дорога. — Куйпуга. — Подвижные пески. — Морское сало. — Ропаки. — Прибрежные камыши. — Морской заяцъ въ рѣчкѣ. — Зубья. — Конушинскій промыселъ. — Савка-улы. — Прыгающая семга. — Кривка. — Бѣлухи въ Кандалакской Губѣ. — Комары.

Измученныя почтовыя лошади съ трудомъ тащили небольшую телѣжку по песчаному морскому прибрежью Онежскаго уѣзда. Дорога шла сыпучими песками, въ полномъ смыслѣ этого слова. А до станціи оставалось еще верстъ десять. Вправо отъ меня, сквозь рѣдкій прибрежный лѣсъ, синѣло море. По сторонамъ нескончаемый *можжевельникъ* (Juniperus nana), да какая-то мелкая ползучая травка съ кругленькими листочками почти голубаго цвѣта, растущая на голомъ песку. Мѣстами алѣетъ одинокій цвѣтокъ *шиповника* [1]) (Rosa canina), на такомъ миніатюрномъ кустикѣ, что ему позавидовали бы китайскіе

[1]) Шиповника.

садоводы, отличающіеся, какъ извѣстно, умѣньемъ выращивать карликовъ цвѣточнаго міра. Солнце палитъ немилосердно, а тутъ еще пыль, спирающая дыханіе. „Скоро ли *куйгуга?* [1])“ спрашиваешь ямщика неоднократно, и ждешь не дождешься, когда выберешься наконецъ на берегъ. Но вотъ ямщикъ поворачиваетъ вправо, и вскорѣ, по пологому песчаному берегу, спустились мы на желанную куйгугу. Съ моря повѣяло живительною прохладою. Дорога пошла по песчаному, гладкому какъ столъ, морскому дну, дотого плотному, что колеса оставляли на немъ едва замѣтный, быстро исчезающій слѣдъ. А между тѣмъ песокъ насыщенъ водою: стоитъ только вырыть небольшую яму, и вода тотчасъ же накопится въ ней. Никакая мостовая не сравнится съ этою природною дорогою. плотно убитою морскими волнами. Но мѣстами она очень опасна. Говорятъ, встрѣчаются на ней подвижные пески; не дай Богъ попасть въ нихъ никому, ни пѣшему, ни конному. Засосутъ, затянутъ они лошадь и человѣка безслѣдно и безвозвратно, и нѣтъ возможности выбраться изъ нихъ: медленно, но неудержимо тянутъ они въ себя неосторожнаго путника, и чѣмъ болѣе выбивается онъ, тѣмъ быстрѣе погружается. Страшная смерть, и еще болѣе страшная предсмертная агонія!

Легко и скоро катится телѣга по плотному морскому дну. На песку лежатъ какіе-то кругляки, въ ладонь вели-

[1]) Такъ называется дорога по песчаному морскому прибрежному дну, осыхающему во время отливовъ.

чиною, малиноваго цвѣта, съ бѣлыми ободками, не-то растенія, не-то животныя. Слѣзаю съ телѣги и дотрогиваюсь до одного изъ нихъ палкою. Студенистая масса дрожжитъ при прикосновеніи; значитъ, въ ней есть жизнь. Въ водѣ она распускается, принимая несравненно бо́льшіе размѣры. Ямщикъ мой называетъ ее *морскимъ саломъ* (Acalephae), прибавляя, что его употребляютъ у нихъ какъ лекарство, втирая при простудѣ. Вотъ и *морскія звѣзды* (Astraea), однѣ побольше, другія поменьше. Онѣ уже обсыхаютъ на солнцѣ, но придетъ скоро приливная волна и оживитъ ихъ. Мѣстами попадаются небольшіе камешки, съ прильнувшими къ нимъ какими-то морскими растеньицами, а тамъ, поближе къ берегу, гладкое песчаное дно испещрено множествомъ маленькихъ бугорковъ. Подъ ними найдете вы большихъ морскихъ червей, и они-то взрываютъ надъ собою песокъ, точно кроты землю. Черви эти, *ронаки*, по мѣстному говору, (Arenicola piscatorum *L.*) служатъ превосходною наживкою для уженья рыбы.

Хотѣлось бы еще побродить по обсохшему прибрежью и понабрать вонъ тѣхъ красивыхъ морскихъ *ракушекъ*, что лежатъ на песку, но медлить нельзя. Скоро начнется приливъ, а намъ предстоитъ ѣхать куйпугой еще верстъ пять. Того и смотри, что набѣжитъ приливная волна и, пожалуй, захватитъ еще на дорогѣ, а бѣжитъ она очень быстро.

Отъ г. Онеги до селенія *Унежмы*. верстъ безъ малаго на девяносто. нужно ѣхать верхомъ. Камни, лѣса и глубокіе пески отнимаютъ всякую возможность ѣзды на телѣгѣ, и если вы откажетесь ѣхать верхомъ и не желаете подвергаться неудобствамъ морскаго объѣзда. васъ повезутъ на санях, разумѣется. за тройную плату. Съ Унежмы лошадь смѣняется карбасомъ: дальше нельзя уже ѣхать и верхомъ. Тамъ, до самыхъ береговъ Океана. пойдетъ камень на камнѣ.

Я только-что оставилъ за собой Онегу. Дорога идетъ на нѣсколько верстъ въ одномъ почти уровнѣ съ гладкою поверхностью моря: такъ низокъ здѣсь морской берегъ. Влѣво отъ меня тянется лугъ, если только можно назвать лугомъ эту обширную ровную площадь. на всемъ ея необозримомъ протяженіи поросшую низкой травою желтобураго цвѣта. И гдѣ-жъ ему зеленѣть, когда соленая вода заливаетъ его всякій разъ, какъ только поднимется вѣтеръ съ моря. Такіе луга — раздолье для дикихъ гусей. привольно пасущихся здѣсь во время ихъ весеннихъ и осеннихъ пролетовъ.

Мѣстами луговыя прибрежья эти густо поросли высокими камышами. Вотъ стоятъ они сплошною стѣною край самой дороги. Любопытно заглянуть въ этотъ тростниковый лѣсъ. Слѣзаю съ лошади и углубляюсь въ камыши, раздвигая ихъ ружейнымъ стволомъ и переступая съ кочки на кочку. Множество узкихъ, но чрезвычайно глубокихъ канавокъ пересѣкаютъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. и нужна большая осторожность. чтобъ не разойтись въ

нихъ. Прикрытыя камышами, онѣ очень опасны: какъ разъ провалишься, а тамъ и поминай, какъ звали. Тотчасъ затянетъ подъ кочковатую почву, а оттуда уже не выберешься на свѣтъ Божій. Должно быть, нѣкогда было здѣсь озеро, и всѣ эти канавки имѣютъ и теперь еще одно, общее для всѣхъ дно, давно уже сокрытое подъ камышами, тѣмъ болѣе, что истока въ море у нихъ нѣтъ. Такіе протоки, также поросшіе камышами, встрѣчалъ я и на морскихъ островахъ, лежащихъ въ Двинской Губѣ.

По такимъ камышевымъ зарослямъ тысячами гнѣздятся дикія утки. Густые камыши служатъ имъ превосходною защитою отъ ястребовъ, а охотники сюда рѣдко заглядываютъ. Всюду, куда ни посмотришь, сидятъ онѣ по канавкамъ, копошатся въ камышахъ, ни мало не обращая вниманія на человѣка, точно дворовыя утки. И ходить за ними не нужно. Бывало, слѣзешь съ лошади, возьмешь съ телѣги ружье [1]), раздвинешь камыши, и стрѣляешь.

Но вотъ дорогу пересѣкаетъ какая-то трещина, аршина въ полтора ширины и въ сажень глубиною. Черезъ нее перекинутъ мостикъ. Заглядываю въ нее: тамъ вода. Это ручей, вытекающій изъ какого нибудь дальняго озера и впадающій въ море. Здѣсь морскіе берега замѣтно начинаютъ уже повышаться; песчаная почва понемногу переходитъ въ каменистую. Разъ, ямщикъ мой опустился въ такую канаву и вытащилъ изъ нея *морду*: она была

[1]) Въ переѣздъ отъ Онеги до Унежмы чемоданъ и другія вещи, имѣющіяся при проѣзжемъ, везутся на небольшой двухколесной телѣжкѣ.

полна *кумжы*. Рыба эта заходитъ сюда съ моря и пробирается вверхъ, въ дальнія озера, на сотни верстъ.

Мы только что переѣхали черезъ какую-то небольшую рѣчку, или скорѣе, одинъ изъ тѣхъ большихъ ручьевъ, которые въ лѣтнюю пору почти совсѣмъ пересыхаютъ въ своихъ устьяхъ, во время морскаго отлива [1]). Весною они полноводны и широко разливаются въ пологихъ берегахъ, поростающихъ за лѣто высокою травою. Это единственные луга, которые встрѣчалъ я по морскому прибрежью Онежскаго уѣзда. Время стояло страдное, а потому пустынные въ другое время берега, оживлены были на этотъ разъ присутствіемъ крестьянъ изъ ближайшаго села. Одни косили, другіе складывали сѣно въ *зароды*. Большія серпообразныя косы ярко блистали на солнцѣ [2]). Но вотъ одинъ изъ косцевъ подбѣгаетъ къ рѣчкѣ, за нимъ другой, третій, и вскорѣ на берегу образовалась порядочная толпа народа. Вонъ, вижу, нѣкоторые входятъ въ воду. Поднимается крикъ, смѣшанный съ громкимъ смѣхомъ. Что бы это такое было? Посмѣиваю на берегъ.

„Что случилось“? спрашиваю у перваго встрѣтившагося мнѣ крестьянина.

[1]) За устьемъ, вверхъ по теченію, текутъ они въ довольно глубокихъ руслахъ.

[2]) Въ Архангельской губерніи повсемѣстно въ употребленіи такія косы, называемыя *горбушами*. Ими косятъ въ нагибку. Прямыхъ косъ, на длинныхъ рукоятяхъ, которыми косятъ стоя, я не видалъ нигдѣ.

— Да зайца морскаго ловятъ, отвѣчалъ онъ.

„Гдѣ-жъ онъ?“

— Да вонъ, смотрите, ужь изъ воды волокутъ.

Дѣйствительно. на берегъ вытащили морскаго зайца. Онъ былъ уже мертвъ: его зарубили косами. Зарубленный тюлень былъ аршина полтора длиною, съ темносѣрою лоснившеюся шерстью. Мордой очень походитъ на зайца; такіе же усы. Недаромъ, его и прозвали морскимъ зайцемъ. Должно быть, преслѣдуя семгу, зашелъ онъ въ рѣчку, но на обратномъ пути въ море обмелился въ ея устьѣ. Морскіе зайцы, въ своихъ погоняхъ за рыбою, очень далеко заходятъ въ рѣки: разъ, я видѣлъ одного изъ нихъ въ С. Двинѣ, въ 50 верстахъ отъ ея устья. Случается, что преслѣдуя рыбу, морской заяцъ попадаетъ въ мережи, которыя ставятъ въ морскихъ берегахъ: запутавшись въ сѣти, онъ скоро задыхается.

По зимамъ крестьяне Кемскаго и бывшаго Кольскаго уѣздовъ промышляютъ этого звѣря въ такъ называемыхъ *зубьяхъ*. Зубья—это трещины въ береговыхъ льдахъ Бѣлаго моря. Быстрина въ этихъ зубьяхъ страшная. Сюда-то, на эти отдушины, собираются морскіе зайцы, которые, подобно другимъ морскимъ звѣрямъ, не могутъ долго оставаться подъ водою. Промышленники стрѣляютъ ихъ здѣсь изъ винтовокъ, большею частью одиночно. Завалится иной изъ нихъ о край льдины, захоронившись въ снѣгу, и ждетъ, не выплыветъ ли гдѣ звѣрь. Много отваги нужно имѣть, чтобы по льду, верстъ на двадцать и болѣе отъ берега, пробраться до зубья, таща за собою лодку, и много

ловкости, чтобъ, вовремя скользнувъ съ лодкою въ воду, подобрать убитаго звѣря, ибо минута промедленія, и его унесетъ теченіемъ подъ ледъ. Но малѣйшая неосторожность при спускѣ, и человѣкъ погибъ безвозвратно: изъ зубья ужь не выплывешь. А то случается, что ошеломленный пулею звѣрь очнется въ тотъ самый моментъ, когда промышленникъ, подплывъ къ нему въ своей маленькой лодочкѣ, вонзитъ въ него острогу; мигомъ опрокинется тогда его лодочка, и самому ему нѣтъ спасенія. Бываетъ и такъ, что поднимется вдругъ сильный вѣтеръ съ моря и разорветъ прибрежные льды. Останется тогда бѣдный промышленникъ на льдинѣ и отнесетъ его вмѣстѣ съ нею въ открытое море, гдѣ ожидаетъ его неминуемая гибель. А между тѣмъ случается не рѣдко, что промышленникъ уходитъ домой съ пустыми руками: или промаха дастъ по звѣрю, или не успѣетъ вытащить его изъ воды. Все зависитъ отъ случая.

Но нигдѣ не развертывается такъ полно и широко вся удаль и отвага поморскаго промышленника какъ на такъ называемомъ Конушинскомъ промыслѣ, который производится въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ у Канина Носа [1]). Съ одною дубинкою въ рукахъ и съ ножомъ за поясомъ, безъ лодки, бросаются тогда промышленники, очертя голову, на льдины, стремительно несущіяся край самаго берега, и бѣгаютъ по нимъ, побивая *устелыу*, взрослую самку *стри-*

[1]) Промыселъ этотъ называется Конушинскимъ по Конушинскому мысу.

на [1]), которая въ это время выходитъ обыкновенно на льдины для дѣторожденія. Случается не рѣдко, что промышленники перебѣгаютъ съ льдины на льдину по мелкому льду, *шуг*, наполняющей промежутки между ними, въ двѣ сажени и болѣе шириною, на особаго устройства лыжахъ, называемыхъ *ламбами*. Малѣйшая неосторожность при вскакиваніи на шугу, и человѣкъ погибъ безвозвратно. Стоитъ только зацѣпиться ламбою за неровную поверхность шуги и, потерявъ равновѣсіе, падаетъ тогда промышленникъ, скрываясь подъ нею на вѣки.

Ясный, тихій іюньскій день склоняется къ вечеру, но до солнечнаго заката еще пять часовъ. Страшно надоѣли эти приземистыя деревца и кустарники, изуродованные жестокимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Лучше смотрѣть на морскую гладь. Въ этомъ пустынномъ и спокойномъ, повидимому, морѣ больше жизни и движенія. Вонъ черныя морскія утки *савка-гилы* (Anas nigra) длинною вереницею тянутся надъ зеркальною его поверхностью, оглашая воздухъ крикомъ, очень похожимъ на мѣстное ихъ названіе. По-надъ берегомъ вьется *крывка* [2]) (Sterna hirundo), небольшая, очень красивая птица, серебристо-перловаго цвѣта, съ малиновыми лапками и длиннымъ острымъ

---

[1]) Такъ называютъ на Поморьѣ особый видъ тюленя, извѣстнаго, впрочемъ, болѣе подъ названіемъ *стрки*. Приходитъ въ Бѣлое море изъ Океана въ концѣ октября и въ ноябрѣ.

[2]) Птица эта названа такъ по ея крику.

клювомъ. Это ловкій рыболовъ и отличный летунъ. Вонъ запереберальъ онъ своими длинными крыльями, держась на одномъ мѣстѣ, и вдругъ камнемъ падаетъ на воду [1]). Какія-то рыбы, серебрясь на солнцѣ, цѣлою стаею, одна за другою, прыгаютъ изъ воды, падая съ шумомъ, и снова затѣмъ дѣлая большіе прыжки. Это *семга* (Salmo Salar. *L.*), преслѣдуемая морскими зайцами. А тамъ, подальше, что-то съ шумомъ взбѣлѣетъ вдругъ надъ водою и вдругъ исчезнетъ. То *бѣлуха* (Delphinopterus leucas Pall), морская корова, выбрасывающая изъ себя воду фонтаномъ и набирающаяся въ тоже время воздухомъ.

Звѣрь этотъ вызываетъ въ памяти разсказъ, слышанный мною въ Кандалакшѣ. Какъ-то разъ, много лѣтъ тому назадъ, Кандалакская Губа замерзла такъ быстро, что бѣлуха, большими стадами *жировавшая* [2]) въ самой почти ея оконечности, не успѣла уйти въ море. Вотъ собрались бѣлухи вмѣстѣ и проломали себѣ прорубь: безъ воздуха же ей не жить. Постоянно взламываемый ледъ образовалъ въ ней кольцеобразный берегъ, и живутъ себѣ

---

[1]) Небольшая птица эта бываетъ чрезвычайно смѣла во время вышариванія и еще смѣлѣе, когда уже имѣетъ дѣтей. Гнѣздится она по песчанымъ берегамъ рѣкъ, подобно морской сорочкѣ, не много заботясь объ устройствѣ гнѣзда. Разъ какъ-то, одинъ крестьянскій мальчикъ, лѣтъ восьми или девяти, набрелъ на ея гнѣздо и взялъ одного изъ дѣтенышей. Тогда озлобленныя птицы сорвали у него съ головы шапку и, прежде чѣмъ мальчуганъ успѣлъ добѣжать до дому, пробили ему голову своими твердыми острыми клювами.

[2]) Звѣрь *жируетъ*, т. е. живетъ, кормится, держась въ мѣстахъ, гдѣ находитъ для себя много добычи.

въ проруби этой звѣри спокойно, какъ за стѣною [1]). Но на бѣду имъ, какой-то крестьянинъ, пареѣзжая Губу, замѣтилъ этотъ ледяной валъ и, побуждаемый любопытствомъ, заглянулъ туда. Разумѣется, на другой день прорубь превращена была въ бойню. Несчастные звѣри, сами для себя приготовившіе эту западню, перебиты были почти всѣ до единаго. Напрасно скрывались они подъ водою: кругомъ ледъ, а вздохнуть нужно, и волей-неволей, приходилось подставлять спины подъ убійственную острогу. Нѣкоторые изъ крестьянъ Кандалакши, Норьегубы и другихъ ближайшихъ селеній нажили тогда, слышалъ я, тысячи. А весною, по вскрытіи льда, много находили еще мертвыхъ бѣлухъ по берегамъ Кандалакской Губы.

Но и море утомляетъ глазъ. Думаешь, какъ бы до заката пріѣхать на станцію. Тамъ, впереди, говоритъ ямщикъ, будетъ куйгуга. Но на куйгугу опоздали: приливъ совершался на нашихъ глазахъ. Быстро неслась приливная волна, скрывая подъ собою морское дно.

Приходится ѣхать лѣвистымъ прибрежьемъ, а тамъ и болота, и глубокіе пески. До заката, значитъ, на станцію не будемъ. Оно бы и не къ спѣху, да комары... Охъ, какъ больно кусаются поморскіе комары! Вотъ уже начинаютъ они подниматься. Нужно скорѣе обвязать лице платкомъ, а руки спрятать въ карманы: сейчасъ мучители слетятся въ миріады... Да, въ миріады... Тотъ, кто

[1]) Это было недалеко отъ острова, на которомъ когда-то, въ царствованіе, кажется, Елизаветы, добывалась серебряная руда.

ѣзжалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ по морскимъ прибрежьямъ Онежскаго уѣзда, знаетъ, въ какомъ громадномъ количествѣ носятся тамъ объ эту пору эти насѣкомыя: за одну минуту облѣпятъ они человѣка такъ, что превратится черный цвѣтъ его платья въ сѣрый!

МОРСКІЕ ОСТРОВА.

Лѣтній ландшафтъ Бѣломорскаго прибрежья. — Морской заяцъ. — Малые прибрежные острова. — Луды. — Большіе острова. — Промысловая избушка. — Сельди, загнанныя въ берегъ сѣрками.

Тяжелы, а подъ-часъ и опасны переѣзды въ почтовомъ карбасѣ вдоль западныхъ прибрежій Бѣлаго моря въ осеннюю пору, когда задуетъ упорный сѣверный вѣтеръ, сопровождаемый холоднымъ дождемъ, а не рѣдко и изморозью. Напрасно кутаешься въ шубу: холодный вѣтеръ проникаетъ до мозга костей, а свинцовая морская волна, по временамъ заглядывающая въ карбасъ, обдастъ леденѣющими брызгами и обрекаетъ на безвыходное лежаніе въ *будкѣ* [1]). А переѣздъ отъ станціи до станціи все въ тридцать, да въ тридцать пять, мѣстами же и въ сорокъ верстъ. Ждешь не дождешься, бывало, промысловой избушки, одиноко стоящей на морскомъ берегу: въ ней можно, по крайней мѣрѣ, отогрѣть у огня окоченѣвшія руки и ноги.

[1]) Такъ называется закрытая часть карбаса.

Но на сколько трудны и непріятны эти осенніе переѣзды, на столько пріятны они въ лѣтнюю пору, когда изо дня въ день стоитъ тихая, ясная погода, а солнечный жаръ умѣряется прохладу навѣвающимъ морскимъ воздухомъ. Необозримая морская гладь, утомляющая глазъ въ открытомъ морѣ, оживляется здѣсь близостью береговъ, пустынныхъ, правда, но все же придающихъ нѣкоторое разнообразіе ландшафту. Вотъ стоятъ они передъ нами отвѣсною высокою скалою, ярко отражаясь на прибрежной глуби, а тамъ, смотришь, понемногу понижаясь, переходятъ въ пологіе склоны, поросшіе лѣсомъ, далеко уходящимъ въ глубь материка. Полдень. Солнце высоко проходитъ надъ моремъ, но оно не блеститъ подъ его яркими лучами. Это русское, въ полномъ смыслѣ народнаго эпитета, *синее* море. Сладко дремлется подъ однообразный всплескъ воды подъ веслами и заунывную пѣсню женщинъ-гребцовъ.

„Ваше благородіе, а ваше благородіе!“ будитъ меня кормщикъ, слегка дотрогиваясь до плеча. „Гляньте-ко на звѣря морскаго!“

— Гдѣ-жъ онъ?

„„Да во(нъ), во(нъ): за кормой у насъ.“

Я взглянулъ по указанному имъ направленію. Дѣйствительно, вслѣдъ за нами плылъ какой-то звѣрь, выставивъ изъ воды голову, лоснившуюся на солнцѣ. Онъ плылъ такъ близко отъ насъ, что можно было отчетливо разсмотрѣть длинные, щетинистые усы его, торчавшіе надъ мордою. То былъ *морской заяцъ* (Phoca annulata).

„Пѣсню бабью слушаетъ“ замѣчаетъ кормщикъ. „„До пѣсенъ они больно охочи“.

Я взялъ ружье и выстрѣлилъ по немъ. Заяцъ скрылся подъ водой, но тотчасъ же выталъ, поднявшись до заднихъ ласть, быстро перекинулся затѣмъ внизъ головою, и такъ нырялъ и выставалъ разъ до двадцати, пока не скрылся наконецъ изъ виду. „Должно быть, дробь, которою было заряжено ружье мое, ослѣпила его.

Но вотъ далеко впереди, на гладкой синевѣ моря, начинаетъ выдѣляться что-то темное, еще неопредѣленное, принимающее вскорѣ форму опрокинутой чаши. Это одинъ изъ морскихъ островковъ, которыхъ много встрѣчается по всему западному прибрежью Бѣлаго моря. Стоятъ они въ морѣ точно курганы въ степи, одни повыше, другіе пониже, мѣстами тянутся рядами. Но взглянемъ на нихъ поближе. До одного изъ нихъ, лежащаго у насъ на пути, такъ близко, что нельзя миновать его, не приставши. Черезъ нѣсколько минутъ, карбасъ нашъ упирается въ его каменный берегъ. Островокъ оказывается громаднымъ гранитнымъ камнемъ, когда-то выдвинутымъ съ морскаго дна. На немъ есть уже почва, а она, какъ извѣстно, созидается, въ такихъ случаяхъ, вѣками. И много вѣковъ должно было пойти на то, чтобъ островокъ этотъ, голый нѣкогда камень, могъ выростить на себѣ вонъ тѣ приземистыя сосенки, что стоятъ на его вершинѣ. Островокъ, къ которому мы пристали, не великъ: его можно обойти въ четверть часа. Онъ сплошь покрытъ *вороникою*, мелкою черною ягодою, о которой, впрочемъ, буду еще имѣть

случай говорить въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ. Куда ни ступишь, всюду давишь ее подъ ногами: такъ обильно поросла она на привольной для нея мшистой почвѣ.

Но, не смотря на то, что морской островокъ этотъ имѣетъ всего одну версту въ окружности, на немъ можно поохотиться. Здѣсь, навѣрное, найдешь куропатокъ [1]). Вонъ поднялись онѣ цѣлымъ выводкомъ и попадали въ мелкій соснякъ. Тамъ можно перестрѣлять ихъ всѣхъ до одной: онѣ не улетятъ съ острова. Весною и осенью гогочутъ здѣсь дикіе гуси, но они всегда насторожѣ, и подойти къ нимъ незамѣченнымъ очень трудно.

Но пора уже оставить островокъ и продолжать путь. До станціи остается еще верстъ двадцать, если не болѣе, такъ какъ часто приходится объѣзжать подводные камни, изъ которыхъ иные имѣютъ громадные размѣры. Ихъ называютъ *лудами*. Вонъ одинъ изъ нихъ обозначается легкою зыбью, рѣзко выдѣляясь на окружающей его морской глади. Во время отлива нѣкоторые изъ этихъ камней выступаютъ изъ подъ воды. Большею частью, имѣютъ они плоскую и гладко отполированную поверхность. Въ темную пору, или же въ сильную погоду, когда на морѣ ходитъ большой взводень, камни эти очень опасны. Не дай Богъ никому наткнуться на нихъ. Разъ, въ осеннее время, не успѣвъ засвѣтло добраться до станціи, попали мы на такой камень. Къ счастью, воды надъ нимъ было на

[1]) Иногда попадаются и рябчики.

столько, что карбасъ нашъ (мы шли на парусахъ) быстро пронесся, скользя по гладкой его поверхности, но все-жъ таки зачерпнулъ не мало воды. Бывали случаи, что люди гибли, натолкнувшись въ сильную погоду на такой камень. А погибнуть легко. Только выпади въ воду изъ опрокинувшагося карбаса, а тамъ подхватитъ взводнемъ и живо снесетъ въ море. На гладкомъ камнѣ удержаться не за что.

Встрѣчаются по западному прибрежью Бѣлаго моря и большіе острова, большіе, конечно, относительно. Въ сравненіи съ островкомъ, только-что оставленнымъ нами, это большіе острова, но передъ такими островами, какъ Соловецкій или Моржовецъ, это островки, не болѣе. Вонъ одинъ изъ нихъ отдѣлился на далекомъ горизонтѣ моря, темнымъ полукругомъ повиснувъ на воздухѣ. Кажется, десять, много пятнадцать верстъ отдѣляютъ его отъ насъ, но въ дѣйствительности до него вдвое далѣе. Такъ сильно скрадывается въ морѣ разстояніе между предметами!

Разъ я оставилъ обычный почтовый морской трактъ, воспользовавшись попутнымъ боковымъ вѣтромъ, чтобъ побывать на одномъ изъ этихъ острововъ. Ничтожный издали островокъ понемногу, по мѣрѣ нашего къ нему приближенія, разрастался въ высокую гору. Вонъ явственно можно уже различить высокіе, скалистые берега и хвойный лѣсъ, темною полосою обхватывающій ея подошву. За нимъ идутъ кустарники, испещренные свѣтлыми пятнами: то бѣлѣется ягель. Выше тянутся мшистыя поляны, а тамъ, еще выше, на самой вершинѣ, одинъ только сѣрый

камень. Все это такъ отчетливо рисуется на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба, и кажется, еще нѣсколько минутъ, и мы будемъ уже въ берегу, но долго еще затѣмъ шли мы впередъ, а островъ все въ одномъ и томъ же разстояніи, ни дальше и ни ближе, точно уходилъ отъ насъ. Но есть предѣлъ и обману зрѣнія. Предѣлъ этотъ полагаетъ ему, наконецъ, высокій, скалистый берегъ острова, стѣною стоящій уже надъ нашими головами. Въ берегу такая глубь, что корабль большихъ размѣровъ могъ бы стать бокъ-о-бокъ съ этою стѣною, и высокія мачты его далеко не сравнялись бы съ нею. Какія-то морскія птицы тысячами вились по надъ-берегомъ, оглашая воздухъ крикомъ, заглушавшимъ шумъ морскаго прибоя. Высоко надъ ними кружились *морскіе орлы* (Haliaëtus albicilla. *L.*).

Обогнувъ южную оконечность острова, не представлявшую удобнаго мѣста для высадки, вошли мы въ небольшую бухту, обставленную пологими берегами. Здѣсь было тихо, тогда какъ тамъ ходилъ большой взводень, съ шумомъ разбивавшійся о береговыя скалы. Такія бухты, будучи просторнѣе и глубже на другихъ островахъ, служатъ превосходнымъ убѣжищемъ для морскихъ судовъ: сюда заходятъ онѣ въ сильныя погоды, здѣсь же и выстаиваютъ, иногда по нѣсколько сутокъ, за противными вѣтрами [1]). Берега поросли мелкимъ сосняком и можжевельникомъ. Странную форму принимаютъ деревья, растущія въ берегахъ, съ восточной и сѣверной сторонъ. Тощія, приземистыя, тя-

[1]) Такіе заливцы или бухточки называются *становищами*.

нутся онѣ, изгибаясь, по самой почти землѣ, но, по мѣрѣ удаленія въ глубь острова, онѣ понемногу выпрямляются, становясь рослѣе и вѣтвистѣе, а тамъ дальше, по лощинамъ, уже высоко поднимаютъ къ небу свои шапковидныя вершины, и нужно удивляться, какъ онѣ держатся, цѣпляясь корнями своими за голые камни.

Островъ не обитаемъ. Его посѣщаютъ, по временамъ, одни только промышленники, изъ ближайшихъ приморскихъ селъ. Водятся здѣсь медвѣди и олени, зайцы и лисицы, тетерева, рябчики и куропатки. На зиму являются сюда и волки [1]).

Поднявшись по пологому каменистому берегу, вхожу въ лѣсъ. Передо мною взлетаетъ стая рябчиковъ и перепархиваетъ съ дерева на дерево въ такомъ близкомъ разстояніи, что послѣ двухъ, трехъ выстрѣловъ теряется всякій интересъ къ охотѣ. Иду дальше, и поднимаю тетеревовъ, которые уводятъ за собой въ глубь острова. Тамъ, въ одной изъ лощинъ, встрѣчаюсь съ медвѣдемъ. Завидѣвъ меня, звѣрь на минуту остановился, и тихо, не ускоряя шагу, побрелъ затѣмъ стороной. Вотъ заяцъ выскакиваетъ изъ вересняку и, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, са-

[1]) Вопросъ о мѣстонахожденіи всѣхъ этихъ животныхъ тѣсно связывается съ вопросомъ объ образованіи морскихъ острововъ, изъ коихъ иные отстоятъ отъ материка на пятьдесятъ и болѣе веретъ. Соединялись ли они нѣкогда съ материкомъ, будучи потомъ отрѣзаны отъ него напоромъ морскихъ теченій, или выдвинуты со дна моря силою подземнаго огня, въ томъ и другомъ случаѣ вопросъ о мѣстонахожденіи упомянутыхъ животныхъ объясняется просто: Бѣлое море замерзаетъ болѣе чѣмъ на пятьдесятъ веретъ отъ береговъ.

дится, настороживъ свои длинныя уши. Выхожу изъ лѣсу. Передо мной лежитъ озеро въ бѣлѣющихся мшистыхъ берегахъ. Такія озера есть и тамъ, на самой вершинѣ острова, съ каменнымъ дномъ, съ прозрачною какъ хрусталь водою и, что особенно замѣчательно, съ рыбою. По сухому бѣлому мху, только что взрытому, можно заключать, что тутъ, по близости, пасутся дикіе олени, но съ дробовкою безполезно идти за ними, да время уже и въ обратный путь. Хотѣлось бы взглянуть еще на гагачьи гнѣзда, но до скалистаго берега, въ которомъ гнѣздится *гага* (Anas mollissima), не близко, да кътому же и спускаться по уступамъ его, безъ проводника, не совсѣмъ безопасно [1]).

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ острововъ, разбросанныхъ вдоль всего западнаго берега Бѣлаго моря. Достаточно побывать на одномъ изъ нихъ, чтобъ составить себѣ понятіе объ остальныхъ. Таковъ долженъ быть и тотъ островъ, что показался не надолго на далекомъ горизонтѣ моря и теперь уже скрылся изъ виду.

Долгій лѣтній день склоняется къ вечеру, но солнце стоитъ еще высоко на небѣ. Въ берегу чернѣется одинокая промысловая избушка, отъ которой, по словамъ кормщика, остается еще десять верстъ до станціи. Необходимо сдѣлать привалъ. Такія избушки встрѣчаются часто по

[1]) Гага, какъ извѣстно, устилаетъ гнѣздо свое собственнымъ пухомъ. Придутъ промышленники и выберутъ его оттуда. Птица вновь нащиплетъ его изъ себя до новаго прихода промышленника, и такъ по нѣскольку разъ въ лѣто выбирается и наполняется пухомъ гагачье гнѣздо.

Кемскому берегу Бѣлаго моря; онѣ ставятся крестьянами, промышляющими морскаго звѣря и рыбу, большею частью по берегамъ бухтъ, удобныхъ для стоянки морскихъ судовъ [1]). Въ чистомъ песчаномъ берегу бухты стоитъ карбасъ, на немъ лежатъ сѣти. Въ избушкѣ, значитъ, есть люди. Но въ ней тѣсно, душно и темно. Лучше выйти и посидѣть на открытомъ воздухѣ, пока кормщикъ и бабы *попаужинаютъ* [2]) съ промышленниками.

Передо мной необозримая морская гладь; только въ берегу плещетъ, никогда не умолкая, прибойная волна. Смотришь въ даль, но не на чѣмъ остановиться глазу. Вдругъ спокойная и гладкая какъ зеркало поверхность бухты вскипѣла, на всемъ ея протяженіи, миріадами серебристыхъ блёстокъ. Тамъ и сямъ, поотдаль отъ нихъ, показывались черныя головы какихъ-то звѣрей. Это *сьрки* [3]) (Phoca vitulina. L.), и они-то загнали сюда стадо сельдей. Нужно было видѣть, какъ перепуганныя сельди метались въ берега, напирая въ нихъ всею своею массою. Черезъ

---

[1]) Въ иныхъ становищахъ увидишь двѣ, три и болѣе избушекъ, въ которыхъ найдешь вязанку дровъ, пукъ лучины, ножъ, чашку, немного муки и даже печеный хлѣбъ или сухари: все это оставляется тутъ доброхотными людьми про запасъ, на случай помощи какому нибудь несчастному, потерпѣвшему крушеніе промышленнику.

[2]) *Паужинать* — вечерять. Крестьяне Архангельской губерніи ѣдятъ четыре раза въ сутки: завтракаютъ, обѣдаютъ, паужинаютъ и ужинаютъ.

[3]) *Сьрка* — особый видъ тюленя, извѣстный на Поморьѣ подъ различными наименованіями, смотря по полу и возрасту. Тюлень этотъ въ Бѣломъ морѣ для сельдей тоже, что китъ въ Океанѣ.

нѣсколько минутъ, онѣ лежали на немъ тысячами, ярко блистая на солнцѣ серебристою чешуею. А сколько понабивалось ихъ въ мерёжи, которыя стояли в[ъ] берегахъ, и сколько бы еще можно было выловить ихъ неводомъ, еслибъ онъ имѣлся подъ руками. Да что, впрочемъ, съ ними и дѣлать, когда нѣтъ ни бочекъ, ни соли въ достаточномъ для нихъ количествѣ. Пропадутъ задаромъ!

СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Колоколъ, присланный въ даръ монастырю Государемъ Императоромъ Александромъ II.— Переѣздъ отъ Архангельска до монастыря на пароходѣ. — Монастырская бухта. Внѣшній видъ монастыря. — Гостинницы.— Монастырская стѣна. —Ризница.— Трапеза. — Сѣдящій Іисусъ — Анзерскій скитъ и Голгоѳа. — Чайки и ворона.—Монастырь въ зимнюю пору.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1860 года, на одной изъ пристаней г. Архангельска, стояла толпа народа, съ любопытствомъ разсматривая большой колоколъ, превосходной работы, присланный въ даръ Соловецкому монастырю Государемъ Императоромъ, въ память посѣщенія Имъ обители этой въ 1858 году. Для перевозки колокола нарочно нанятъ былъ монастыремъ пароходъ, принадлежавшій Бѣломорской компаніи. Монастырь не имѣлъ еще тогда своихъ пароходовъ. Богомольцевъ перевозили на *лодьяхъ* [1]), судахъ, очень не удобныхъ для морскаго переѣзда въ 300

---

[1]) У монастыря есть свои верфи и сухой докъ, единственный въ Поморскомъ краѣ.

слишкомъ веретъ. Мнѣ представлялся удобный случай побывать въ монастырѣ, а потому на другой день, въ пять часовъ вечера, я былъ уже на палубѣ парохода. Послѣ долгаго ожиданія, часовъ въ семь, снялись мы, наконецъ, съ якоря и, миновавъ Соломбальское селеніе съ его портомъ и оживленною гаванью, за Новодвинскою крѣпостью, такъ называемымъ Корабельнымъ устьемъ, вышли въ открытое море. Солнце стояло еще довольно высоко на небѣ: до заката оставалось часа два слишкомъ. Было какъ разъ 11-ое іюня.—самый долгій день для Архангельска, когда ночь, если только можно употребить это слово, продолжается какихъ-нибудь два часа. На другой день, когда мы были уже не далеко отъ монастыря, вечерняя заря была вмѣстѣ съ тѣмъ и утреннею: солнце едва опустилось за море, какъ тотчасъ же показалось, и стало опять подниматься на небо. Въ четыре часа утра завидѣли мы, наконецъ, еще издалека монастырскія церкви, ярко блиставшія на солнцѣ своими золочеными крестами, а черезъ часъ входили уже въ монастырскую бухту, медленно подвигаясь впередъ межъ подводныхъ камней. Берега усѣяны огромными валунами: на нихъ видѣлись десятки деревянныхъ крестовъ, воздвигнутыхъ, должно быть, усердіемъ богомольцевъ въ память счастливаго плаванія. Вотъ повернули мы влѣво, и передъ нами неожиданно выступилъ монастырь, ярко освѣщенный утренними лучами солнца. Прибытіе наше привѣтствовалось колокольнымъ звономъ. Должно быть, честь эта отдавалась колоколу, виновнику нашей поѣздки.

Высадившись съ парохода, мы тотчасъ же отправились въ гостинницу,—большое двухэтажное деревянное зданіе, выстроенное для помѣщенія въ немъ богомольцевъ, прибывающихъ изъ Архангельска. Такое же зданіе стоитъ по другую сторону монастыря; въ немъ помѣщаются богомольцы, ѣдущіе и идущіе изъ Петербурга [1]), болѣе прямымъ путемъ, черезъ Олонецкую губернію. Та и другая, Архангельская и Петербургская гостинницы, стоятъ внѣ монастырской ограды. Стеченіе богомольцевъ было огромное, а потому отдѣльнаго номера получить было нельзя, хотя бы и за деньги, еслибъ помѣщеніе въ монастырскихъ гостинницахъ и не было даровымъ. Прибывшимъ на пароходѣ пришлось размѣститься по занятымъ уже комнатамъ. Мы нашли въ нашей человѣкъ десять богомольцевъ; иные межъ ними, какъ оказалось потомъ, прибыли изъ отдаленныхъ губерній.

Напившись чаю, мы расположились было отдохнуть, какъ вошедшій служка объявилъ намъ, что началась ранняя обѣдня. Въ голосѣ его слышался обязательный тонъ. Строгость монастырскаго устава, какъ видите, распространяется и на богомольцевъ. Должно быть, раньше, во времена болѣе благочестиваго настроенія духа богомольцевъ, обязательный тонъ этотъ имѣлъ полную силу. Теперь же, кажется, осталась одна форма, хотя большинство богомольцевъ, живущее по старинѣ, и не нуждается въ напо-

[1]) Рѣкою Онегою до г. Онеги, откуда моремъ, на лодьяхъ, прямо въ монастырь; иные черезъ Олонецъ и Повѣнецъ на Сумскій посадъ, откуда переѣзжаютъ въ монастырь на карбасахъ.

маніи своимъ обычнымъ и внутренно обязательнымъ хожденіямъ по церковнымъ службамъ.

Массивная, громадныхъ размѣровъ стѣна рѣзко бросается въ глаза, когда подходишь къ монастырской оградѣ [1]). Сооружена она безъ малаго триста лѣтъ назадъ. Смотришь теперь на ея громадные камни и удивляешься, какимъ образомъ подняты были они на такую высоту. Изумленіе возрастаетъ еще болѣе, когда вспомнишь, какими скудными средствами располагали строители. Преданіе говоритъ, что неизвѣстно откуда явившійся бѣлый конь помогалъ имъ въ работѣ и внезапно исчезъ по ея окончаніи. Этотъ бѣлый чудесный конь, есть конечно легендарное воодушевленіе той высокой духовной силы, которою запечатлѣно подвижничество Св. Зосимы и Савватія [2]), основателей монастыря, и ихъ послѣдователей.

Стѣна испещрена круглыми черными пятнами, съ красными обводами, намалеванными въ память бомбардированія монастыря англичанами во время Крымской войны. По этимъ пятнамъ можно судить о числѣ бомбъ и ядеръ, падавшихъ въ стѣну: онѣ оставили на ней самые ничтожные слѣды. На стѣнахъ, на крышахъ церквей и келій,

[1]) Стѣна эта имѣетъ саженъ пять высоты, мѣстами и болѣе, въ окружности безъ малаго съ версту, и сложена вся, сверху до низу, изъ гранитныхъ неотесанныхъ камней, изъ которыхъ меньшіе имѣютъ сажень въ длину и аршина полтора толщины. Выстроена въ 1594 году.

[2]) Св. Савватій пришелъ на Соловецкій островъ въ 1429 г. въ 1436 г. — Св. Зосима. Игуменомъ поставленъ Зосима въ 1452 г. преставился въ 1478 г.

всюду видишь такія же черныя пятна. Деревянныя гостиницы, въ особенности архангельская, пронизаны были, судя по числу пятенъ, какъ рѣшета. Удивительно, какъ онѣ остались цѣлы и не сгорѣли. Бомбы пробивали ихъ насквозь, но, говорятъ, большею частью, не разрывались. Тоже самое было и съ тѣми, которыя падали на церкви и другія монастырскія зданія. Доказательствомъ служитъ огромная пирамида изъ бомбъ и ядеръ, стоящая въ монастырской оградѣ. Народъ приписываетъ чудесное избавленіе монастыря заступничеству св. угодниковъ. Таково убѣжденіе и соловецкихъ монаховъ.

Мы вошли въ одну изъ монастырскихъ церквей, чтобъ отслужить молебенъ, согласно записи, сдѣланной нами въ книгѣ. Рядъ налоевъ стоялъ во всю длину церкви; при каждомъ изъ нихъ находился іеромонахъ, имѣя при себѣ мальчика-послушника. Обращаемся къ одному изъ нихъ, но узнаемъ, что служить молебна онъ не будетъ, не получивъ отъ насъ на то контромарки. Нужно было идти за нею въ указанный намъ церковный переходъ (коридоръ). Тамъ, за прилавкомъ, сидѣлъ монахъ и раздавалъ контромарки, получая деньги и внося ихъ на приходъ въ особую книгу. Порядокъ, какъ видите, а главное, контроль, какихъ лучше и желать нельзя.

Отслуживъ молебенъ и поклонившись мощамъ Св. угодниковъ соловецкихъ Зосимы и Савватія, покоющихся въ массивныхъ серебряныхъ ракахъ, пошли мы въ монастырскую ризницу, которая богатствами своими уступитъ, можетъ быть, однѣмъ только ризницамъ Троицко-Сергіев-

ской и Кіево-Печерской Лавръ. Золотой и серебряной церковной утвари. громадныхъ Евангелій, въ массивныхъ серебряныхъ окладахъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, и не перечтешь. Между древними вещами, хранящимися въ ризницѣ, особенно замѣчательны посконныя ризы Св. Зосимы, рѣзко отличающіяся своею простотою и бѣдностью отъ богатыхъ парчевыхъ. осыпанныхъ жемчугомъ церковныхъ облаченій, шуба митрополита Филиппа и др.

Есть еще замѣчательная древность въ монастырѣ, — это глиняныя *била* (колокола), звономъ которыхъ впервые оглашался пустынный островъ. Хранятся онѣ въ самомъ высшемъ ярусѣ соборной колокольни.

Колоколъ призывалъ къ *трапезѣ*, когда мы выходили изъ ризницы. По обычаю, издавна установленному, богомольцы, въ продолженіе трехдневнаго пребыванія ихъ въ монастырѣ, обѣдаютъ и ужинаютъ за общимъ столомъ, вмѣстѣ съ братіей. Мы вошли въ просторный залъ, со сводами, украшенными живописью. Такую же живопись видѣли мы на стѣнахъ церквей, часовенъ и церковныхъ переходовъ. Многія картины изображаютъ событія изъ прошлой, отдаленной жизни монастыря, временъ Св. Зосимы и Савватія. По этимъ картинамъ вы можете прочитать всю исторію монастыря. Очень жаль, что живопись подновлена въ недавнее, какъ видно, время, и притомъ рукою не очень искуснаго живописца: она представляла-бъ гораздо болѣе интереса, еслибъ сохраняла свой древній колоритъ.

Два стола, уже накрытые, стояли во всю длину комнаты. За однимъ изъ нихъ помѣщается монастырская братія, за другимъ богомольцы. Особый столъ стоитъ въ сосѣдней комнатѣ для женскаго пола. Вошелъ Архимандритъ, а за нимъ и многочисленная братія. Прочитали молитву, и трапеза началась. Очередной монахъ, стоя на высокой каѳедрѣ, читалъ Житія святыхъ.

Здѣсь тоже благочиніе и тотъ же благоустроенный порядокъ, какъ вездѣ и во всемъ, начиная съ отправленія Божественной службы. По знаку, данному Архимандритомъ, звонятъ въ колокольчикъ, и въ туже минуту, внезапно, точно изъ-подъ земли являющаяся многочисленная прислуга, состоящая большей частью изъ мальчиковъ, убираетъ кушанья и подаетъ новыя. Каждый изъ нихъ, съ низкимъ поклономъ поставивъ на столъ блюдо, проговоритъ скороговоркою „Господи, Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ, помилуй насъ“, и удаляется. Обѣденный столъ состоитъ изъ трехъ блюдъ, вечерній изъ двухъ. Разъ ѣли мы свѣжую сельдь, только что выловленную въ монастырской бухтѣ [1]). Нѣжное мясо ея, тающее во рту, можетъ удовлетворить вкусу прихотливаго гастронома.

Часовъ въ пять вечера, когда спала жара (и здѣсь, на отдаленномъ сѣверѣ выдаются иногда жаркіе дни), вышли мы изъ гостиницы, съ тѣмъ, чтобъ ознакомиться съ окрестностями монастыря. На первый разъ, отправились мы къ „Сѣдящему Іисусу“. Такъ называется церковь, стоящая въ двухъ

[1]) Самыя лучшія бѣломорскія сельди ловятся въ Анзерской Губѣ.

верстахъ отъ монастыря, въ очень живописной мѣстности. Дорога къ ней шла по берегу озера, начинающагося тотчасъ же за монастырскою стѣною. Это извѣстное въ лѣтописяхъ монастыря *Святое озеро*, въ которомъ каждый благочестивый богомолецъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ, тотчасъ же по пріѣздѣ, искушать свое грѣшное тѣло. За озеромъ мѣстность начинаетъ повышаться, понемногу переходя въ лѣсистые холмы. Здѣсь-то стоитъ церковь, извѣстная подъ названіемъ „Сѣдящаго Іисуса“, построенная въ недавнее еще, кажется, время, въ память Митрополита Филиппа, бывшаго, какъ извѣстно, настоятелемъ монастыря. Сюда-то, какъ говоритъ преданіе, уходилъ Святитель, не удовлетворяясь, можетъ быть, монастырскою жизнью, гдѣ, въ уединенной келіи, обращенной потомъ въ часовню, проводилъ время въ строгомъ постѣ и молитвѣ. Еще до сихъ поръ сохраняется камень, служившій ему изголовьемъ.

Въ церкви, на самой срединѣ ея, вы увидете колодезь съ чудотворною водою, имѣющею силу исцѣлять болѣзни. Тутъ же, за занавѣскою, покажутъ вамъ и „Сѣдящаго Іисуса“, деревянное изображеніе, въ терновомъ вѣнцѣ; окровавленное чело и вообще вся фигура Спасителя производятъ тяжелое впечатлѣніе. Мастеръ, сдѣлавшій ее, былъ, какъ видно, очень плохой скульторъ. Все это соединяется съ мѣстнымъ сказаніемъ о чудесномъ явленіи Спасителя и цѣлебномъ свойствѣ колодезной воды. Легенду эту вы можете прочесть тутъ же, частью по надписямъ, частью же по живописи, украшающей церковь.

Мы поднялись на одинъ изъ болѣе возвышенныхъ холмовъ. Прекрасный видъ открывался съ него на озеро и монастырь, откуда явственно доносился до насъ стройно-величавый колокольный звонъ. Былъ уже десятый часъ вечера, когда мы, на обратномъ пути, проходили монастырскою оградою, но вечерняя еще продолжалась. Мы вошли въ церковь. До окончанія службы оставалось еще слишкомъ два часа.

На другой день, заглянувъ въ *Оружейную*, въ которой кромѣ старинныхъ алебардъ, кольчугъ и пищалей не оказалось ничего замѣчательнаго [1]), и обойдя монастырскую стѣну по крытой галлереѣ, отправились мы въ *Анзерскій Скитъ*, находящійся на островѣ того же наименованія, въ семи верстахъ отъ монастыря. Дорогой побывали на одной изъ монастырскихъ фермъ; при ней ледники и амбары для склада масла, молока и сыру. Порядокъ и чистота во всемъ замѣчательные. Монастырь владѣетъ значительнымъ числомъ головъ рогатаго скота и овецъ. Кое-гдѣ встрѣчались огороды, но полей не видали нигдѣ. Почва по всему острову каменистая, а потому неудобная для хлѣбопашества, да еслибъ и удалось вспахать съ великимъ трудомъ поле подъ посѣвъ, то хлѣбъ все-таки не уродился бы. Всходъ, конечно, былъ бы, но ночные морозы, нерѣдко случающіеся въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, убили бы зерно въ наливѣ.

---

[1]) Здѣсь хранился прежде мечъ кн. Пожарскаго, находящійся нынѣ въ Московской Оружейной Палатѣ.

По озерамъ, прилегающимъ къ дорогѣ, плавали большія стаи дикихъ утокъ. Никѣмъ не тревожимыя, онѣ очень смирны. Водятся здѣсь въ изобилiи тетерева и бѣлыя куропатки, есть и дикіе олени, но охотиться на нихъ нельзя, такъ какъ стрѣлять воспрещается. На этотъ разъ въ поѣздкѣ нашей на Соловецкій островъ, мы были безъ ружей: ихъ нужно было оставить дома.

Анзерскій островъ, на которомъ стоитъ церковь [1]), съ кельями и службами, составляющая собственно Анзерскій Скитъ, привлекалъ насъ къ себѣ „Голгоѳою“. Это высокая гора, въ 4-хъ верстахъ отъ скита, съ вершины которой открывается великолѣпный видъ на окрестности. Отсюда можно видѣть всю группу острововъ, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ *Соловокъ*, изъ которыхъ на самомъ большемъ, собственно Соловецкомъ, стоитъ монастырь. Съ вершины голгооской (на ней церковь) вы охватываете взоромъ Соловецкій островъ на всемъ его протяженіи. Монастырь, обнесенный стѣною, съ близь лежащими строеніями и церковью за Св. Озеромъ, занимаетъ одно только прибрежье бухты; остальная, большая часть острова почти сплошь покрыта хвойнымъ лѣсомъ. Мѣстами только темная зелень лѣса пересѣкается веселыми рѣчицами, изъ-за которыхъ синѣетъ гладкая поверхность не большихъ озеръ. Сосѣдніе, также лѣсистые, низменные острова очень малы; глазъ вашъ нигдѣ не отды-

[1]) Должно быть, она замѣнила собою первобытную часовню скита, куда уходили соловецкіе иноки для пустыножительства.

щеть на нихъ ни церкви, ни жилья: они не обитаемы. Одинъ за другимъ уходятъ они въ море, отдѣляясь широкими проливами. Вонъ самый дальній изъ нихъ темною полоскою отдѣлился отъ гладкой поверхности моря, и, кажется, что очъ висить на небѣ. Вокругъ необозримое пустынное море. Напрасно всматриваешься въ даль: глазъ не увидитъ нигдѣ ни темной полосы пароходнаго дыма, ни бѣлѣющагося паруса корабля. Пустынный видъ Анзерскаго острова и царствующая на немъ тишина представляютъ рѣзкій контрастъ съ шумнымъ движеніемъ въ монастырѣ. оживленномъ присутствіемъ тысячей богомольцевъ. Здѣсь не услышишь даже крика морской птицы, тогда какъ тамъ воздухъ, безъ преувеличенія, потрясается отъ неумолкаемаго стона и завыванія морскихъ *чаекъ* (Larus marinus. *L*). Чайка эта, превосходя величиною рѣчную (Larus argentatus) составляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей Соловецкаго монастыря. Куда ни взглянешь, на землѣ, на крышахъ церквей и келій, на монастырской стѣнѣ и башняхъ, всюду видишь сотни этихъ птицъ летающими, сидящими или важно расхаживающими съ страшнымъ, оглушительнымъ крикомъ. На первыхъ порахъ по пріѣздѣ, крикъ этотъ чрезвычайно непріятно, даже болѣзненно дѣйствуетъ на слухъ: нѣтъ отъ него покоя ни днемъ, ни ночью. Только черезъ нѣсколько дней, попривыкнешь, наконецъ, къ этому неумокаемому гаму и стону, и постояннымъ обитателямъ монастыря показалось бы, можетъ быть, очень страннымъ, еслибъ воздухъ не оглашался крикомъ этой птицы. Никѣмъ не тревожимыя и къ тому же прикармливаемыя, онѣ

до такой степени смирны и отважны, что берутъ, или скорѣе, вырываютъ изъ рукъ пищу, но въ руки не даются. Гнѣздятся онѣ на землѣ, въ монастырской оградѣ. Множество молодыхъ чаекъ или *чебаровъ*, по мѣстному говору, еще не летающихъ, сидитъ и ходитъ подъ самыми вашими ногами, когда вы идете по дорожкамъ, ведущимъ въ монастырскія церкви и кельи, но взять ихъ, или даже дотронуться до нихъ остерегайтесь: отцы и матери зорко слѣдятъ за ихъ безопасностью и страшно отмстятъ вамъ за то.

Говорятъ, птицу эту ежегодно, и уже издавна, смѣняютъ ворона, зимніе его обитатели. Прилетъ передовой чайки служитъ обыкновенно знакомъ къ удаленію воронъ. Куда отлетаютъ онѣ, положительно сказать не могу, только вмѣстѣ птицы эти въ монастырѣ не живутъ. Вотъ наступаетъ осень, и чайки начинаютъ улетать. Откуда ни возьмись, является воронъ, за нимъ другой, третій, и вскорѣ въ большомъ количествѣ, далеко, впрочемъ, не столь громадномъ, какъ чайки, птица эта становится обитателемъ монастыря на всю долгую зиму. Такъ совершается изъ года въ годъ смѣна чайки и ворона, столь же постоянная, какъ постоянна ежегодная смѣна зимы и лѣта.

Но непродолжительно лѣто на Соловецкомъ островѣ. Только къ половинѣ іюня деревья одѣваются зеленью, а во второй половинѣ августа листъ начинаетъ желтѣть и опадать. Да и можно ли назвать лѣтомъ это кратковременное лѣто, когда, при первомъ сѣверномъ вѣтрѣ, становится такъ холодно, что нужно одѣвать теплое платье

Мы испытали это на себѣ на третій день пребыванія нашего въ монастырѣ. Небо ясно, солнце свѣтитъ ярко, но воздухъ холоденъ, какъ въ послѣднихъ числахъ сентября. Еще въ половинѣ этого мѣсяца начинаютъ перепадать снѣга, а въ октябрѣ уже устанавливается зима, продолжительная, суровая зима, захватывающая собою и часть мая мѣсяца, такъ какъ въ это время носятся еще иногда вокругъ острова морскіе льды. Зимою бушуютъ здѣсь страшныя вьюги. Поднимутся онѣ на цѣлыя недѣли и нанесутъ тогда такіе сугробы снѣга, что скроются въ нихъ почти совсѣмъ высокія монастырскія стѣны, и нѣтъ тогда для монастыря ни входа, ни выхода. Въ самой оградѣ, дорожки, ведущія изъ келій въ церкви и другія монастырскія зданія, обращаются въ коридоры съ снѣжными стѣнами сажени въ двѣ и болѣе вышиною. Можете судить по этому о количествѣ снѣга, выпадающаго за-зиму. Только одно весеннее солнце, почти не сходящее съ неба, въ состояніи растопить и согнать въ море эти страшныя массы за-зиму накопившагося снѣга.

На обратномъ пути сильный штормъ захватилъ насъ на полдорогѣ. Расходившійся взводень игралъ небольшимъ пароходомъ нашимъ, какъ мячикомъ, а огромныя волны, одна за другою взбѣгая на палубу, подняли на ноги спавшихъ богомолокъ. Начались обычныя молитвенныя причитанія, у иныхъ съ плачемъ, хотя опасности особенной не предстояло. Большая часть молилась св. Николаю. Глядя на нихъ, вспомнилъ я разсказъ объ одной богомолкѣ, ходившей въ Соловки и въ силь-

ную бурю молившей о спасеніи св. Николая. „Батюшка ты, кормилецъ мой, спаси ты меня грѣшную, окаянную. Во(тъ), какую свѣщу (и при этомъ указала она на мачту) поставлю тебѣ за то!“ Товарка ея, ходившая вмѣстѣ съ нею, заслышавъ о такомъ *обѣтѣ*, сочла за нужное замѣтить ей, что такихъ свѣщей не бываетъ. „Молчи ты!“ отвѣчала ей та шопотомъ, опасаясь, чтобъ Святой не услыхалъ ее; „вѣдь я *не взаболь*“ [1]).

[1]) *Не взаболь* — не на самомъ дѣлѣ.

СУМСКІЙ ПОСАДЪ.

Переѣздъ изъ Соловецкаго монастыря въ Сумскій посадъ. — Внѣшній видъ посада. — Бытъ сумскаго мѣщанина-судохозяина. — Отношенія его къ работнику. — Бѣломорская треска. — Кярчь и навага. — Охота на журавлей.

Въ 185* году Соловецкій монастырь не имѣлъ еще пароходовъ и перевозилъ богомольцевъ на *лодьяхъ*. Трехсотверстный переѣздъ по морю въ такихъ судахъ обыкновенно сопряженъ былъ съ большими неудобствами. Я испыталъ это на себѣ, а потому, не желая подвергаться имъ вторично, предпочелъ ѣхать обратно въ Архангельскъ сухимъ путемъ, черезъ г. Онегу, не смотря на то, что мнѣ и предстоялъ переѣздъ моремъ во сто верстъ въ небольшомъ, сравнительно съ лодьею, карбасѣ. Тутъ не могло быть, по крайней мѣрѣ, той невыносимо скучной стоянки, которая длилась, за противнымъ вѣтромъ, цѣлые сутки, и обрекала меня на безвыходное лежаніе въ тѣсной, душной каютѣ. Упорный вѣтеръ съ моря продуетъ, случалось, двои и трои сутки. А то послѣ *противной* [1]) настанетъ,

[1]) *Противная* — противный вѣтеръ.

бывало, тишь, и лодья стоитъ опять на одномъ мѣстѣ. Тогда можно выйти хотя на палубу и по цѣлымъ часамъ смотрѣть на морскаго звѣря. Вотъ тюлени, окруживъ лодью, выставляютъ изъ воды свои черныя головы, а тамъ, поотдаль, морская корова, *бѣлуха*, какъ ее называютъ *Поморы* [1]), выброситъ изъ себя фонтаномъ воду, блеснетъ на гладкой какъ зеркало поверхности моря своею бѣлою спиною и вдругъ исчезнетъ.

Рано утромъ сѣлъ я въ большой карбасъ, вмѣщающій въ себѣ до тридцати человѣкъ, вмѣстѣ съ другими богомольцами, ходившими въ Соловки изъ Петербурга, черезъ Олонецъ и Повѣнецъ, и возвращавшимися тѣмъ же путемъ обратно. Намъ предстоялъ переѣздъ по морю верстъ въ восемьдесятъ по прямому направленію отъ Соловецкаго монастыря до Сумскаго посада, *голомянно*, т. е. открытымъ мѣстомъ. Можно было ѣхать и *салмами*, отъ острова до острова, черезъ *Кузова* [1]), на Кемь. Переѣздъ здѣсь всего въ шестьдесятъ верстъ, но отъ Кеми до Сумы приходилось ѣхать опять моремъ, вдоль береговъ, верстъ восемьдесятъ, а потому я предпочелъ прямой путь на посадъ.

---

[1]) *Поморами* называются жители прибрежнаго края Архангельской губерніи въ уѣздахъ: бывшемъ Кольскомъ, Кемскомъ, Мезенскомъ и посадѣ Сумскомъ. Всѣ они, какъ купцы, такъ и крестьяне, пользуются одинаковымъ правомъ на собственныхъ судахъ вывозить безпошлинно хлѣбъ изъ Архангельска и привозить къ нему соленую рыбу (треску, палтасину) норвежскаго и собственнаго улова.

[1]) Такъ называются острова, изъ группы острововъ Соловецкихъ, лежащіе на западъ отъ самаго большаго изъ нихъ — Соловецкаго.

Быстро понеслись мы къ противоположному берегу материка, увлекаемые морскимъ приливомъ, и семь часовъ спустя, входили уже въ устье рѣки Сумы. Сумскій посадъ, подобно другимъ посадамъ (Ненокотскому и Унскому), селамъ и деревнямъ Бѣломорскаго прибрежья, стоитъ при рѣкѣ, такой же порожистой, какъ и всѣ рѣки Кемскаго уѣзда, въ трехъ верстахъ отъ моря. Западный берегъ Бѣлаго моря очень богатъ бухтами, удобными для стоянки морскихъ судовъ, а между тѣмъ селенія Бѣломорскаго края бо́льшею частью расположены по берегамъ рѣкъ, отступая отъ морскаго берега на нѣсколько верстъ въ глубь материка, должно быть потому, что здѣсь населеніе ихъ могло располагать, въ случаѣ нападенія со стороны моря, бо́льшими средствами къ оборонѣ.

Нигдѣ по всему Бѣломорскому прибрежью не встрѣчалъ я ни города, ни посада, въ которыхъ сохранился бы такъ хорошо древній, до-петровскаго времени стиль построекъ, какъ въ посадѣ Сумскомъ. Его деревянныя церкви, почернѣвшія отъ времени, съ высокими конусообразными крышами и чешуйчатыми главами, обнесены бревенчатыми стѣнами, съ башенками, въ которыхъ видны еще бойницы. Мѣстами встрѣчаются большіе, высокіе дома старинной постройки, съ *вышками* [1]), узорчатыми коньками, рѣзными крыльцами и росписными ставнями. Все это, взятое вмѣстѣ, характеризуя внѣшній видъ посада, напоминаетъ XVII вѣкъ.

---

[1]) *Вышка* — мезонинъ.

Сумскій посадъ расположенъ по обѣ стороны рѣки Сумы, узкой, но глубокой на столько, что въ берегахъ ея могутъ стоять лодьи, поднимающія до десяти тысячъ пудовъ груза. Деревянная набережная, отвѣснымъ срубомъ опускающаяся въ воду, придаетъ рѣкѣ видъ канала. Такой набережной я не встрѣчалъ нигдѣ по всему Поморью, и она-то въ особенности придаетъ своеобразный видъ посаду, издревле называвшемуся *городкомъ* [1]). Здѣсь, какъ въ Кеми и во всѣхъ почти приморскихъ селеніяхъ, неумолчно шумитъ порогъ, падающій, съ высоты сажени, почти противъ самаго посада. Надъ порогомъ мостъ, а за нимъ, ниже по теченію рѣки, стоятъ шкуны и лодьи. Здѣсь же и мѣсто ихъ зимней стоянки.

Населеніе Сумскаго посада живетъ исключительно морскими промыслами. Оно, какъ и вездѣ по всему Бѣломорскому краю, раздѣляется на богатыхъ и бѣдныхъ, на судохозяевъ и работниковъ. Отношеніе богатаго класса къ бѣдному, какъ и вообще на всемъ Поморьѣ, чрезвычайно ненормально. Не знаю, какъ въ настоящее время, а въ прежніе годы сплошь и рядомъ случалось, что бѣдный мѣщанинъ или крестьянинъ, занявъ у богатаго судохозяина триста рублей для уплаты рекрутской квитанціи, шелъ къ нему въ услуженіе, отбывая занятыя деньги работою. Судохозяева раскладывали обыкновенно эти триста рублей на очень продолжительные сроки, лѣтъ на пятнадцать и

[1]) Сумскій посадъ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ отданъ былъ Соловецкому монастырю.

болѣе, заключая съ работниками контракты, свидѣтельствовавшіеся въ мѣстныхъ волостныхъ правленіяхъ. Закабалившій себя такимъ образомъ крестьянинъ обязывался еще сверхъ того забирать (и конечно, въ долгъ, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ) муку и другіе съѣстные припасы, а также одежду и обувь у своего хозяина [1]), который не опускалъ случая продать товаръ свой втридорога, чрезъ что увеличивалась сумма долга, а вмѣстѣ съ тѣмъ продолжался и безъ того уже продолжительный срокъ обязательной работы должника. Случалось, что иной крестьянинъ отбывалъ долгъ свой тяжелою вообще работою на морскихъ промыслахъ до полнаго истощенія силъ, и тогда судохозяинъ отпускалъ его, не выждавъ окончательной уплаты долга, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отказывалъ ему въ кредитѣ. Въ послѣднее время Архангельская Палата Государственныхъ Имуществъ обратила серьезное вниманіе на такую эксплуатацію, ставящую бѣднаго Помора въ безвыходное положеніе должника, воспретивъ свидѣтельствованіе контрактовъ въ волостныхъ правленіяхъ, но къ какимъ результатамъ повела эта мѣра, за неимѣніемъ подъ рукою точныхъ свѣдѣній, положительно сказать не могу. Трудно надѣяться, впрочемъ, чтобъ эта административная мѣра могла положить конецъ этой, своего рода крѣпостной зависимости крестьянина отъ судохозяина, тѣмъ бо-

[1]) У многихъ изъ богатыхъ Поморовъ есть на дому лавки, въ которыхъ производится розничная продажа товаровъ, преимущественно красныхъ, закупаемыхъ ими въ Норвегіи и въ Архангельскѣ. Вывѣсокъ такія лавки не имѣютъ.

лѣе, что контракты, заключаемые ими, имѣютъ характеръ добровольной сдѣлки, издавна вошедшей въ обычай.

Большой, значительно населенный Сумскій посадъ въ лѣтнюю пору очень малолюденъ. На улицахъ встрѣтишь только женщинъ да дѣтей. Почти все взрослое мужское населеніе, какъ и во всѣхъ приморскихъ селахъ, уходитъ и уѣзжаетъ на промыслы; остаются дома одни только дряхлые старики. Знакомаго мнѣ мѣщанина, богатаго судохозяина, у котораго я останавливался обыкновенно, не было дома. Онъ *ушелъ*, какъ объявила мнѣ его хозяйка, въ *Норвегу*. Нѣкоторыя изъ богатыхъ Поморовъ ведутъ значительную торговлю хлѣбомъ, пенькой и другими товарами, которые закупаютъ въ Архангельскѣ и везутъ на шкунахъ своихъ въ сѣверныя норвежскія гавани. Здѣсь, преимущественно въ *Вардвѣ* [1]), вымѣниваютъ они, съ большою для себя выгодою, привезенный хлѣбъ и др. товары на треску, палтасину и соль, которыя отправляютъ на продажу къ Архангельску. Въ настоящее время едва ли не половина всего количества трески и палтасины, подвозимой къ Архангельску,—норвежскаго улова. Поморскіе судохозяева находятъ для себя гораздо выгоднѣе вымѣнивать эту рыбу на хлѣбъ, чѣмъ самимъ заниматься ея промысломъ.

Сумскій мѣщанинъ судохозяинъ, владѣющій значительнымъ капиталомъ, живетъ еще по старинѣ, мало чѣмъ отличаясь въ своемъ домашнемъ быту отъ крестьянина.

---

[1]) *Вардвъ* — измѣненный Вардегузъ.

Большой двухэтажной домъ его раздѣляется на двѣ половины: нижнюю и верхнюю. *Внизу* живетъ онъ постоянно; обстановка здѣсь таже, что и въ крестьянской избѣ. *Верхъ* отдѣланъ по-городски; тутъ стѣны оклеены шпалерами, полъ выкрашенъ подъ паркетъ, мебель краснаго дерева, зеркала. Здѣсь хозяинъ принимаетъ гостей. Угощеніе соотвѣтствуетъ обстановкѣ. Чай и кофе, иностранныя вина и ликеры, конфекты и сигары, все это заразъ предлагается гостепріимнымъ хозяиномъ и находится въ домѣ его въ изобиліи [1]). Такихъ домовъ и съ такою обстановкою найдете вы не мало по Поморью, не только по городамъ и посадамъ, но и по селеніямъ, изъ коихъ многія не уступятъ въ этомъ отношеніи городамъ.

Сумскій посадъ доставляетъ ежегодно къ Архангельскому рынку десятки тысячъ пудовъ трески, а потому, казалось бы, рыба эта должна была составлять главный предметъ потребленія посадскихъ жителей, а между тѣмъ, къ удивленію моему, я встрѣчалъ ее рѣдко у кого изъ зажиточныхъ даже мѣщанъ. И это не покажется удивительнымъ, когда узнаешь, что вся почти крупная треска, вылавливаемая на Мурманскомъ берегу и вывозимая изъ Норвегіи, идетъ въ Архангельскъ. На долю жителей посада, какъ и вездѣ почти по Поморью, остается мелкая бѣломорская треска, извѣстная подъ названіемъ *пикшуя* и *сайды*, которая вкусомъ своимъ далеко уступаетъ трескѣ, вылавливаемой въ Океанѣ. Я не разъ ловилъ ее во

[1]) Все это вывозится изъ Норвегіи.

время пребыванія моего въ посадѣ. Она заходитъ въ рѣку, не пропикая, впрочемъ, далѣе порога, и жадно хватается за наживку. Гораздо интереснѣе ея другая рыба, одной съ нею величины, извѣстная подъ мѣстнымъ названіемъ *кярчи* (Cottus gobio). Чрезвычайно уродливой формы, вся ушедшая въ голову, рыба эта дотого хищна и прожорлива, что хватается за всякій предметъ, опущенный въ воду, не говоря уже о наживкѣ. Достаточно опустить въ воду конецъ удилища, и она тотчасъ же жадно хватается за него зубами. Рыбы этой не ѣдятъ. Водится она по всему Поморью въ огромномъ количествѣ и идетъ въ кормъ скоту. Поморская корова, за недостаткомъ сѣна, ѣстъ рыбу (кормятъ ее и сельдями съ примѣсью къ нимъ мху), а потому молоко ея отзывается чрезвычайно непріятнымъ для непривычнаго человѣка рыбнымъ запахомъ.

Кярчь напоминаетъ другую рыбу — *навагу* (Gadus nawaga), не уступающую ей въ жадности и глупости. Разъ, въ зимнюю пору, проѣздомъ по Кемскому берегу, не припомню уже противъ какого села, видѣлъ я, какъ ловили эту рыбу. Уловъ ея дотого простъ и незамысловатъ, что его предоставляютъ ребятишкамъ. Сидятъ себѣ ребятка, каждый у своей прорубки, и вытаскиваютъ изъ нея навагу за навагой. Крючокъ не употребляется. Стоитъ только опустить въ воду веревочку, съ привязаннымъ къ ней кускомъ той же наваги или селедки, и рыба выловлена. Случается не рѣдко, что одна навага хватается за хвостъ другой. Такъ можно, въ извѣстное, впрочемъ,

время улова, натаскать ее въ день до тысячи штукъ. И дешева же за то эта рыба. Вылавливаемую и складываемую на льду въ большія кучи навагу продаютъ тутъ же на мѣстѣ возами за баснословно дешевую цѣну.

Бѣломорская навага гораздо крупнѣе такъ называемой *устьянки*, т. е. наваги, вылавливаемой въ устьяхъ С. Двины (ее ловятъ сѣтями), но далеко уступаетъ ей во вкусѣ; мясо ея несравненно грубѣе. Впрочемъ, свѣжая, только что выловленная, она гораздо вкуснѣе замороженной, какою обыкновенно поступаетъ въ продажу.

Дорога отъ посада къ морю опускается пологимъ, мало замѣтнымъ склономъ, также какъ и въ извѣстномъ уже читателю посадѣ Ненокотскомъ, только полей здѣсь уже не увидишь, да и почва земли вездѣ каменистая. По сторонамъ небольшіе лѣса, мѣстами болота. Одно изъ нихъ оставило по себѣ воспоминаніе охотою на журавлей. Разъ приходитъ ко мнѣ одинъ отставной солдатъ, неутомимый охотникъ, не смотря на то, что ему шелъ уже шестой десятокъ. Я зналъ его еще въ Кеми, гдѣ не разъ охотился съ нимъ на куропатокъ. Въ лётъ онъ не стрѣлялъ, но за то по сидячей птицѣ никогда не давалъ промаха. Нужно было удивляться зоркости его старыхъ глазъ. Идешь, бывало, съ нимъ по лѣсу. „Стрѣляйте!“ говоритъ; „вонъ *куропать* сидитъ“. Но какъ ни всматриваешься, а куроптя не замѣтишь, и стрѣляешь, къ великой досадѣ старика, когда птица поднимется. Ужасно ему не нравилось, когда кто либо стрѣлялъ въ лётъ. „Вотъ вы и птицы-то, какъ есть, не замѣтите“, ворчалъ онъ въ та-

кихъ случаяхъ, „а я такъ глазъ у ней вижу“. И ему можну было въ томъ повѣрить.

Оказалось, что онъ проживалъ въ Сумахъ временно, но успѣлъ уже узнать окрестные лѣса и болота, какъ свои пять пальцевъ. На одномъ изъ болотъ, въ двухъ, или въ трехъ верстахъ отъ дороги, ведущей къ морю, видѣлъ онъ журавлей. Приходимъ къ этому болоту. Смотримъ, журавли, небольшею стаею, дѣйствительно, расхаживаютъ по немъ, ни мало, повидимому, не обращая на насъ вниманія. Августъ стоялъ въ половинѣ, а здѣсь объ эту пору журавли собираются уже въ стаи и готовятся къ отлёту. Но едва только вступили мы на тонкое болото, какъ они стали отдаляться, держась отъ насъ въ разстояніи, на которомъ были безопасны отъ выстрѣла. Это ихъ обыкновенный маневръ, котораго я не замѣчалъ ни за какою другою птицею, и такъ отступаютъ они до послѣдней возможности, поднимаясь въ такомъ только случаѣ, когда увидятъ, что охотникъ начнетъ быстро наступать на нихъ. Старикъ мой зналъ это, и, видя передъ собой обширное, открытое болото, тотчасъ же вернулся назадъ. Было у него на примѣтѣ другое, и тамъ-то надѣялся онъ захватить журавлей въ расплохъ. Полчаса спустя, или мы съ нимъ небольшимъ перелѣскомъ, за которымъ, по словамъ его, тотчасъ же начиналось это болото, небольшое, круглое, но очень тонкое. Вотъ не далеко уже и до опушки. Не находя интереса въ журавлиной охотѣ, я остановился въ выжидающемъ положеніи. Старикъ сталъ осторожно пробираться впередъ, и, нечего сказать, мастеръ онъ былъ боль-

шой на это дѣло: идетъ, а гдѣ и проползетъ такъ, что не треснетъ, не хрустнетъ у него ничего подъ ногой. Нѣсколько минутъ спустя, слышу, раздается выстрѣлъ, и выхожу на опушку. Журавли поднимались надъ болотомъ, а охотникъ мой, съ своею одностволкою въ рукахъ, отважно шагалъ по землѣ, мѣстами проваливаясь по колѣно. Передъ нимъ, въ небольшомъ разстояніи, бѣжалъ раненый журавль, съ каждою минутою видимо замедляя бѣгъ. Вотъ онъ уже въ рукахъ у охотника, но еще сильно бьетъ крыльями, вырывается и снова бѣжитъ впередъ. Увлекшись преслѣдованіемъ раненой птицы, рьяный охотникъ не замѣчалъ, что болото, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, становилось все топче и топче: по временамъ онъ осѣдалъ по поясъ. Не смотря на то, онъ все-жъ таки поймалъ журавля и сталъ выбираться на противоположную сторону. Только смотрю, старикъ мой вдругъ останавливается, точно обороняясь отъ схваченнаго журавля, дѣлаетъ за тѣмъ нѣсколько шаговъ впередъ и снова останавливается. По движеніямъ его и наконецъ по крику я могъ судить, что съ нимъ приключилось что-то недоброе, но что такое, за отдаленностью видѣть не могъ. Когда же, обогнувъ болото, прибѣжалъ я на противоположную сторону, Боже, въ какомъ жалкомъ положеніи нашелъ я моего стараго охотника! Обезсиленный, по горло испачканный болотною тиною, лежалъ онъ на землѣ, тщетно стараясь освободиться отъ журавля, схватившаго его своимъ длиннымъ острымъ клювомъ за нижнюю губу. Нужно было употребить немалое усиліе, чтобы высвободить ее изъ крѣпко стиснутаго

журавлинаго клюва. Никогда бы не повѣрилъ я, чтобъ тяжело раненая птица эта могла такъ храбро обороняться отъ человѣка, еслибъ это не случилось на моихъ глазахъ. Журавль былъ изъ молодыхъ, и старикъ, нѣсколько дней потомъ ходившій съ сильно распухшею губою, потребовавшею серьезной медицинской помощи, утѣшалъ себя тѣмъ, что могъ съѣсть своего мучителя.

Такъ окончилась охота наша на *журавлей* (Grus cinerea), хотя охоты собственно на нихъ быть не можетъ, такъ какъ мясо журавлиное жестко и невкусно. Еще молодой журавль сносенъ, но и то для неразборчиваго вкуса. Кромѣ же, птица эта очень осторожна; необходимо подползать къ нимъ, какъ къ дикимъ гусямъ, и не рѣдко по болоту. Но если случится вамъ стрѣлять по журавлю и раненить его, будьте осторожны: не беритесь за него, не добивши. Разъ одинъ крестьянинъ (онъ же самъ и разсказывалъ мнѣ о томъ), выстрѣливъ по журавлю, перешибъ ему крыло. Подбѣжавъ къ нему, схватилъ онъ его за шею, но получилъ такой сильный ударъ въ переносицу (раненый журавль, также какъ лебедь и гусь, бьетъ крыльями), что упалъ безъ чувствъ, обливаясь кровью. И неосторожный охотникъ былъ еще радъ, что такъ счастливо отдѣлался: журавль легко могъ выбить ему глаза.

КЕМСКІЕ ПОРОГИ.

Г. Кемь.—Его мѣстоположеніе.—Рѣка Кемь подъ городомъ.—Общій характеръ рѣкъ Кемскаго уѣзда.—Охота на тетеревовъ.—Воронница.—Пудожинскій порогъ.—Ловля семги въ заборахъ.—Заборъ и его устройство.—Птица-рыболовъ.—Утка, гнѣздящаяся въ дуплахъ.—Достопримѣчательности г. Кеми.

Весну и лѣто 185* года провелъ я въ Кеми, лучшемъ, и по обширности населенія, и по достаточности жителей, уѣздномъ городѣ Архангельской губерніи. Чрезвычайно своеобразное мѣстоположеніе рѣзко отличаетъ его отъ другихъ уѣздныхъ городовъ губерніи, скоро сглаживающихся въ памяти по своему однообразію. Достаточно провести въ немъ нѣсколько дней, и онъ навсегда оставитъ по себѣ самое живое воспоминаніе. И въ городѣ, и въ окрестностяхъ его, всюду каменистая, или правильнѣе, каменная почва. Весь городъ построенъ на сплошномъ гранитѣ, отличномъ натуральномъ фундаментѣ.

Г. Кемь стоитъ въ 10-ти верстахъ отъ моря, при рѣкѣ того же наименованія, берущей свое начало изъ озера *Кеми*, самой большей изъ всѣхъ рѣкъ Кемскаго уѣзда,

за исключеніемъ Туломы и Поноя. Подъ самымъ городомъ, принимаетъ она въ себя, или скорѣе, въ образуемый ею довольно обширный бассейнъ, въ которомъ вода стоитъ какъ въ каменной чашѣ, небольшую рѣчку, въ лѣтнюю пору мѣстами почти совсѣмъ пересыхающую. Не помню уже, какъ она называется, да, правда, и трудно запомнить названія многочисленныхъ рѣчекъ Кемскаго уѣзда, въ разныхъ мѣстностяхъ носящихъ различныя наименованія. Быстро текутъ онѣ по каменному ложу, то вливаясь въ встрѣчающіяся на пути озера, то пробираясь стремительными потоками межъ громадными гранитными глыбами, перебрасываются каскадами по порогамъ и мѣстами образуютъ довольно значительные водопады.

Неумолкаемый шумъ стоитъ въ городѣ отъ порога, съ котораго рѣка Кемь низвергается въ упомянутый выше бассейнъ. Только во время морскаго прилива ослабѣваетъ онъ, когда вода наполнитъ бассейнъ до самыхъ краевъ; съ отливомъ обнажаются камни въ порогѣ, и снова шумъ несется на весь городъ. Изъ бассейна вода изливается въ море широкимъ русломъ, по каменистому ложу, на протяженіи десяти верстъ; русло это очень глубоко и течетъ въ высокихъ каменныхъ берегахъ, такъ что кемскія шкуны и лодьи, довольно глубоко сидящія въ водѣ, стоятъ у самаго берега. Здѣсь и мѣсто ихъ зимней стоянки.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца, когда снѣгъ почти совсѣмъ уже стаялъ и рѣки вскрылись ото льда [1]),

[1]) Въ Кемскомъ уѣздѣ, въ особенности въ окрестностяхъ Кеми,

отправился я съ однимъ изъ кемскихъ старожиловъ на тетеревовъ. *Тетеревъ* или *косачъ* (Tetrao tetrix), какъ его называютъ повсемѣстно въ Архангельской губерніи, въ громадномъ количествѣ показался тою весною въ окрестныхъ лѣсахъ. Выдаются года, когда птица эта огромными стаями, штукъ во сто и болѣе, вылетаетъ изъ глухихъ лѣсовъ, *шалогъ*, и прикочевываетъ къ мелколѣсіямъ, большею частью по близости заселенныхъ мѣстъ. Случается, что въ такіе года тетерева залетаютъ въ самые города [1]). Бываютъ такіе перелеты или передвиженія тетеревовъ и по осенямъ. Что заставляетъ ихъ на это время выселяться изъ глухихъ лѣсовъ, положительно сказать не могу, только замѣчено, что передвиженія эти совершаются періодически въ тѣ года, когда зимы бываютъ чрезвычайно суровы и притомъ очень снѣжны.

Начинало только что разсвѣтать, когда мы по мосту, перекинутому черезъ бассейнъ, перешли изъ одной части города въ другую и, скоро оставивъ ее за собой, взобрались на первый встрѣтившійся на пути камень. Мѣстность, открывшаяся передъ нами, была сплошь усѣяна камнями, изъ которыхъ иные были громадной величины. То сдви-

не смотря на то, что онъ лежитъ сѣвернѣе другихъ уѣздовъ Архангельской губерніи, снѣгъ таетъ ранѣе и быстрѣе, чѣмъ напр. въ Архангельскомъ, причиною чему, конечно, служитъ каменистая его почва.

[1]) Весною 1860 года напр. показались они въ Архангельскомъ Общественномъ Саду, и часто можно было видѣть, какъ большими стаями перелетали они съ мѣста на мѣсто, разсаживаясь по крышамъ домовъ.

гаясь, то разступаясь, громоздились другъ на друга эти гранитныя массы, покрытыя зеленымъ мхомъ, точно бархатными подушками; кой-гдѣ. мѣстами, поросли онѣ можжевельникомъ и мелкою сосною. Казалось, чья-то гигантская рука разметала ихъ здѣсь по землѣ, раздробивъ первобытныя горы. Мѣстами, почва, какъ бы не выдерживая лежащей на ней тяжести, дала широкія трещины, носящія на языкѣ мѣстныхъ жителей характеристическое названіе *щелья*. То переступая, то перескакивая, направились мы по этимъ камнямъ къ ближайшему лѣсу, откуда въ утренней тишинѣ, не смотря на гулъ отставшагося назади порога, доносилось до насъ кудахтанье тетеревовъ. Отъ занявшейся яркой утренней зари стало уже настолько свѣтло, что можно было на вершинахъ елей разсмотрѣть темныя ихъ фигуры. Тетеревъ взбирается всегда на вершину дерева: взлетая съ земли, онъ не садится на средніе вѣтви, въ совершенную противоположность рябчику, всегда прячущемуся въ густыхъ вѣтвяхъ ели.

Вотъ вошли мы въ лѣсную опушку. Почва и здѣсь каменистая, только поросла она болѣе толстымъ слоемъ мху. Удивительно, какъ могутъ стоять на ней ель и сосна, правда, далеко не такой высоты и объема, какихъ достигаютъ эти деревья въ лѣсахъ Архангельскаго и другихъ, южнѣе лежащихъ уѣздовъ, тѣмъ не менѣе. не на столь малорослыя, чтобъ держаться на такой жидкой почвѣ. Углубляясь корнями своими въ ращелины скалъ, стоятъ онѣ хотя и не прямо, но твердо, выдерживая напоръ сильныхъ

вѣтровъ. Здѣсь, какъ и вездѣ по западнымъ прибрежьямъ Бѣлаго моря, лѣсъ становится выше и гуще по мѣрѣ удаленія отъ береговъ: такъ гибельно дѣйствуетъ на него суровый и лѣтомъ даже холодный сѣверовосточный вѣтеръ. Мнѣ случалось видѣть вблизи береговъ деревья, вовсе не имѣвшія вѣтвей на сторонѣ, обращенной къ морю.

Медленно и осторожно стали мы подвигаться впередъ по мягкому мху, скрываясь, по временамъ, за деревьями, и подошли, наконецъ, къ тетеревамъ на ружейный выстрѣлъ. Прямо, не скрываясь, можете вы подходить къ нимъ, когда они заняты своимъ кудахтаньемъ: тогда они не замѣтятъ вашего приближенія. Охотники говорятъ, что въ это время они закрываютъ глаза. Но прячтесь тотчасъ же за дерево, какъ только они перестаютъ бормотать; до-статочно, чтобъ одинъ изъ нихъ увидѣлъ васъ: тогда онъ вспорхнетъ, а за нимъ поднимется и вся стая. Вытянувъ шеи и распустивъ веромъ свои красивые лирообразные хвосты, сидѣли тетерева на вершинахъ елей, издавая глухіе, однообразно-переливавшіеся звуки. Ярко-красные глазные вѣки рѣзко выдѣлялись на ихъ черныхъ лоснившихся головахъ. Рука не поднималась на красивую птицу: засмотрѣвшись, я медлилъ выстрѣломъ. Но товарищъ мой не терялъ времени. Казалось, ударилъ одинъ только пистонъ: такъ слабъ былъ его выстрѣлъ. Но несмотря на то, одинъ изъ тетеревовъ тотчасъ же упалъ съ дерева. Къ удивленію, остальные, нисколько не встревожась выстрѣломъ, спокойно оставались на своихъ мѣстахъ; нѣсколько новыхъ тетеревовъ, поднявшись съ земли, присо-

единилось къ сидѣвшимъ на деревьяхъ. Дѣло въ томъ, что у насъ были мелкокалиберныя винтовки, какими крестьяне Архангельской губерніи бьютъ лѣсную птицу и бѣлокъ: онѣ требуютъ очень малаго заряда, а потому и не даютъ громкаго выстрѣла. Такимъ образомъ сняли мы съ дерева еще двухъ или трехъ тетеревовъ, и тутъ-то убѣдился я въ возможности слышанныхъ мною разсказовъ о томъ, какъ иной охотникъ, не сходя съ мѣста, перебьетъ цѣлую стаю. Не нужно только, говорятъ, стрѣлять по верхнимъ, иначе своимъ паденіемъ они встревожатъ сидящихъ ниже, и стая тогда улетитъ. Только намъ не удалось сдѣлать этого. Вскорѣ одинъ изъ тетеревовъ, замѣтивъ насъ, вспорхнулъ, а за нимъ, по обыкновенію, послѣдовала и вся стая. Перелетъ сдѣлала она, впрочемъ, небольшой, и по крику легко можно было бы отыскать ее, но надобности въ томъ не предстояло, такъ какъ по близости видѣли другую стаю. Здѣсь, въ числѣ убитыхъ нами тетеревовъ, оказалась тетеревиная самка, *тараклуша*, какъ называютъ ее въ Архангельскомъ уѣздѣ. Въ скромномъ сѣровато-коричневомъ опереніи, она гораздо меньше самца и сравнительно съ нимъ встрѣчается гораздо рѣже. Но уступая ему въ величинѣ, она превосходитъ его вкусомъ и нѣжностью своего мяса.

Крестьяне Кемскаго уѣзда, занятые морскими промыслами, очень мало стрѣляютъ лѣсной птицы. Вотъ почему тетерева (я не говорю уже о рябчикахъ и куропаткахъ) далеко не такъ *сторожки*, какъ въ другихъ уѣздахъ Архангельской губерніи, гдѣ истребляютъ ихъ въ огром-

номъ количествѣ. Есть у тетеревовъ, какъ и у другой лѣсной птицы, не мало враговъ и кромѣ человѣка. Это лисицы, куницы, ласки и горностаи. Въ особенности опасны онѣ для нихъ въ зимнюю пору. Тетеревъ, подобно рябчику и куропаткѣ, на ночь зарывается въ снѣгъ, а тутъ-то и ловитъ его хитрый звѣрь, подкравшись къ нему втихомолку. Говорятъ, что тетеревъ далеко не отличается тою сметливостью, какая замѣчается въ другой лѣсной птицѣ, напр. въ куропаткѣ и рябчикѣ; отчасти это справедливо, но и онъ находитъ средства къ предохраненію себя отъ врага. Мнѣ не разъ случалось видѣть въ снѣгу мѣста, насиженныя тетеревомъ для ночлега; въ нихъ находилъ я особый ходъ, ведущій къ другому отверстію, которое, безъ всякаго сомнѣнія, устраивается птицею для того, чтобъ спастись отъ внезапнаго нападенія лисицы или другаго какого либо ночнаго хищника.

Солнце всходило уже, когда выбрались мы изъ лѣсу. Невдалекѣ протекала упомянутая выше рѣчка, шумя множествомъ незначительныхъ пороговъ. Мы подошли къ берегу и сѣли на одномъ изъ камней, гладкая поверхность котораго, покрытая мхомъ, такъ и манила къ себѣ на отдыхъ. По ярко-зеленому фону ея ползучая *ворони-ца* [1]) (Empetrum nigrum), миніатюрный кустарничекъ изъ семейства *Водянищевыхъ* (Empetreae) выведетъ къ лѣту цвѣтами своими розовые узоры. Растеніе это одно изъ самыхъ характеристическихъ во флорѣ Кемскаго

[1]) *Ссиха*, по мѣстному говору.

уѣзда. Покрывая собою каменистую почву его на огромныя пространства, оно заглушаетъ всякую другую растительность. Воронica даетъ ягоду очень мелкую, чернаго цвѣта; ягода эта водяниста, но пріятна на вкусъ. Въ Архангельскомъ и другихъ, южнѣе лежащихъ уѣздахъ, гдѣ ея, впрочемъ, гораздо меньше, она слаще; тамъ приготовляютъ изъ ея сока напитокъ, освѣжающій и утоляющій жажду. Собираютъ ее деревянными лопатками о многихъ пальцахъ, которыми захватываютъ ея длинныя вѣтви и обрываютъ ягоду, очень слабо на нихъ сидящую. Иначе нѣтъ возможности собирать ее: и мѣшкотно, и утомительно. Большею частью, впрочемъ, она пропадаетъ задаромъ, или служитъ пищею птицѣ.

Отдохнувъ на камнѣ, пошли мы по берегу протекавшей передъ нами рѣчки, по направленію къ кладбищу, откуда уже не далеко до города. Потокъ шумѣлъ у насъ подъ ногами, то перебрасываясь каскадами черезъ камни, то спокойно, повидимому, перебѣгая черезъ небольшіе бассейны. Лѣтомъ здѣсь онъ пересыхаетъ почти совсѣмъ, и только ручейками соединяются эти бассейны [1]). Одинъ изъ нихъ представляетъ превосходное мѣсто для купанья: сидишь, бывало, въ немъ, какъ въ каменной ваннѣ, а холодная струя воды, постоянно смѣняющаяся новою, сдѣлаетъ въ ней круговоротъ и уходитъ далѣе.

Странное впечатлѣніе производитъ кратковременное

---

[1]) Подъ самымъ городомъ, впрочемъ, онъ раздѣляется островомъ на два рукава, изъ коихъ одинъ, по ту сторону, и лѣтомъ течетъ въ довольно глубокомъ руслѣ.

затишье, производимое морскимъ приливомъ, когда онъ достигнетъ полной высоты своей: такъ привыкаешь къ постоянному шуму большаго порога, съ котораго рѣка Кемь падаетъ въ бассейнъ. Я пробылъ въ городѣ еще только нѣсколько дней, а между тѣмъ уже испыталъ это на себѣ, когда, на обратномъ пути, во время прилива, проходилъ по мосту. Камней въ порогѣ не было видно, тогда какъ съ отливомъ они обнажаются, полого опускаясь съ высоты слишкомъ въ семь футовъ. И не смотря на эту высоту, мѣстные крестьяне спускаются по порогу въ своихъ утлыхъ, узенькихъ лодочкахъ, въ которыхъ не безопасно, кажется, плавать и по спокойной, ровно текущей рѣкѣ. Смѣлость и ловкость, съ которою они управляютъ при спускѣ своими лодками, по истинѣ, изумительны. Вотъ, кажется, захлеснуло лодку пѣнистою волною, и думаешь, что выплывутъ вмѣсто нея на поверхность воды одинъ только щепки, но страхъ проходитъ, когда, черезъ минуту, увидишь ее спокойно и невредимо направляющеюся къ берегу.

Есть на рѣкѣ Кеми пороги болѣе значительные, съ крутымъ паденіемъ воды, по которымъ спуски уже рѣшительно невозможны. Ихъ обыкновенно обходятъ. Таковъ порогъ *Пудожскій*, подъ самымъ селеніемъ *Пудожемъ*, въ 18-ти верстахъ отъ Кеми. Сюда-то разъ отправились мы въ началѣ іюля мѣсяца. То по мшистымъ камнямъ, то по болотамъ, мѣстами лѣсомъ, подвигались мы впередъ, оставляя въ сторонѣ рѣку, и заслышали, наконецъ, отдаленный гулъ Пудожинскаго порога. Каза-

лось, онъ былъ еще далеко, а между тѣмъ только полуверстное разстояніе отдѣляло его отъ насъ. Скалистая мѣстность удивительно какъ скрадывала шумъ, то ослабѣвавшій, то усиливавшійся, по мѣрѣ нашего къ нему приближенія. Вотъ обогнули мы рядъ громадныхъ прибрежныхъ камней, поросшихъ тощимъ сосняком. и передъ нами неожиданно показался порогъ, падающій съ высоты пятнадцати футовъ. Вода бьетъ широкими каскадами, падая съ камня на камень и покрывая нѣною рѣку во всю ея ширину, очень, впрочемъ, незначительную. Тутъ выбила она глубокую яму, и затѣмъ спокойно течетъ на небольшой глубинѣ до новаго порога.

Въ небольшомъ разстояніи отъ порога, вверхъ по теченію рѣки, недалеко отъ селенія, устроенъ *заборъ* для ловли семги. Мы подошли къ нему какъ разъ въ то время, когда крестьяне собирались вынимать изъ воды *морды*. Заборъ, во всю ширину рѣки, устраивается изъ бревенъ, вколачиваемыхъ въ дно и выступающихъ на сажень по-надъ поверхностью воды. Въ заборѣ, въ подводной его части, оставляются отверстія, въ которыя вставляютъ упомянутыя *морды*, большія сѣтки, такого же устройства, какъ и мерёжки, только плетутся онѣ въ одинъ ярусъ и не имѣютъ крыльевъ. По-за заборомъ, на сваяхъ, лежатъ подмостки, съ которыхъ поднимаютъ и опускаютъ сѣти по блокамъ. Мы взошли на эти подмостки и видѣли, какъ крестьяне, поднявъ одну изъ мордъ, вынимали только-что попавшуюся въ нее большую семгу. Страшно билась она въ сѣткѣ, блестя на солнцѣ своею серебристою чешуею, но

ударъ по головѣ усмирилъ ее. Въ рукахъ не удержишь ее живою: такъ сильны и порывисты ея движенія. Извѣстно, что рыба эта ежегодно, раннею весною, когда рѣки еще не успѣютъ вскрыться ото льда, а также и осенью, оставляетъ море и входитъ въ рѣки, а изъ рѣкъ и въ озера, плывя вверхъ по теченію и пробираясь до самыхъ истоковъ. Изъ большихъ рѣкъ, какъ напр. изъ С. Двины, заходитъ она и въ побочныя рѣки. Перезимовавъ здѣсь, обращается она въ такъ называемую *лоховину*; красный цвѣтъ ея мяса переходитъ тогда въ блѣдно-розовый, причемъ теряетъ настоящій свой вкусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣну. Преобразившись въ *лоха*, семга становится вялою и тощею, на кожѣ у нея образуются бурыя и темныя пятна, а въ концѣ нижней челюсти вырастаетъ крюкообразная кость, прорѣзывающая и обнимающая верхнюю. Трудно повѣрить, чтобъ рыба эта могла перебираться черезъ высокіе пороги, однакожъ, это фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Преодолѣвая страшную быстрину, поднимается она по ихъ склонамъ, мѣстами довольно крутымъ, медленно, правда, но подвигаясь постоянно впередъ и впередъ. Разсказываютъ, что перепрыгиваетъ она черезъ камни, преграждающіе ей дорогу, какъ будто чуя, что впереди есть вода. Случается, что подойдя къ забору, семга прыгаетъ изъ воды, стараясь преодолѣть эту преграду, но падаетъ на подмостки, гдѣ и становится добычею рыбаковъ. Стоя на платформѣ, мы хорошо могли разсмотрѣть въ прозрачной водѣ, какъ красивая рыба подходила къ окнамъ забора, останавливалась на время, бы-

стро перебирая своими черными плавниками, какъ будто предвидя опасность, и опускалась затѣмъ на дно, отыскивая, по всей вѣроятности, прохода межъ камней, грудою наваленныхъ въ основаніи забора. Иногда цѣлую недѣлю стоитъ она у него, не рѣшаясь войти въ окно; тогда ее бьютъ острогой.

Заглянувъ въ Пудожинье, большое селеніе, промышляющее преимущественно семгою, отправились мы въ обратный путь. Миновавъ порогъ, шли мы нѣсколько верстъ по берегу рѣки. Видѣли мѣстами березу, ольху и рябину, но это карлики въ сравненіи съ тѣми же деревьями, растущими въ другихъ, южнѣе лежащихъ уѣздахъ Архангельской губерніи. Какая-то птица, величиною не менѣе галки, съ широкимъ большимъ клювомъ, обратила на себя наше вниманіе [1]). Я не видалъ ее въ другихъ уѣздахъ Архангельской губерніи. Сидитъ она на камнѣ и пристально всматривается въ воду; вотъ скрылась она подъ водой, и черезъ минуту, смотришь, опять уже сидитъ на камнѣ, въ томъ же самомъ наблюдательно-выжидающемъ положеніи. Насмотрѣвшись на этого ловкаго рыболова, мы хотѣли было повернуть въ сторону, чтобъ продолжать путь нашъ лѣсомъ, какъ замѣтили въ берегу утку, въ очень небольшомъ отъ насъ разстояніи; но не успѣли сдѣлать мы нѣсколькихъ шаговъ впередъ, какъ птица внезапно скрылась. Ни травы, ни тростнику въ берегу не было; стояло одно только дерево, у самой почти

[1]) Изъ бакановъ.

воды. Подходимъ ближе, и что же? Утка вылетѣла изъ дупла. Заглянули въ дупло: тамъ свито гнѣздо. Утка эта, слышалъ я, вытаскиваетъ изъ гнѣзда утятъ своихъ, только-что вылупившихся изъ яицъ, и опускаетъ ихъ на воду. Что заставляетъ эту породу уток вить гнѣзда въ дуплахъ деревьевъ, положительно сказать не могу; можетъ быть, отсутствіе травъ и камышей въ берегахъ, или что-либо другое, только встрѣчается она единственно по порожистымъ рѣкамъ Кемскаго и бывшаго Кольскаго уѣздовъ. Крестьяне пользуются ея способностью несть большое количество яицъ, устраивая для нея на деревьяхъ помѣщенія, и выбираютъ оттуда по нѣсколку разъ въ весну ея вкусныя яица.

Поздно вечеромъ вернулись мы въ городъ. Черезъ два, три дня нужно было мнѣ ѣхать, но я не хотѣлъ оставить Кеми, не побывавъ на маленькомъ островѣ, лежащемъ не далеко отъ порога, такъ-что стремительныя воды омываютъ его, ударяясь о берегъ. Давно уже собирался я заглянуть на этотъ островокъ, сплошной голый камень, интересуясь стоящею на немъ круглою деревянною башнею, когда-то бывшею крѣпостцою, оборонявшею городъ отъ непріятеля. Въ стѣнахъ видны амбразуры, по малому объему которыхъ слѣдуетъ предполагать, что непріятеля обстрѣливали изъ пищалей. Положеніе крѣпостцы очень выгодно: она могла обстрѣливать непріятеля со всѣхъ сторонъ, откуда бы онъ ни явился, съ моря, или съ рѣки. Я заглянулъ въ башню: одинъ голыя стѣны, больше ничего.

Видно, что наверху были когда-то платформы, но онѣ давно уже не существуютъ.

Есть еще одна достопримѣчательность (какъ видите, ихъ не много) въ городѣ. Это подворье Соловецкаго монастыря, большое, старинной архитектуры, деревянное, зеленою краскою окрашенное зданіе, которому будетъ безъ малаго полтораста лѣтъ. Деревянные дома, въ особенности церкви, стоятъ на сѣверѣ вообще очень долго. Около дома, показываютъ камень, на которомъ, какъ говоритъ преданіе, монастырскія власти чинили судъ и расправу надъ провинившимися служками и подвѣдомственными имъ крестьянами [1]).

Помнится мнѣ, Хмѣльницкій, въ своихъ „Отрывкахъ изъ поморскихъ очерковъ“, говоритъ, что въ городѣ Архангельскѣ одна только застава, и что выѣзда изъ него нѣтъ: дальше утонешь въ морѣ или завязнешь въ болотѣ. Городъ Кемь превосходитъ Архангельскъ въ этомъ отношеніи: въ лѣтнее время нѣтъ для него ни въѣзда, ни выѣзда. Я разумѣю въѣздъ и выѣздъ въ экипажѣ. Вотъ почему во время моего пребыванія въ Кеми я не видалъ ни одной лошади. Виноватъ, была одна единственная при откупной конторѣ, да и та развозила водку по кабакамъ въ саняхъ во всякое время года.

[1]) Царь Ѳедоръ Ивановичъ отдалъ Кемскую волость Соловецкаго монастыря игумену Іакову съ братіей и приказалъ крестьянъ судомъ и расправою вѣдать Соловецкаго монастыря властямъ, или кому онѣ прикажутъ. Кемская волость состояла подъ монастыремъ до 1764 г. когда она отошла подъ вѣдомство Государственной Коллегіи Экономіи.

Однажды какой-то губернаторъ, отправляясь по губерніи на ревизію (ѣхалъ онъ въ Кемь лѣтомъ, слѣдовательно, моремъ, такъ какъ другой дороги туда нѣтъ), далъ приказъ исправнику, чтобъ къ пріѣзду у пристани его ожидалъ экипажъ. Можете представить себѣ, въ какое затруднительное положеніе поставленъ былъ бѣдный городничій! Почтенный начальникъ губерніи, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, что кемскіе жители не имѣютъ надобности ни въ лошадяхъ, ни въ экипажахъ. Да и куда, въ самомъ дѣлѣ, отправившься въ экипажѣ, когда тотчасъ же за чертою города проѣздъ рѣшительно не возможенъ за грудами камней. А городъ такъ малъ, что не стоитъ и обзаводиться ни экипажами, ни лошадьми.

КОЛЬСКАЯ КОРЕЛА.

Кольская Корела.—Общій характеръ этого края.—Дорога къ Кундозерскому селенію.—Гнѣзда утки алейки.—Корельская изба.—Приключеніе въ лѣсу.—Кундозерское селеніе.—Бытъ Корельяка.—Пявозеро.—Охота на лебедей.

Въ 70-ти верстахъ отъ Кандалакской Губы или *Кандалухи*, какъ ее называютъ короче, по прямому направленію на западъ, лежитъ большое озеро *Пявозеро*, одно изъ тѣхъ многочисленныхъ озеръ, которыми усѣянъ обширный Кемскій уѣздъ въ его западныхъ и сѣверныхъ частяхъ. По прибрежьямъ этого озера живутъ Корельяки, одного происхожденія съ тѣми Корельяками, которые встрѣчаются тотчасъ же за Кемью и составляютъ значительную часть населенія Кемскаго уѣзда [1]). Я побывалъ въ этомъ, самомъ глухомъ краѣ бывшаго Кольскаго уѣзда совершенно случайно, съ однимъ чиновникомъ, объѣзжавшимъ ко-

[1]) Вся южная часть бывшаго Кольскаго уѣзда, за исключеніемъ морскихъ прибрежій, до Ковдозера включительно, заселена, хотя и очень рѣдко, этою Кольскою Корелою, называемою такъ въ отличіе отъ Корелы Кемской.

рельскія селенія по дѣламъ службы; иначе, я не рѣшился бы заглянуть въ эту корельскую глушь, не имѣя подъ руками опредѣленнаго маршрута, а потому рискуя утонуть въ болотѣ или заблудиться въ лѣсу.

Въ началѣ августа 186* года выѣхали мы изъ Ковды, русскаго селенія, стоящаго при рѣкѣ того же наименованія, по сю сторону Кандалакской Губы. Намъ предстоялъ окольный путь по корельскимъ селеніямъ верстъ въ полтораста, такъ какъ ближайшій, по прямому направленію, проселокъ, пролегающій по безлюдному лѣсу, верстъ на восемьдесятъ, доступенъ однимъ только Корелякамъ, не только лѣтомъ, но и въ зимнюю пору. Тотъ, кто пустился бы по этому прямому пути, оправдалъ бы на себѣ справедливость поговорки „прямица наведетъ на околицу“.

Но не легокъ оказался и окольный путь. Почтоваго тракта здѣсь нѣтъ. Гдѣ на лошадяхъ, гдѣ въ лодкѣ, а гдѣ и пѣшкомъ, ѣхали и шли мы отъ деревни до деревни, если можно только назвать такъ корельскія поселенія домовъ въ десять, рѣдко болѣе. Боже мой, что за глухая сторона, и что̀ за однообразіе ландшафта! Эти нескончаемые переходы по лѣсамъ и болотамъ, частые переѣзды по озерамъ, вначалѣ еще интересуютъ, и новизною самаго способа передвиженія, и своеобразнымъ, суровымъ характеромъ окружающей природы, но чѣмъ дальше забираешься въ эту лѣсную и болотную глушь, тѣмъ болѣе и болѣе чувствуешь ея подавляющее на душу дѣйствіе, и ждешь не дождешься, когда выберешься наконецъ на свѣтъ Божій. Но на свѣтъ все-таки не выберешься, потому что и

Кундозерское селеніе, которымъ заканчивался нашъ путь, стоитъ въ такой же непроходимой глуши, и далеко еще на западъ царитъ она, черезъ всю Финляндію, до самыхъ береговъ Балтійскаго моря. Случалось мнѣ бывать въ русскихъ селахъ (есть такія села и въ Архангельскомъ уѣздѣ), забравшихся въ лѣсную глушь, верстъ на сто и болѣе отъ судоходной рѣки и почтоваго тракта, и заставившихся болотами, по которымъ нѣтъ проѣзда въ лѣтнюю пору, да и переходъ не совсѣмъ легокъ. Большею частью, деревушки эти (бывшіе скиты) заселены раскольниками, а потому и не трудно понять, что̀ заставляло ихъ уходить въ лѣсную глушь и заставляться топкими болотами. Но что понудило Кольскую Корелу забраться въ эту непроходимую трущобу, вотъ вопросъ, который представляется невольно во время переѣзда по лѣсамъ и болотамъ, по которымъ разселилось Кундозерское Корельское общество. Правда, Кольскіе Кореляки почти сплошь раскольники, но они, если не уходили въ скиты, не подвергались преслѣдованіямъ. Оттѣснены ли они были сюда русскимъ населеніемъ края, или искони сидятъ здѣсь, рѣшить не берусь, за неимѣніемъ историческихъ данныхъ. Только суровая, дикая природа этого края какъ нельзя лучше гармонируетъ съ угрюмымъ, звѣровиднымъ его населеніемъ. Про него, дѣйствительно, можно сказать „дикая Корела“.

Вотъ передъ нами стоитъ лѣсъ высокою темною стѣною; черезъ него пролегаетъ дорога. Мы только-что перешли болото, когда-то бывшее озеро, давно уже заросшее и теперь настолько отвердѣвшее, что его можно перейти су-

хою ногой. Оно усыпано перезрѣвшею морошкою, принявшею уже блѣдно-оранжевый цвѣтъ. Никто не собираетъ ее здѣсь. Много такихъ сухихъ болотъ осталось за нами, не мало приходилось переходить и тонкихъ трясинъ, дотого тонкихъ, что только по бревенчатымъ кладкамъ и можно было перебраться черезъ нихъ. Поднимаемся въ лѣсную опушку и идемъ боромъ. Только-что взошедшее солнце золотитъ верхушки высокихъ елей, громадные корни которыхъ, выступившіе наружу, гнѣздятся въ разщелинахъ скалъ. Чѣмъ далѣе подвигаемся мы на западъ, тѣмъ почва становится каменистѣе. Вотъ она неожиданно обрывается передъ нами, а вмѣстѣ съ нею опускается и лѣсъ, стоящій теперь вершиною своею въ одномъ уровнѣ съ нашими ногами, а тамъ внизу клубится утренній туманъ, бѣлѣясь въ темной глубинѣ ущелья. Здѣсь должно быть озеро, но за туманомъ его не видно, и его не миновать намъ. Не долго приходится идти лѣсомъ: нужно садиться въ лодку и ѣхать верстъ пять, шесть, а можетъ быть, и десять. По тропинкѣ, межъ громадными камнями, громоздящимися другъ на друга, спускаемся къ озеру. Въ берегу, поросшемъ травой, стоитъ лодка. Какъ-то съ трудомъ вѣрится, что находишься въ дорогѣ. Кажется, что вотъ только-что вышелъ изъ деревни и ѣдешь охотиться на дикихъ утокъ. Озеро не широко и походитъ скорѣе на рѣку, чѣмъ на озеро. Безпрестанные повороты, то на право, то на лѣво, и берега, стѣною изъ темнаго лѣса, такъ близко стоятъ одинъ отъ другого. Но, между тѣмъ, это озеро. Вотъ еще, едва ли не десятый уже поворотъ, и оно „синѣя, стелется

широко". А тамъ, дальше, берега опять начинаютъ сходиться, все ближе и ближе другъ къ другу, и кажется, снова ѣдешь рѣкою.

Переѣздъ по озеру, дѣйствительно, оказался верстъ въ десять, если не болѣе. Но вотъ и конецъ ему. Выходимъ изъ лодки и опять идемъ лѣсомъ. На деревьяхъ, мѣстами, висѣли продолговатые ящики, съ круглыми отверстіями, напоминающіе извѣстныя скворешницы, которыя вывѣшиваются на длинныхъ шестахъ по деревнямъ средней полосы Россіи. Но лѣсамъ Кольской Корелы водится утка, гнѣздящаяся въ дуплахъ деревьевъ, извѣстная подъ мѣстнымъ названіемъ *алейки* (Anas rutila). Для нея-то и устраиваютъ Корелки эти будочки, выбирая изъ нихъ снесенныя ею яица, а несется она по три и по четыре раза въ лѣто. И здѣсь, слышалъ я, утка эта забираетъ въ клювъ птенцовъ своихъ, только-что вылупившихся изъ яицъ, и уноситъ ихъ на ближайшее озеро или рѣку. Я видѣлъ такую утку въ Кемскомъ уѣздѣ; гнѣздится она и тамъ также въ дуплахъ, только постоянно по берегамъ порожистыхъ рѣкъ.

Гнѣзда утки алейки, вывѣшенныя на деревьяхъ, даютъ знать, что по близости есть жилье. Для того, кто не замѣтитъ ихъ, корельская деревушка, выдвигающаяся вдругъ изъ-за лѣсу, будетъ большою неожиданностью. И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ этихъ гнѣздъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ другихъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить, что въ этой лѣсной трущобѣ живутъ люди. Но люди, между тѣмъ, все-таки живутъ въ ней, и доказа-

тельствомъ тому служитъ стоящая передъ нами деревушка. Входимъ въ первую избу, стоящую съ краю. Она высока и просторна. Первое, что бросается рѣзко въ глаза, это стѣны, на-половину почернѣвшія отъ дыму. Избы у Кореляковъ курныя, какъ и другихъ инородцевъ одного съ ними финскаго племени, Зырянъ, Мордвы и Чувашей. Поэтому-то онѣ и рубятся высоко; русскія избы, въ сравненіи съ ними, почти на-половину ниже. Въ нихъ нѣтъ того невыносимаго жара и духоты, какіе стоятъ въ русской избѣ, и лѣтомъ, и зимою, и для непривычнаго человѣка составляютъ настоящую пытку. Печь съ трубою ставитъ, конечно, русскаго крестьянина выше Корелякa въ бытовомъ отношеніи, но если бы мнѣ предложили для-жительства на выборъ избы того и другаго, я, не задумываясь, поселился бы въ курной избѣ Корелякa, уже ради того только, чтобъ дышать всегда чистымъ и умѣренно-теплымъ воздухомъ.

Но я не желалъ бы жить вмѣстѣ съ этими людьми, еще не вышедшими изъ полудикаго состоянія. Встрѣтиться съ ними въ лѣсу одному, и безъ оружія, несовсѣмъ безопасно: разомъ прихлопнутъ, и ужъ другъ друга не выдадутъ. Совершится ли въ иномъ корельскомъ селеніи преступленіе уголовнаго характера, трудно, а нерѣдко и совершенно не возможно бываетъ открыть преступника. Каждый на допросѣ будетъ говорить подъ присягою (присягѣ же Кореляки, какъ раскольники, не придаютъ никакого значенія) „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, а между тѣмъ всему селенію преступникъ извѣстенъ. У нихъ

установилась даже какая-то безобразная общественная вендетта. Разъ, въ одномъ селеніи, во время слѣдствія по дѣлу объ укрывательствѣ дезертировъ, явился въ Коммисію одинъ Корелякъ съ доносомъ. На другой же день, вечеромъ, его нашли убитымъ близъ того дома, въ которомъ помѣщалась Коммисія: доносчика подстрѣлили изъ-заугла.

Да, я не хотѣлъ бы жить съ этими людьми. Вонъ сидятъ они передо мной на широкихъ лавкахъ, идущихъ вдоль стѣнъ, какъ и въ русской избѣ. Оборванные, грязные, съ всклокоченными бородами, посматриваютъ они на меня изъ-подлобья, точно дикіе австралійцы или островитяне Тихаго океана.... И выживаютъ они такъ, перебирая пальцами, слышалъ я, по цѣлымъ часамъ, безъ всякаго дѣла, особенно въ зимнюю пору, когда и рыбы нельзя идти ловить на сосѣднее озеро. Разъ, одинъ губернаторъ задумалъ дать дѣло этимъ праздными рукамъ, предписавъ высылать ихъ въ зимнее время на работы въ Архангельскъ. Предписанія не возможно было исполнить, такъ какъ, прежде чѣмъ высылать бѣдныхъ Корелаковъ, необходимо было снабдить ихъ теплою одеждою. Оказалось, что въ бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ вообще деревень корельскихъ на цѣлую семью имѣлся одинъ полушубокъ, и то донельзя поношенный, и, трудно повѣрить, одна только шапка!

Подъ-вечеръ, отдохнувъ отъ утомительнаго перехода по лѣсу, оставили мы деревушку. Не припомню ея названія, да если бы и помнилъ, то не стоило-бы упоминать. Дорога до ближайшаго селенія шла опять лѣсомъ,

но такъ какъ на пути не встрѣчалось ни болотъ, ни озеръ, то мы и отправились верхами. Никогда не забуду я этого переѣзда. До селенія оставалось еще верстъ пять, но уже совершенно стемнѣло. Огромныя ели и сосны, подступая къ самой дорогѣ и сплетаясь вверху вѣтвями, еще болѣе усиливали темноту. Приходилось ѣхать шагомъ, чтобъ не наткнуться на вѣтвь, да и лошадь легко могла спотыкнуться на толстыхъ корняхъ, пересѣкающихъ дорогу. Ѣдемъ мы такимъ образомъ шагомъ, прислушиваясь къ отдаленному вою волковъ, какъ вдругъ что-то сильно зашумѣло надъ нашими головами и вслѣдъ за тѣмъ раздалось оглушительное „у-ухъ", далеко разнесшееся по лѣсу среди ночной тишины. Шумъ и крикъ эти были такъ неожиданны и раздались такъ близко надъ нашими головами, что, признаюсь, я едва удержался въ сѣдлѣ. „Лѣшій!" проговорилъ Корелякъ, проводникъ нашъ, дрожа отъ страха. Но то былъ не лѣшій, а большой *филинъ* (Strix Bubo. *L.*), котораго, дѣйствительно, можно назвать *пугачемъ*. Нѣсколько времени спустя, тотъ же крикъ раздается надъ нами. Ночная птица залетала впередъ и, выждавъ нашего появленія, пугала насъ такимъ образомъ неоднократно, до самаго выѣзда изъ лѣсу. Было что-то преднамѣренное въ этомъ ея крикѣ, и привѣтствіе ли намъ выражала она имъ, или чувство непріязни, только среди этого темнаго глухаго лѣса, со всей его пугающей воображеніе обстановкой, понятенъ становится процессъ образованія народныхъ повѣрій, между которыми разсказы о лѣшемъ, потѣшаю-

щемся въ ночную пору надъ крещеным людомъ. Занимаютъ такое видное мѣсто.

На слѣдующій день, къ вечеру, добрались мы, наконецъ, до *Кунозерскаго селенія*. Послѣдній переѣздъ сдѣлали мы рѣкой, по берегамъ которой и разбросана эта деревушка, домовъ въ тридцать, не болѣе, тѣмъ только и отличающаяся отъ прочихъ корельскихъ деревень, лежавшихъ у насъ на пути, что въ ней находилось Сельское Управленіе. Рѣка узкая, стремительная въ своемъ теченіи и, какъ всѣ рѣки Кемскаго уѣзда, порожистая. Вытекаетъ она изъ сосѣдняго Нявозера, но изъ него ли беретъ свое начало, положительно сказать не могу, также какъ не могу опредѣлить и мѣста, гдѣ она оканчивается. Я видѣлъ не мало рѣкъ въ Кемскомъ и бывшемъ Кольскомъ уѣздахъ, которыя текутъ изъ озера въ озеро, то пересѣкая, то протекая во всю длину ихъ, и что замѣчательно, не смѣшивая водъ своихъ съ ихъ водами. Теченіе такихъ рѣкъ ясно обозначается свѣтлою полосою, которая отчетливо выдѣляется, особенно въ ясные дни, на темной поверхности озера.

Вокругъ селенія, по ту и другую сторону рѣки, я видѣлъ поля, но хлѣбъ, къ удивленію моему, былъ уже снятъ. До уборки хлѣба оставалось еще безъ малаго мѣсяцъ времени, такъ какъ въ Архангельскомъ уѣздѣ, лежащемъ гораздо южнѣе, жатву начинаютъ, обыкновенно, не ранѣе второй половины августа мѣсяца. Оказалось,

что хлѣбъ [1]) побило морозомъ еще въ іюлѣ. Въ такихъ случаяхъ, Корелякн немедленно убираютъ его, чтобъ воспользоваться хотя чѣмъ нибудь въ недозрѣвшемъ еще колосѣ, и умудряются какъ-то добыть изъ него муку. Я видѣлъ хлѣбъ, спеченный изъ такой муки. Только крайне проголодавшійся человѣкъ можетъ ѣсть его.

Печально въ высшей степени положеніе хлѣбопашества у корельскаго населенія этого края; ктому же, по способу обработки земли, оно не вышло еще изъ первобытнаго состоянія. Корелякъ сѣетъ хлѣбъ на-авось, безъ малѣйшей увѣренности въ томъ, что будетъ вознагражденъ за свои труды. Онъ руководствуется одною только надеждою: выдастся іюль безъ морозныхъ ночей, прокормитъ онъ тогда себя и семью *своимъ* хлѣбомъ [2]) безнуждно; если же нѣтъ, придется голодать, или занимать хлѣбъ въ казнѣ. Труда, впрочемъ, Корелякъ прилагаетъ къ землѣ не много. О запашкѣ, тѣмъ болѣе объ удобреніи, нѣтъ и помину. Выжжетъ онъ себѣ лѣсу (а лѣсъ подъ рукой), сколько ему нужно, не убирая ни пней, ни корней, — и поле готово. На слѣдующій годъ выжжетъ лѣсъ далѣе, и такъ подвигается впередъ въ продолженіи восьми лѣтъ, а затѣмъ снова возвращается къ первому полю, которое успѣетъ за это время порости лѣсомъ [1]). Такой способъ обработки земли (если только можно употребить это выраженіе) воспрещается закономъ, но законъ въ этой лѣсной

---

[1]) Въ Архангельской губерніи сѣютъ болѣе ячмень, *ячно*, по мѣстному говору.

[2]) И то въ продолженіи полугода, не болѣе.

глуши остается безъ примѣненія, да едва ли можетъ и долженъ быть прилагаемъ, если принять въ соображеніе, что частые, непредвидимые лѣтніе морозы отнимаютъ всякую возможность правильной обработки земли.

Выдаются, впрочемъ, и здѣсь урожайные годы, но это рѣдкое исключеніе. Мнѣ случалось видѣть въ Кемскомъ уѣздѣ, не говоря уже объ уѣздахъ лежащихъ южнѣе, высокую, густую рожь, съ такимъ полнымъ, тяжеловѣснымъ колосомъ, которому позавидовали бы наши сельскіе хозяева хлѣбородныхъ губерній. Нужно удивляться, съ какою быстротою, на этой широтѣ, конечно, при благопріятныхъ условіяхъ, прорастаютъ, развиваются и созрѣваютъ рожь и ячмень. Нерѣдко только въ началѣ іюня (я говорю объ яровыхъ посѣвахъ) начинается посѣвъ, а въ августѣ, смотришь, на мѣстѣ томъ „волнуется желтѣющая нива“. Такова животворная сила лучей полярнаго солнца, почти не сходящаго съ неба въ продолженіи цѣлаго мѣсяца!

Частые неурожаи заставляютъ Кольскихъ Корелаковъ обращаться за хлѣбомъ въ казну. Хлѣбъ выдается изъ общественныхъ запасныхъ магазиновъ русскихъ селеній, по распоряженію Палаты Государственныхъ Имуществъ, разумѣется, въ ссуду, но возвращается рѣдко, почему на

[1]) Въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1867 г. разрѣшенъ Корелякамъ отводъ лѣсовъ, для расчистки, въ размѣрѣ 15-ти десятиннаго душевнаго надѣла крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — безденежный отпускъ, въ теченіи 5-ти лѣтъ, лѣсныхъ матеріаловъ, для домашней надобности, для выдѣлки желѣза и для смолокуренія изъ пней и корней.

корельскихъ обществахъ числятся всегда большія хлѣбныя недоимки. Безъ этой помощи со стороны правительства, Корелякамъ пришлось бы умирать съ голода. Случается, что хлѣбъ, за бездорожьемъ, не подвезется вовремя, и тогда Кореляки голодаютъ. Кромѣ того лѣнивы и безпечны, что необходимо бываетъ мѣстному Помощнику Окружнаго Начальника ѣхать въ голодающія селенія и *выгонять* ихъ съ подводами за хлѣбомъ.

Кольская Корела очень богата рѣками и озерами, а потому, казалось бы, Кореляки не должны были чувствовать недостатка въ рыбѣ. Но рыбою озера и рѣки ихъ очень бѣдны. Причина тому заключается въ полнѣйшемъ отсутствіи правильнаго, хотя сколько нибудь раціональнаго рыболовства. Корелякъ плететъ очень частыя сѣти, изъ которыхъ не уйдетъ самая мелкая рыбёшка, а ее онъ никогда не выброситъ обратно въ воду. Понятно, что этимъ выводитъ онъ рыбу изъ своихъ рѣкъ и озеръ, бѣднѣющихъ ею годъ отъ году все болѣе и болѣе. Крупной рыбы мнѣ не случалось видѣть нигдѣ въ переѣздимой по Кольской Корелѣ: все такая мелюзга, что не стоитъ и названія рыбы [1]). Единственная соленая рыба, которую находилъ я у Корелаковъ, — это сельди, за которыми ѣздятъ они въ ближайшія поморскія русскія села — Керетъ и Ковду. Да и соленую сельдь найдешь не у всякаго. *Сельдянка* [1]) съ рыбою у Корелака тоже, что куль муки у Лопаря и Самоѣда: по ней судятъ о доста-

[1]) Замѣчательно, что не во всѣхъ озерахъ она одинакова на вкусъ: въ однѣхъ лучше, въ другихъ хуже.

точности хозяина. А между тѣмъ, что за сельди лежатъ въ ней! Дурно осоленныя, а потому скоро портящіяся, онѣ распространяютъ сильное зловоніе на цѣлый домъ инаго Корелякa.

Бытовая сторона жизни Корелякa таже, что и у русскаго населенія края. Ее онъ усвоилъ себѣ вполнѣ, начиная съ хозяйственной обстановки до одежды. Но языкъ свой сохраняетъ, хотя уже и вошло въ него не мало русскихъ словъ. Корелаки поютъ русскія пѣсни: корельской я не слыхалъ ни одной. Языкъ ихъ очень бѣденъ, вполнѣ соотвѣтствуя бѣдности интеллектуальнаго ихъ развитія. Кругъ понятій и представленій дотого ограниченъ, что легко исчерпаешь его въ два, три мѣсяца, и будешь говорить по-корельски.

Кольскіе Корелаки — сплошь раскольники, разныхъ толковъ, но большинство — безпоповщина. У каждаго изъ нихъ своя *посудина*: отецъ не будетъ ни ѣсть, ни пить изъ одной чашки съ сыномъ, мать съ дочерью, но водку пьютъ всѣ изъ одного стакана, забывая на этотъ разъ про свой уставъ. Въ былое время Кольская Корела служила главнымъ убѣжищемъ раскольничества всего Бѣломорскаго края, а тамошніе скиты — притономъ проходимцевъ разнаго рода. Въ настоящее время скиты раззорены, и не спасли ихъ ни глухіе лѣса, ни топкія болота, за которыми они скрывались долгое время отъ преслѣдованія правительства. Но и теперь еще, слышалъ я, Корелаки

[1]) *Сельдянка* — бочка, или скорѣе, *обрезъ*, вмѣщающій въ себѣ до двухъ тысячъ сельдей.

укрываютъ у себя дезертировъ. Живетъ себѣ иной бѣглый солдатъ преспокойно въ семьѣ Корелака, выдавая себя за брата или за сына домохозяина, а по ревизскимъ сказкамъ до правды не добереться скоро.

Кольскіе Корелаки промышляютъ, преимущественно по зимамъ, лѣснымъ звѣремъ, и деньги выручаемыя ими отъ продажи шкуръ, составляютъ единственный источникъ для уплаты податей. Стрѣляютъ медвѣдей, волковъ, оленей и лисицъ. Въ прежніе года гоньба за дикими оленями составляла самый прибыльный промыселъ. Случалось не рѣдко, что промышленники, собравшись партіей, поднимали стадо оленей головъ въ пятьдесятъ, и болѣе. Утомленные суточнымъ преслѣдованіемъ, олени сбивались въ кучу и падали въ изнеможеніи. Тогда промышленники бросались на нихъ съ ножами и производили страшную рѣзню. Все стадо оставалось, конечно, на мѣстѣ; рѣдкій изъ оленей уходилъ изъ этой бойни. Теперь олени значительно повывелись, какъ въ Кольской Корелѣ, такъ и въ лопарской тундрѣ, а потому гоньба за ними уже далеко не такъ прибыльна, какъ въ былые годы [1]).

Отъ Кундозерскаго селенія не далеко до *Нявозера*, соединяющагося протоками съ двумя другими большими озе-

[1]) Лѣсной птицы водится много въ лѣсахъ Кольской Корелы, но Корелаки не ѣдятъ ее, а потому и не стрѣляютъ. Тетеревъ и рябчикъ далеко, впрочемъ, не такъ вкусны, какъ тѣ, которые водятся въ другихъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи, лежащихъ южнѣе. По всей вѣроятности, это зависитъ отъ свойства лѣсной ягоды, вообще очень водянистой, которою кормится эта птица.

рами [1]) и западными прибрежьями своими подходящаго къ самой почти границѣ Финлядской. Озеро это величиною своею не много уступаетъ Имандрѣ и одного съ нимъ образованія: также лежитъ въ каменной котловинѣ. Западные берега его выше и лѣвистѣе восточныхъ, большею частью низменныхъ и упирающихся въ болота. Здѣсь, въ незначительномъ разстояніи отъ береговъ, встрѣчается много небольшихъ островковъ, поросшихъ высокою травою.

Разъ, взявъ съ собою Корелька, мальчика лѣтъ четырнадцати, пробирался я въ ветхомъ *дубѣ* [2]) вдоль болотистаго берега; вираво отъ насъ, въ небольшомъ разстояніи, едва-едва поднимался надъ водою островокъ, поросшій густымъ камышомъ. „*Эучеть*“ [3]), проговорилъ мальчикъ, указывая на заколыхавшійся тростникъ, но лебедя я не замѣчалъ, и чтобъ удостовѣриться въ справедливости словъ Корелька, тотчасъ же направился къ островку. Выпедши изъ дуба, я сталъ пробираться межъ кочками, по колѣно въ водѣ. Вотъ что-то бѣлое мелькнуло передо мною въ травѣ, и минуту спустя, молодой лебедь, еще не совсѣмъ оперившійся, былъ у меня въ рукахъ. Но едва успѣли мы оттолкнуться отъ берега, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, на озеро опустился лебедь и тотчасъ же побѣжалъ на насъ, хлопая по водѣ своими огромными крыльями. Что было

[1]) Топозеромъ и Ковдозеромъ.

[2]) *Дубъ* — лодка, выдолбленная изъ толстаго сосноваго дерева, формою своею напоминающая корыто, или скорѣе, колоду, изъ которой поятъ скотъ при колодцахъ.

[3]) *Эучеть*, кор.—лебедь.

дѣлать? Стрѣлять по немъ я не хотѣлъ, не желая выпустить изъ рукъ молодаго лебедя, а старый между тѣмъ отважно наступалъ на мальчика, который, стоя, отбивался отъ него шестомъ. Противоположный берегъ былъ уже недалеко, а потому я расчитывалъ, добравшись до него, передать молодаго лебедя мальчику, и затѣмъ наказать стараго за его отвагу. Но предположеніямъ моимъ не суждено было осуществиться. Отбиваясь отъ лебедя, мальчикъ потерялъ равновѣсіе и, падая въ воду, опрокинулъ дубъ. Волей-неволей, пришлось выпустить изъ рукъ лебедя и спасать Корелякa. Къ счастью, мѣсто пришлось не слишкомъ глубокое, да и дно было твердое. Когда я выбрался съ мальчикомъ на берегъ и вытащилъ затѣмъ опрокинувшійся дубъ, лебедь былъ уже далеко, уводя своего птенца на другой, дальній островъ.

Лебедь (Cygnus buccinator) встрѣчается часто по озерамъ Кольской Корелы. Нигдѣ, по всему Бѣломорскому краю, нѣтъ ему такого приволья, какъ здѣсь, въ этой лѣсной глуши, куда рѣдко заглядываетъ человѣкъ, а извѣстно, что лебедь выбираетъ для жилья самыя глухія, уединенныя мѣста. Онъ очень осторожень, и на открытомъ мѣстѣ не подпуститъ на выстрѣлъ. Кореляки ловятъ его капканами, во время весеннихъ разливовъ. Капканы ставятся на мелкихъ мѣстахъ; приманкою служитъ пучекъ травы. Завидѣвъ зеленую травку, лебедь опускаетъ въ воду длинную свою шею, но капканъ схватываетъ его за голову и убиваетъ мгновенно. Здѣсь, въ Корелѣ, впервые довелось слышать мнѣ, чтобъ птицу ловили капканами.

Разсказываютъ, что лебедь, потерявъ самку, ежегодно прилетаетъ на то озеро, на которомъ она была убита, и навсегда остается одинокимъ. Не знаю, на сколько справедливы эти разсказы, только мнѣ не разъ случалось видѣть лебедей, и весною, и лѣтомъ державшихся одиночно. Лебедь, такъ храбро защищавшій отъ насъ своего птенца, по всей вѣроятности, поступалъ въ число этихъ вдовцевъ, осужденныхъ на одиночную жизнь: самка, должно быть, была у него убита.

КЕРЕТЬ.

Переѣздъ моремъ въ почтовомъ карбасѣ.—Мѣстоположеніе Керети.—Св. Варлаамъ, Керетскій Чудотворецъ.—Китъ, выброшенный на берегъ.—Косатки.—Окрестности Керети.—Чайки и морской соколъ.—Керетскія собаки.—Охота на сѣменухъ.—Эпизоды изъ жизни керетскаго промышленника.

„Зашумѣла въ морѣ пѣна,
„Будетъ вѣтру перемѣна...“.

зашѣли. сложивъ весла, *жонки* [1]) и дѣвки, замѣняющія на почтовомъ карбасѣ гребцовъ, своихъ мужей и братьевъ, обыкновенно, съ весны уходящихъ на морскіе промыслы.

„Молитвами Керетскаго Чудотворца Богъ повѣтри дастъ“, проговорилъ кормщикъ, сѣдой старикъ, и набожно перекрестился. „Чего горло-то дерете!“ сурово обратился онъ къ женщинамъ. „Парусъ правь! Живо!“

[1]) Такъ называютъ повсемѣстно въ Архангельской губерніи замужнихъ женщинъ.

Прерванная на время нѣсня какъ нельзя лучше соотвѣтствовала обстановкѣ: далеко вокругъ. дѣйствительно, бѣлѣлась нѣна, и Богъ ее знаетъ, откуда взялась она. Море, до того спокойное и гладкое, какъ зеркало, начинало колыхаться. и вскорѣ карбасъ нашъ плавно сталъ подниматься и спускаться съ волны на волну, точно съ горы на гору. Мы были въ двадцати верстахъ отъ берега, на самой срединѣ бухты, одной изъ тѣхъ многочисленныхъ бухтъ, которыя смѣняютъ одна другую на всемъ протяженіи западнаго берега Бѣлаго моря. Духъ захватываетъ, бывало, въ переѣздахъ по этимъ бухтамъ, когда карбасъ начнетъ спускаться съ волны, и со страхомъ обертываешься и глядишь на огромный взводень, бѣгущій сзади. Казалось, обрушится онъ на нашъ небольшой карбасъ и раздавитъ его какъ щепку, но, невредимый, высоко поднимется онъ вмѣстѣ съ нимъ и плавно начнетъ спускаться въ морскую хлябь. Но понемногу свыкаешься съ этими безпрерывными спусками и подъемами, и наконецъ уже спокойно смотришь на громадныя волны, въ полной увѣренности, что онѣ совершенно безопасны.

Въ прямую повѣтерь почтовый карбасъ, очень быстрый на ходу, дѣлаетъ верстъ десять, и болѣе. Вскорѣ волна стала замѣтно понижаться: мы подходили къ оконечности бухты, выдавшейся въ море узкимъ, высокимъ мысомъ. Вотъ мы миновали его, и, полчаса спустя, входили въ устье рѣки *Кереми*, на берегу которой расположено Керетское селеніе, одно изъ болѣе населенныхъ и богатыхъ въ бывшемъ Кольскомъ уѣздѣ. Мы сдѣлали огромный пере-

ѣздъ по морю. Отъ *Гридина* [1]) до Керети считается 55 верстъ [2]).

Малолюдная въ лѣтнюю пору Кереть, какъ и всѣ вообще поморскія села, оживлена была во время моего пріѣзда толпою богомольцевъ, или скорѣе, богомолокъ, собравшихся изъ ближайшихъ къ ней мѣстностей на поклоненіе мощамъ Св. Варлаама. Керетскаго Чудотворца. Мощи Святаго почивали въ деревянной, наскоро выстроенной часовнѣ, куда онѣ перенесены были послѣ пожара, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ истребившаго старинную деревянную церковь. Мощи, по народному убѣжденію, вышли невредимо изъ огня. Разсказывали, что Богъ сподобилъ одну благочестивую старушку видѣть, какъ Святой, наканунѣ пожара, вышелъ изъ церкви и скрылся въ ближайшемъ лѣсу.

Преподобный Варлаамъ Керетскій, слышалъ я, былъ уроженецъ города Колы. Говорятъ, онъ оставилъ тамъ жену и дѣтей и приплылъ къ Керети въ лодкѣ, совершивъ на ней переѣздъ Океаномъ и моремъ слишкомъ въ тысячу верстъ. Много лѣтъ тому назадъ, обрѣтенъ онъ былъ на горѣ, возлѣ дороги, неподалеку отъ селенія. Преданіе говоритъ, что Святой нетлѣнемъ лежалъ въ *керёжи* [3]). Его перенесли въ церковь и положили вмѣ-

[1]) *Гридино*—селеніе. Стоитъ оно на самомъ берегу моря, расположившись на его уступахъ, точно на ступеняхъ гигантской гранитной лѣстницы.

[2]) Есть переѣздъ еще бо́льшій. Это—отъ Пялицы до Поноя, на Терекомъ берегу Бѣлаго моря, въ 70 верстъ.

[3]) *Керёжа*—лопарскіе сани. Подробн. см. въ очеркѣ „Кола".

стѣ съ керёжою, въ деревянную раку, сохранявшуюся въ церкви до послѣдняго пожара. Никогда никто съ тѣхъ поръ не открывалъ ее. Разъ, одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, слышалъ я, задумалъ вскрыть раку. Ночью пришелъ онъ въ церковь, но страшный трескъ, раздавшійся въ ту минуту, когда онъ приступилъ къ снятію крыши, навелъ на него такой страхъ, что онъ бѣжалъ изъ церкви.

На другой день по пріѣздѣ въ Кереть, узналъ я, что неподалеку отъ села, въ морскомъ берегу, лежитъ *кит* [1]) (Balaena physalus), незадолго передъ тѣмъ выброшенный морскимъ приливомъ. Мнѣ представлялся рѣдкій случай взглянуть на морское чудовище, почему я тотчасъ же и отправился на берегъ. Я говорю, рѣдкій, потому что киты очень рѣдко заходятъ въ Бѣлое море, а выбрасываются на берегъ еще рѣже. Но, къ крайнему моему сожалѣнію, я не нашелъ уже кита, а одинъ только его остовъ. Керетскіе крестьяне успѣли уже почти совсѣмъ обрубить и срѣзать съ него сало. Огромныя ребра его, желтоватаго цвѣта, торчали изъ-подъ воды, точно бока разбитаго корабля. Громадный китъ, сажень до двѣнадцати длиною, былъ уже на-половину занесенъ пескомъ, но голова и хвостъ еще были видны, чернѣясь въ волнахъ,

---

[1]) Сѣверный полосатый или спинноперый китъ. Онъ отличается отъ Гренландскаго кита плавникомъ на крестцѣ и глубокими бороздами подъ глоткой и грудью до середины живота. Онъ достигаетъ 80 футовъ длины, но легче сложенъ и далеко не такъ жиренъ, какъ Гренландскій.

разбивавшихся о нихъ точно о подводные камни. На берегу, и около кита, шла дѣятельная работа: одни, по поясъ въ водѣ, обрубали и обдирали толстый слой жиру, другіе продолговатыми пластами сносили его на берегъ, третьи складывали въ большіе котлы, въ которыхъ вытапливалось сало. Мнѣ говорили, что обмелившійся китъ былъ еще живъ, когда крестьяне приступили къ нему съ ножами и топорами. Въ такихъ случаяхъ, громадное животное, не имѣя возможности сдвинуться съ мѣста, совершенно безсильно передъ людьми, точно большой военный корабль, сѣвшій на мель и не могущій употребить въ дѣло своихъ орудій противъ подступающихъ къ нему мелкихъ судовъ.

Китъ, выброшенный на берегъ, составляетъ, обыкновенно, собственность ближайшихъ селеній, а потому и деньги, вырученныя съ вытопленнаго сала, идутъ въ общій раздѣлъ между ними. Керетское общество, слышалъ я, заработало въ какую нибудь недѣлю времени до пятм тысячь рублей.

Говорятъ, что китъ бросается въ берега, уходя отъ *косатокъ* (Balaena rostrata. Fab.). Косатка, большая морская рыба [1]),—злѣйшій врагъ его въ Океанѣ. Вооруженная острыми зубами, она терзаетъ ими кита, преслѣдуя его неутомимо. Мнѣ разсказывали Поморы, промышляющіе морскаго звѣря въ Океанѣ, что косатки, въ своихъ обычныхъ поискахъ за китомъ, всплываютъ на поверх-

[1]) Длины бываетъ отъ двухъ до пяти сажень.

ность цѣлыми стаями и прислушиваются, не зашумитъ ли гдѣ вода, которую онъ, какъ извѣстно, выбрасываетъ изъ себя, по временамъ, фонтаномъ [1]). Заслышавъ шумъ, онѣ тотчасъ же плывутъ на него, и если завидятъ кита, не отстанутъ отъ него, вырывая у него изъ хвоста куски мяса, до тѣхъ поръ, пока не потеряютъ изъ виду. Въ обширномъ Океанѣ еще есть для него возможность уйти отъ нихъ, но если случится, что онѣ загонятъ его въ море, то тутъ ему ничего болѣе не остается, какъ броситься въ берегъ, гдѣ все-таки ожидаетъ его неизбѣжная гибель.

Сильный противный вѣтеръ задержалъ меня на нѣсколько дней въ Керети, или, говоря языкомъ проѣзжаго человѣка, заставилъ просидѣть на станціи, такъ какъ почтовый трактъ, начиная почти съ г. Онеги до самыхъ береговъ Океана, идетъ моремъ. Только здѣсь приходится ждать не лошадей, а погоды. Отъ нечего дѣлать, чтобъ какъ нибудь скоротать время, берешь ружье и идешь бродить по окрестнымъ лѣсамъ и болотамъ.

Мѣстность, меня окружающая, чрезвычайно своеобразна. Куда ни обернешься, вездѣ высокія горы, поросшія хвойнымъ лѣсомъ; межъ ними, синѣя, лежатъ озера. Всюду камень, камень, и камень. Рѣка, падая съ частыхъ пороговъ, преграждающихъ ей путь, бѣжитъ въ каменныхъ берегахъ; деревья стоятъ на скалахъ, углубляясь въ разщелины ихъ своими обнаженными корнями; озера, точно каменныя чаши, переполняясь водою, изливаются

[1]) Собственно не воду, а водяные пары, которые китъ, обыкновенно, выбрасываетъ изъ себя съ страшнымъ шумомъ.

одно въ другое. Вотъ передо мной лежитъ болото. Мнѣ нужно перейти черезъ него, чтобъ добраться до ближайшаго лѣсу. Вода выступаетъ подъ ногами, но палка, легко пробивающая тонкій слой мху, упирается въ камень.

Живописный издали лѣсъ покажется очень непривлекателенъ, когда войдешь въ него. На-половину вырубленный, обломанный, съ торчащими на каждомъ шагу пнями, поросшими мхомъ, заваленный буреломомъ, онъ пустъ и безжизненъ. Изрѣдка встрѣтишь въ немъ зайца, или поднимешь тетерева. Водятся, правда, въ такомъ лѣсу медвѣди, олени и лисицы. но на огромномъ его протяженіи они не замѣтны.

Вотъ передо мной лежитъ озеро. Въ каменныхъ берегахъ его нѣтъ камышей. По срединѣ плаваютъ *крохали* (Mergus serrator). большія свѣтлосѣрыя утки, съ длинными, острыми клювами и съ хохлатыми головками. Онѣ питаются рыбою, а потому мясо ихъ не вкусно. Здѣсь не встрѣтишь уже кряковой утки. Чирки попадаются еще мѣстами, и то рѣдко. Надъ озеромъ съ крикомъ носятся чайки, залетающія сюда съ моря. Какая-то птица, величиною съ ястреба, съ двумя длинными перьями въ хвостѣ, неожиданно появляется между ними и тотчасъ же пускается въ погоню за одною изъ нихъ, только что поднявшеюся съ озера. Долго будетъ преслѣдовать этотъ хищникъ бѣдную чайку, далеко уступающую ему въ скорости полета, и отстанетъ тогда только, когда, утомившись, выброситъ она, наконецъ, изъ клюва пойманную ею рыбу. Это *морской сокол* (Lestris parasiticus), извѣстный разбой-

никъ. Вотъ онъ останавливается, и какъ камень опускается внизъ, подхватывая на-лету чужую добычу. Говорятъ, что преслѣдуетъ онъ иногда чайку, уже успѣвшую проглотить рыбу, до тѣхъ поръ, пока она, сѣвъ на прибрежный камень, не выброситъ ее изъ себя.

Наблюденія мои надъ этою птицею прерваны были громкимъ лаемъ цѣлой стаи собакъ, неожиданно появившихся въ противоположномъ берегу озера. Одна за другою бросались онѣ въ воду и, не переставая лаять, плыли прямо на крохалей. Разумѣется, утки взлетали при ихъ приближеніи, и, отлетѣвъ на нѣсколько сажень, снова опускались. Но, не смотря на то, собаки продолжали на нихъ свою охоту, сплывались, точно для совѣта, и снова расплывались, стараясь окружить птицу, пока, наконецъ, убѣдившись въ безуспѣшности своихъ попытокъ, не направились обратно къ берегу. То были керетскія собаки, не имѣющія пристанища и принужденныя сами себѣ списки-вать пропитаніе. Ихъ никто не кормитъ, и нужно удивляться, какъ выдерживаютъ онѣ продолжительную, суровую зиму. Безуспѣшная гоньба ихъ за дикими утками, происходившая на моихъ глазахъ, заставляетъ предполагать, что лѣтомъ онѣ съ успѣхомъ охотятся за утиными выводками, *кавашами*, по мѣстному говору. Точно такимъ же образомъ, цѣлою стаей, разсказывали мнѣ, гоняются онѣ за зайцами, и ловятъ ихъ, не смотря на то, что не принадлежатъ къ породѣ борзыхъ. Никогда не видалъ я столь тощихъ собакъ. Только два раза въ годъ, весною и осенью, во время улова сельдей, когда рыба эта

валяется вездѣ, и въ берегахъ морскихъ, и по селенію, наѣдаются онѣ досыта, набивъ донельзя свои желудки, и нужно видѣть, что за уродливую форму принимаютъ тогда эти бѣдныя животныя! Съ наступленіемъ весны, онѣ, обыкновенно, оставляютъ селеніе, за-лѣто дичаютъ, и встрѣтиться съ голодною стаею ихъ, не имѣя въ рукахъ ружья или здоровой палки, не совѣмъ безопасно. Тогда напоминаютъ онѣ собою извѣстныхъ дикихъ собакъ Южной Америки.

Разъ, возвращаясь съ охоты, заслышалъ я по сторонамъ, на сырой луговинѣ, тоскливый, хорошо извѣстный охотникамъ свистъ *ржанокъ* (Charadrius pluvialis. L.). Красивая птица эта, величиною съ турухтана, испещренная мелкими желтоватыми крапинами по сѣровато-коричневому фону, повсемѣстно въ Архангельской губерніи извѣстна подъ названіемъ *сьменухъ*. Небольшими стаями стали онѣ подниматься при моемъ къ нимъ приближеніи, и, не смотря на выстрѣлы, опускались по близости. Охота на сѣменухъ въ такой мѣстности, гдѣ не встрѣтишь уже ни дупеля, ни турухтана, ни даже куличка рѣчнаго, была для меня очень пріятною неожиданностью. Не могу сказать положительно, какъ далеко птица эта залетаетъ на сѣверъ, только, судя по времени (августъ былъ въ половинѣ), она жировала подъ Керетью уже на обратномъ пути въ теплыя страны. Должно быть, для прилода залетаетъ она подъ самые берега Океана, гдѣ и проводитъ лѣто.

На другой день, поджидая къ обѣду застрѣленную

мною дичь, я былъ не мало удивленъ, когда хозяйка дома, въ которомъ я останавливался, принесла мнѣ ее распластанною, какъ рыбу. Оказалось, что ей никогда не случалось приготовлять никакой дичи. Керетскіе крестьяне, да и всѣ вообще Поморы Кемскаго и бывшаго Кольскаго уѣздовъ, не ѣдятъ, ни лѣсной, ни домашней птицы. Главный предметъ потребленія составляютъ соленыя сельди или *лами*, какъ ихъ называютъ по всему почти Поморью. Треску встрѣтишь только въ зажиточныхъ домахъ, и то въ праздничные дни. Бѣдняки довольствуются тресковымъ жиромъ, которымъ смазываются *лампушки*, небольшіе хлѣбы изъ ржаной муки. Мясо, за исключеніемъ баранины и оленины, совсѣмъ не потребляется. Здѣсь телятина еще до сихъ поръ запретное блюдо: ее, какъ и заячину, считаютъ поганью.

Не смотря, однакожъ, на исключительное почти потребленіе рыбы, и преимущественно соленой, населеніе Бѣломорскаго края—народъ все такой здоровый, рослый и чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія. Морскіе промыслы, отъ которыхъ большинство кормится, а меньшинство богатѣетъ, обрекаютъ Помора, еще съ малолѣтства, на тяжелую, полную опасностей и лишеній разнаго рода жизнь, развивая въ немъ необыкновенную предпріимчивость духа, соединенную съ отвагою, изумительною въ глазахъ человѣка, выроснаго среди иной жизненной обстановки.

Я зналъ въ Керети двухъ крестьянъ, которые ежегодно, въ продолженіи многихъ лѣтъ, ходили на Мурман-

скій берегъ, слѣдовательно въ Океанъ, на *шнякъ* [1]), небольшомъ суднѣ. составляя собою весь ея экипажъ. И одинъ изъ нихъ былъ еще калѣка, съ сведенными ногами, что̀ заставляло его ходить на колѣняхъ! Въ 1850 году въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ было опубликовано, что Кемскій мѣщанинъ Михайло Никитинъ ходилъ на Мурманскій берегъ и на Новую Землю *вдвоемъ* съ женою!! [2]).

Много слышалъ я разсказовъ о похожденіяхъ нашихъ Поморовъ, промышляющихъ морскаго звѣря въ Ледовитомъ Океанѣ, близъ Новой Земли и Шпицбергена. Въ каждомъ селеніи, въ каждой деревнѣ, были, и теперь не перевелись еще, свои богатыри, и изъ разсказовъ объ ихъ похожденіяхъ могла бы сложиться чудная поэма. Вотъ для образца одинъ изъ ея эпизодовъ.

Зналъ я въ Керети одного промышленника, человѣка громаднаго роста и силы необычайной. Не разъ, промышляя морскаго звѣря, зимовалъ онъ на Новой Землѣ, бывалъ и на Грумантѣ [3]). Разъ, пошелъ онъ въ Океанъ за моржами. Стрѣляютъ этого звѣря больше въ берегахъ [4]),

---

[1]) Подробн. о *шнякѣ* см. въ Очеркѣ „Мурманскій берегъ“.

[2]) Не рѣдко случается, что промышленники, выпивъ порядкомъ на отвалѣ, выйдутъ въ открытое море и, закрѣпивъ паруса, всѣ до единаго улягутся спать, предоставивъ себя на полный произволъ вѣтра.

[3]) *Грумантъ* — Шпицбергенъ.

[4]) *Моржи* (Trichechus Rosmarus), выѣзая на сушу, выбираютъ, большею частью, пологіе берега. Ложатся они обыкновенно рядами, а послѣдній изъ нихъ помѣщается возлѣ самой воды. Заслышавъ шумъ, онъ тотчасъ же сваливается въ воду, а за нимъ,

но если случится завидѣть ихъ въ открытомъ Океанѣ. то промышленники, оставивъ лодью или шняку, осторожно подъѣзжаютъ къ нимъ на лодкахъ. Въ такихъ случаяхъ бьютъ моржей *кутилом*ъ [1]). Вотъ однажды подъѣзжаетъ такимъ образомъ крестьянинъ мой къ спящему моржу и, метнувъ въ него кутило, привязываетъ къ ногѣ свободный конецъ веревки. Но едва только выпустилъ онъ заряд изъ своей винтовки, какъ очнувшійся звѣрь нырнулъ и увлекъ его за собой въ воду. Товарищи Помора считали его погибшимъ. Но бойкій промышленникъ не потерялся. Очутившись подъ водою, онъ отвязалъ отъ ноги веревку и, долгое время ныряя вмѣстѣ съ моржемъ, не выпускалъ ее изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока обезсиленный звѣрь не всплылъ наконецъ на поверхность.

Или вотъ еще случай, бывшій съ тѣмъ же Поморомъ. Отправляется онъ разъ съ братомъ своимъ на медвѣдя. Вотъ громадный медвѣдище и идетъ на нихъ. Поморъ приложился по немъ изъ своей винтовки. Осѣчка... Братъ его, струсивши, убѣгаетъ. Оставшись одинъ на одинъ съ медвѣдемъ, безстрашный охотникъ, не долго думая, подбѣгаетъ къ ближайшему дереву, становится за нимъ и, выждавъ удобную минуту, схватываетъ кинувшагося къ нему звѣря обѣими руками за шею. Тогда медвѣдь на-

---

другъ за другомъ, и остальные. Нужно убить этого послѣдняго, и тогда легко уже перебить остальныхъ.

[1]) *Кутило* — желѣзный острый наконечникъ, съ зазубриною, прикрѣпляемый, посредствомъ особаго механизма, къ палкѣ, отъ которой легко отдѣляется, какъ только вонзится въ звѣря. Палка собственно употребляется для размаху при киданіи.

кладываетъ ему на плечи свои страшныя лапы, терзаетъ ему руки и шею, но охотникъ крѣпко держитъ его въ своихъ объятіяхъ, притиснувъ къ дереву, и выпускаетъ тогда только, когда сбѣжавшіеся изъ деревни крестьяне убиваютъ звѣря.

Таковъ былъ этотъ могучій богатырь, ктому же и первый стрѣлокъ по Керети! Бывало, разсказывали мнѣ, только подавай ему винтовки: сколько бы ни было моржей или какого другаго морскаго звѣря, всѣхъ уложитъ онъ на мѣстѣ, и никогда не дастъ промаха. Да и стрѣлки же есть на Поморьѣ! Я видалъ не разъ, какъ бьютъ они бѣлухъ. Только на одно мгновеніе покажется, бывало, звѣрь на поверхности воды, какъ меткая пуля уже сидитъ у него въ головѣ. Встрѣчалъ я и такихъ стрѣлковъ, которые, на моихъ глазахъ, изъ винтовки, да еще изъ кремневой, били утокъ на-полётѣ!

КОВДА.

Мѣстоположеніе Ковскаго селенія. — Ковскій порогъ. — Преданіе, связанное съ этимъ порогомъ. — Крестьянинъ, опускающійся въ порогъ. — Волки въ Кольской тундрѣ. — Волкъ великанъ. — Охота на куницъ. — Ласка.

Зимою 185* года, проѣздомъ въ Колу, провелъ я нѣсколько дней въ *Ковдѣ*, большомъ русскомъ селеніи, стоящемъ при рѣкѣ того же наименованія, впадающей въ Бѣлое море, по сю сторону Кандалакской Губы. Еще на пути въ это селеніе, я могъ безошибочно опредѣлить его мѣстоположеніе. Оно должно, представлялъ я себѣ, отступить на версту или на двѣ отъ моря, стоять при рѣкѣ, протекающей въ каменистыхъ берегахъ, а на рѣкѣ быть неизбѣжному порогу. Все это и оказалось въ дѣйствительности. Такъ приморскія селенія, начиная отъ Кеми до самой Колы, походятъ въ этомъ отношеніи другъ на друга. Встрѣчаются, правда, селенія, стоящія на морскомъ берегу, но это рѣдкое исключеніе. Такъ напр. *Кандалакша*, слѣдующая за *Княжегубой*, расположена при самомъ почти морѣ, по ту сторону Кандалакской Губы, на чрезвычайно

выкокомъ, утесистомъ берегу, который, въ Крымскую войну, не помѣшалъ, однакожъ, англійскимъ бомбамъ сжечь это богатое селеніе. Другія села, отступающія отъ моря въ глубь материка, какъ напр. Ковда и Кереть, не менѣе заселенныя и богатыя, были безопаснѣе. Здѣсь, благодаря мѣстоположенію, была хотя нѣкоторая возможность къ оборонѣ. Такъ въ одномъ изъ нихъ, если не ошибаюсь, въ Ковдѣ, крестьянамъ, засѣвшимъ въ каменистыхъ берегахъ рѣки, представлялся удобный случай перебить часть экипажа съ англійскаго парохода „Миранда“. Нисколько не подозрѣвая засады, непріятельская шлюбка, подъ командою самого капитана парохода, вошла въ устье рѣки, но вскорѣ принуждена была вернуться назадъ, замѣтивъ по сторонамъ направленные на нее стволы винтовокъ. Капитанъ и люди его ушли отъ пуль, благодаря сдержанности Ковскихъ крестьянъ, которые не стрѣляли въ нихъ потому только, что опасались возмездія со стороны непріятеля: въ противномъ случаѣ, Ковда, будучи открыта съ моря, была бы сожжена Англичанами, *Англичанкой*, какъ называли ихъ по всему Поморью.

Ковскій порогъ падаетъ съ высоты полуторыхъ саженъ, прорываясь за тѣмъ съ страшною силою сквозь рядъ подводныхъ камней, и, не смотря на то, есть между крестьянами смѣльчаки, которые спускаются по немъ на своихъ небольшихъ лодкахъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ порога, рѣка круто поворачиваетъ въ сторону, устремляясь всею массою воды въ дугообразный каменистый берегъ. Порогъ не замерзаетъ, не смотря на самые сильные морозы. Стран-

ное впечатлѣніе производятъ на первыхъ порахъ порожистыя рѣки Бѣломорскаго края, открытыя и въ зимнее время, когда все кругомъ покрыто снѣгомъ, и самое море замерзаетъ на десятки верстъ отъ береговъ. Но понемногу глазъ свыкается съ ними дотого, что подъ конецъ рѣка или озеро, покрытыя льдомъ, обращаются въ свою очередь въ не менѣе странное явленіе.

Съ Ковскимъ порогомъ соединяется интересное преданіе о *сорока рукавицахъ*. Давно когда-то, а когда именно, о томъ преданіе не говоритъ, пробирались по рѣкѣ Ковдѣ, для грабежа, изъ Финляндіи, какіе-то люди, должно быть, Шведы, хотя никто въ селеніи положительно сказать о томъ не можетъ. Близко подошли уже люди эти къ селенію, но нашелся человѣкъ, который спасъ село свое отъ предстоявшаго ему разграбленія. Чтобъ добраться до селенія, Шведамъ необходимо было спуститься по порогу, и этотъ-то человѣкъ (преданіе не запомнитъ его имени) взялся быть ихъ проводникомъ. „Вражьи дѣти“, по выраженію старика, передававшаго мнѣ это преданіе, сѣли въ лодку и быстро понеслись внизъ по теченію рѣки, какъ вдругъ, совершенно для нихъ неожиданно, предоставлены были самимъ себѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ порога. Находчивый проводникъ оставилъ ихъ въ самую критическую минуту, быстро выскочивъ изъ лодки на прибрежный камень, когда она огибала упомянутый выше дугообразный берегъ. Враги не успѣли еще придти въ себя отъ изумленія и ужаса, какъ были увлечены въ порогъ, гдѣ ожидала ихъ неминуемая гибель. Преданіе

говорить, что на берегъ, тотчасъ же за порогомъ, выброшено было *сорокъ рукавицъ*, и почему именно найдены были рукавицы, а не тѣла, того оно не объяснятъ. Должно быть, на изуродованныхъ, истерзанныхъ острыми камнями непріятельскихъ трупахъ особенное вниманіе Ковскихъ жителей обратили на себя эти рукавицы, — большія, съ широкими раструбами, перчатки, которыя носились въ тѣ времена военными людьми на Западѣ.

Мнѣ показывали мѣсто, куда выброшены были эти рукавицы. Громадные камни, которыми обставлены берега Ковды, отступаютъ здѣсь не много отъ рѣки, бывшей прежде, по всей вѣроятности, полноводнѣе. Вся масса воды, падающей съ порога, устремляется къ этому берегу и, описавъ полукругъ, снова входитъ въ русло, обставленное гранитными глыбами. Сюда порогъ выбрасываетъ все, что ни попадетъ въ него.

Такіе пороги, въ меньшихъ только размѣрахъ, встрѣчаются часто по рѣкамъ Кемскаго и бывшаго Кольскаго уѣздовъ. Съ однимъ изъ нихъ соединяется у меня воспоминаніе о крестьянинѣ, который за свои представленія могъ бы собрать въ другомъ мѣстѣ большія деньги. А представленія эти стоятъ блонденовскихъ переходовъ по канату черезъ Ніагарскій водопадъ. Пріѣзжаю я разъ въ одно селеніе Кемскаго уѣзда, въ какое, теперь уже не припомню, только стоитъ оно, по обыкновенію, при рѣкѣ, а на рѣкѣ порогъ. На станціи говорятъ мнѣ, что въ селеніи есть человѣкъ, который, сидя въ небольшой лодочкѣ, спускается въ порогъ, и затѣмъ, вмѣстѣ съ нею, выбра-

сывается пучиною на берегъ живъ и невредимъ. Нельзя было уѣхать изъ села, не взглянувъ на это чрезвычайно любопытное представленіе. Нѣсколько минутъ спустя, я былъ уже на берегу, въ который, также какъ и въ Ковдѣ, устремляется вся масса воды, падающей съ порога. Глядя на его клокочущія воды, съ страшною силою прорывающіяся межъ остроконечныхъ камней, на пѣнящуюся пучину, въ которую онѣ низвергаются, я съ трудомъ могъ вѣрить, чтобъ нашелся человѣкъ, который рѣшился бы опуститься въ нее, не рискуя быть истерзаннымъ острыми каменьями. Но вотъ онъ приходитъ, этотъ смѣльчакъ, и съ спокойною самоувѣренностью, правда, подъ хмѣлькомъ, тотчасъ же направляется къ лодкѣ, стоящей въ берегу, пониже порога. Нѣсколько минутъ спустя, показался онъ надъ порогомъ, придавая лодкѣ своей надлежащее направленіе (и сидѣлъ-то онъ въ ней, оборотившись къ порогу спиною), еще минута, и не стало ни его, ни лодки... Признаюсь, страхъ забиралъ меня вчужѣ, еще бо̀льшій страхъ, чѣмъ тотъ, который ощущается невольно, когда смотришь на выходки Блондена, нарочно спотыкающагося на канатѣ. Проходитъ минута томительнаго ожиданія, и въ берегу неожиданно выстаетъ передо мною нашъ поморскій Блондень, а вслѣдъ за нимъ и его лодка. Встряхнувшись, какъ ни въ чемъ не бывало, идетъ онъ тотчасъ же въ стоящій на берегу питейный домъ, гдѣ и пропиваетъ полученныя за представленіе деньги. И такія представленія даетъ онъ, опускаясь въ порогъ иногда по нѣсколько разъ въ день, за какой нибудь полуштофъ водки!!

Въ бытность мою въ Ковдѣ, я слышалъ частыя жалобы на волковъ, появившихся въ тундрѣ въ большемъ количествѣ противу прежнихъ зимъ. За нѣсколько дней до выѣзда моего изъ селенія, разнесся слухъ, что по близости показался огромный волкъ, который произвелъ, не задолго передъ тѣмъ, страшное опустошеніе въ оленьихъ стадахъ Кореляковъ, *зарѣзавъ* въ короткое время до ста двадцати оленей. Ковскіе крестьяне всполошились, и, отдѣльными партіями, вооружившись винтовками, тотчасъ же отправились отыскивать разбойника. Я принялъ участіе въ этой экспедиціи, но намъ не удалось ни видѣть, ни наслѣдить его. Мѣстами наѣзжали мы на зарѣзанныхъ оленей. Штукъ по двадцати, и болѣе, лежали они на снѣгу, сбившись въ кучи, и только по небольшимъ кровавымъ пятнамъ на шеяхъ можно было видѣть, что это дѣло волчьихъ зубовъ. Поздно вечеромъ вернувшись въ селеніе, узнали мы, что страшный волкъ убитъ. Наслѣженный одною партіей крестьянъ, онъ долго уходилъ отъ нихъ, унося съ собою пули, пока мѣткій выстрѣлъ не положилъ его наконецъ за-мертво. Никогда не случалось видѣть мнѣ до того такого огромнаго волка. Это былъ волкъ надъ волками, почти бѣлой шерсти, съ желтоватымъ отливомъ, волкъ бѣлый, какого можно встрѣтить только въ полярныхъ странахъ. Чтобъ судить о величинѣ его, достаточно опредѣлить размѣръ его разверстой пасти: въ нее свободно можно было вставить руку отъ локтя до конца указательнаго пальца. Чучело такого волка заняло бы видное мѣсто въ любомъ зоологическомъ музеѣ. Жаль,

что мѣстное начальство не распорядилось отослать шкуру этого замѣчательнаго волка-великана въ Архангельскъ, откуда стоило-бъ отправить ее въ Петербургскій Императорскій Зоологическій Музей.

Волки, водящіеся въ Кольской тундрѣ, чрезвычайно хитры и отважны. Они ведутъ тамъ правильную охоту на оленей: такъ много смѣтливости и расчета выказываютъ они въ своихъ дѣйствіяхъ. Разсказываютъ, что стая волковъ, зачуявъ оленей, разбивается на двѣ партіи: одна преслѣдуетъ ихъ, а другая, забѣжавъ впередъ, скрывается въ засадѣ и выжидаетъ ихъ появленія. Затѣмъ обѣ партіи окружаютъ оторопѣвшее стадо оленей, и рѣдкій изъ нихъ уйдетъ тогда отъ острыхъ волчьихъ зубовъ. *Полярный волкъ* отважно нападаетъ на человѣка и въ одиночку, тогда какъ въ средней и южной полосахъ Россіи онъ обыкновенно уходитъ отъ него. Разъ, зимою, какой-то крестьянинъ одной изъ приморскихъ деревень бывшаго Кольскаго уѣзда ѣхалъ лѣсомъ, возвращаясь домой, какъ вдругъ огромный волкъ бросается на него со стороны. До лошади ли добирался онъ, или до человѣка, только удачнымъ ударомъ кола, случившагося подъ рукою, крестьянинъ положилъ его на мѣстѣ. Сваливъ волка въ сани, онъ отправился далѣе, и былъ уже не далеко отъ своей деревни, какъ мимо убитый волкъ очнулся и, вмѣсто того, чтобъ бѣжать, бросился на него сзади. Плотно усѣвшись въ своихъ длинныхъ, узкихъ саняхъ, и къ тому же одѣтый въ *пимокъ* [1]) и шубу, крестьянинъ не могъ ни

[1]) *Пимокъ* — лопарская одежда. Подр. см. въ Очеркѣ «Кола».

встать, ни обернуться, и, навѣрное, былъ бы загрызенъ волкомъ, еслибъ испуганная лошадь во-время не примчалась въ деревню, гдѣ остервенившійся звѣрь и былъ убитъ сбѣжавшимся народомъ. И все это происходило среди бѣлаго дня, а извѣстно, что ночью волки бываютъ несравненно отважнѣе.

Въ очень снѣжныя зимы, глубокіе снѣга выгоняютъ волковъ изъ лѣсу. Тогда выходятъ они на дороги, голодные, исхудалые, шатаясь отъ изнеможенія. Разъ, одинъ крестьянинъ, ѣхавши на оленѣ, наткнулся на такихъ волковъ, и небольшимъ топорикомъ, который употребляется обыкновенно для выдѣлки сельдянокъ, убилъ ихъ, въ короткое время, до пяти или шести штукъ. Должно быть, волки были полуживые, если даже и олень не боялся ихъ.

У одного знакомаго мнѣ Ковскаго крестьянина, промышлявшаго по зимамъ лѣснымъ звѣремъ, видѣлъ я нѣсколько превосходныхъ куньихъ шкурокъ. Изъ расспросовъ оказалось, что *куница* (Mustela martes) встрѣчается въ лѣсахъ, прилегающихъ къ Ковскому селенію, и что ее промышляютъ только по зимамъ. Мнѣ не случалось еще ни разу охотиться на этого звѣря, а потому, пользуясь случаемъ (крестьянинъ шелъ на другой день въ лѣсъ), просилъ его взять меня съ собою. Въ пятнадцати верстахъ отъ селенія, слѣзли мы съ саней и, подвязавъ лыжи, вошли въ невысокій, но чрезвычайно густой лѣсъ. Застрѣлить куницу, когда она, на всемъ ходу, перекидывается съ вѣтви на вѣтвь, и съ дерева на дерево, въ густомъ лѣсу, съ такою невѣроятною быстротою, что глазъ не успѣ-

вать слѣдить за ея прыжками, рѣшительно невозможно. Она далеко превосходитъ бѣлку въ своихъ передвиженіяхъ по деревьямъ. Разсмотрѣть же ее въ густыхъ вѣтвяхъ ели, когда она сидитъ притаившись въ нихъ, съ трудомъ можетъ даже зоркій, привычный глазъ промышленника; въ такихъ случаяхъ, чтобъ поднять ее съ дерева, стучатъ по стволу. Но если куница невредимо уходитъ иногда отъ выстрѣла, то не уйти ей изъ сѣтки: человѣкъ и для нея придумалъ ловушку.

Съ нами была собака, простая, невзрачная дворовая собаченка, безъ которой, вѣроятно, охота на птицу и звѣря въ лѣсахъ Архангельской губерніи была бы едва ли возможна. Вскорѣ завидѣли мы на снѣгу чей-то мелкій, еще свѣжій слѣдъ: то куница въ прискочку не задолго пробѣжала передъ нами, но идти за нею по этому слѣду было бы совершенно безполезно, такъ какъ онъ прерывался у перваго ближайшаго дерева. Вотъ въ отдаленіи раздается лай нашей собаки, и, по особенной его интонаціи, товарищъ мой заключаетъ, что она подняла куницу. Разъ поднявъ ее съ земли, собака не выпуститъ ее уже изъ виду и будетъ преслѣдовать убѣгающаго звѣрка, съ неумолчнымъ лаемъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не спустится съ дерева и не скроется въ первой понравившейся ему норкѣ. Мы были далеко еще отъ нашей собаки, какъ вдругъ измѣнившійся лай ея далъ намъ знать, что она стоитъ уже надъ добычей, выжидая нашего появленія. Приходимъ на мѣсто. На снѣгу виднѣлось небольшое круглое отверстіе, и въ него-то ускользнула куница. Собака бросалась туда и сю-

да, съ лаемъ и визгомъ разрывая снѣгъ, и по порывистымъ движеніямъ ея можно было заключать, что звѣрекъ, скрываясь подъ снѣгомъ, бѣгалъ въ *щель*, т. е. въ разщелинахъ каменистой почвы. Не медля ни минуты, мы тотчасъ же отоптали снѣгъ вокругъ отверстія и обставили его сѣткой, въ поясъ вышиною, утвердивъ ее на колышкахъ. Куница между тѣмъ не показывалась. Нужно было взять палку и выгонять ее изъ щелья, такъ какъ она, чуя надъ собой собаку, сама собой не выйдетъ оттуда и будетъ скрываться подъ снѣгомъ до наступленія ночи. Но вотъ выскакиваетъ она, наконецъ, изъ подъ самыхъ почти ногъ нашихъ, стрѣлою бросается въ сторону, но тотчасъ же запутывается въ сѣткѣ. Нужно было видѣть, какъ рвался и метался бѣдный звѣрекъ, *варайдая* [1]) и перегрызая въ тоже время сѣтку своими острыми тонкими зубами. Достаточно ей одной минуты, чтобъ уйти изъ нея. Но товарищъ мой не зѣваетъ и тотчасъ же убиваетъ ее палкой: живою голыми руками ее не возьмешь.

Въ былыя времена куница водилась въ большомъ количествѣ повсемѣстно по лѣсамъ средней и южной полосы Россіи. Теперь держится болѣе въ лѣсахъ самыхъ сѣверныхъ ея частей (я не говорю о Сибири), да и тамъ годъ отъ году встрѣчается рѣже. Питается она преимущественно тетеревами, рябчиками и куропатками [2]), нападая на нихъ врасплохъ, когда тѣ сидятъ на землѣ, на ночь зарывшись въ снѣгъ.

---

[1]) Куница *варайдаетъ*, т. е. кричитъ, по мѣстному говору.

[2]) Говорятъ, что ловитъ она и бѣлку.

Куница и *ласка* (Mustela vulgaris)—самые опасные враги для лѣсной птицы. Мнѣ не разъ случалось слышать, что ласка, маленькій звѣрекъ, нападаетъ на глухаря, самую большую изъ лѣсной птицы, впиваясь въ него своими острыми зубами. Перепуганная птица легко поднимаетъ ее съ собою на воздухъ, но вскорѣ падаетъ съ перегрызеннымъ горломъ. Я лично убѣдился въ справедливости этихъ разсказовъ. Разъ, зимою, въ Архангельскомъ уѣздѣ, возвращаясь домой съ охоты на куропатокъ, я замѣтилъ на снѣгу что-то чернѣющееся. Подхожу ближе, и вижу: лежитъ мертвый глухарь. Какой-то маленькій продолговатый звѣрекъ выскочилъ изъ подъ него, при моемъ приближеніи, и быстро скрылся въ снѣгу. То была ласка. У глухаря, мѣстами уже изъѣденнаго, было перегрызено горло.

К О Л А.

Самый Северный городъ Арх. губ.

Г. Кола. — Ѣзда въ керёжѣ. — Станція въ Лопарской тундрѣ. — Сѣверное сіяніе. — Озеро Имандра. — Масельскій погостъ. — Лопари и ихъ бытъ. — Тундра въ ясный зимній день. — Рѣка Кола. — Лисица-сиводушка. — Охота на лисицъ. — Лисица на привадѣ. — Кольская Губа. — Кола. — Кольскіе мѣщане. — Акула Ледовитаго Океана.

На самой сѣверной окраинѣ Архангельской губерніи, на берегу Ледовитаго Океана, стоитъ городокъ, прежде уѣздный, со времени же Крымской войны, заштатный, именуемый Колою. Рѣдко встрѣтишь у насъ человѣка, который не слыхалъ бы объ этомъ городѣ (и извѣстностью этою пользуется онъ единственно ради своей отдаленности), но очень не многимъ доводилось побывать въ немъ. Трудна, охъ, какъ трудна до него дорога въ зимнюю пору, но еще труднѣе лѣтомъ, чрезъ нескончаемый рядъ болотъ и и озеръ. Тотъ, кто задумалъ бы пробраться въ Колу въ лѣтнюю пору, сухимъ путемъ, минуя обычный береговой объѣздъ по морю, и одолѣлъ бы этотъ многотрудный, болѣе чѣмъ тысячеверстный путь, совершилъ бы подвигъ, не мно-

го чѣмъ устунающій тѣмъ, которые совершаются отважными путешественниками, проникающими во внутреннія страны Африки и Америки.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 185* года, слѣдовательно въ самую темную пору для Кольскаго края, когда день продолжается всего какихъ нибудь три часа, выѣхалъ я изъ *Кандалакши*, богатаго селенія, стоящаго при Кандалакской Губѣ, отъ котораго до Колы оставалось еще 205 верстъ. На слѣдующей, *Запечной* станціи, говорили мнѣ въ Кандалакшѣ, было еще двѣ лошади, но я не нашелъ ихъ въ живыхъ: онѣ поколѣли съ голода, поѣвши всего сѣно, какое было въ запасѣ. Здѣсь лошадей смѣнили олени, повозку—*керёжа*. Керёжа—это сани, длиною до 3-хъ аршинъ, съ *болкомъ* [1]), предохраняющимъ сѣдока отъ вѣтра и снѣгу, и формою своею, и отсутствіемъ полозьевъ, напоминающія лодку. Оглобли, разумѣется, не приложимы къ этому лопарскому экипажу; ихъ замѣняетъ ремень изъ оленьей шкуры, также какъ и въ самоѣдской упряжи. Вотъ пристегнули къ нему оленя. Ямщикъ-Лопарь, обыкновенно ѣдущій впереди, уже помѣстился въ своей керёжѣ. Пора влѣзать подъ болокъ. Вдѣвъ ноги въ мѣшокъ изъ оленьей шкуры и накрывшись холщевою полостью [2]), не знаешь, что дѣлать: сидѣть или лежать въ этомъ новомъ,

---

[1]) *Болокъ* — кибитка изъ парусины, прикрѣпляемая къ керёжѣ собственно для проѣзжающихъ. Ямщикъ-Лопарь, какъ и всѣ Лопари, ѣздятъ въ открытыхъ керёжахъ.

[2]) Иногда перепле таютъ сѣдока, поверхъ кережи, ремнями, и тогда лежитъ онъ въ ней точно ребенокъ, спеленатый въ своей колыбели.

непривычномъ экипажѣ. Лежать удобнѣе. Какъ ни тяжело, особенно на первыхъ порахъ, такое положеніе, все же съ нимъ можно свыкнуться, хотя и нужно лежать въ болкѣ постоянно лицемъ вверхъ. Но вотъ затрудненіе, съ которымъ приходится бороться долгое время: необходимо балансировать, сидя или лёжа въ керёжѣ, иначе, она легко можетъ опрокинуться [1]). Тогда болокъ зачернетъ снѣгу, или, если его нѣтъ, рискуешь исцарапать себѣ лицо. Напрасно кричишь тогда ямщику, чтобъ онъ остановился: Лопарь, завалившись въ керёжу, не слышитъ. Будучи предоставленъ самому себѣ, я, движеніемъ всего моего туловища, придаю наконецъ керёжѣ надлежащее положеніе, и затѣмъ во весь тридцативерстный переѣздъ (менѣе не бываетъ) нахожусь въ очень непріятномъ положеніи человѣка, начинающаго обучаться верховой ѣздѣ. Кажется, не трудно прямо удержаться въ сѣдлѣ, а между тѣмъ, когда садишься въ него въ первый разъ, то неудержимо клонишься то на-право, то на-лѣво, и только послѣ нѣсколькихъ уроковъ привыкнешь, наконецъ, къ сохраненію надлежащаго баланса.

Такова ѣзда въ керёжѣ по тундрамъ Кольскимъ въ зимнее время. Дороги постоянной не существуетъ. Малѣйшій вѣтерокъ тотчасъ же заметаетъ неглубокій слѣдъ,

---

[1]) На случай проѣзда губернатора или кого либо изъ значительныхъ чиновниковъ, имѣются на станціяхъ большія, помѣстительныя керёжи. Тогда Лопарь, катясь на лыжахъ, поддерживаетъ керёжу сзади за придѣланныя къ ней длинныя крѣпкія палки, во весь переѣздъ такихъ особъ, чтобъ она не опрокинулась.

оставляемый на снѣгу керёжею. Олень въ пробитой дорогѣ не нуждается, а ямщикъ-Лопарь съ пути не собьется. У него есть свои примѣты, для непривычнаго глаза не уловимыя. Случалось иногда, остановитъ онъ оленя, окинетъ взглядомъ окрестность, пороется въ снѣгу, и ѣдетъ далѣе, перемѣнивъ направленіе. Въ ясныя же ночи путь указываютъ ему звѣзды.

Было уже десять часовъ утра, когда я выѣхалъ изъ Зашеечной станціи, но солнце еще не всходило и только-что начинало свѣтать. День занимался ясный, короткій полярный зимній день, дотого короткій, что не успѣешь оглянуться, какъ уже начинаетъ темнѣть. Я видѣлъ потомъ, часа полтора спустя, какъ багровое солнце показалось изъ-за дальняго лѣсу, и, едва поднявшись, уже опускалось. Ни малѣйшей теплоты не чувствуешь отъ красныхъ лучей его, на короткое время озарившихъ снѣжную равнину, широко раскинувшуюся во всѣ стороны. Еще только второй часъ въ началѣ, но уже подступаетъ ночь, длинная, безъ малаго суточная ночь. Тамъ же, дальше, на берегу Океана одинъ только разсвѣтъ; солнце уже не показывается вовсе.

Но вотъ и станція. Выхожу, или скорѣе, вылѣзаю изъ керёжи и осматриваюсь. Передо мной стоитъ небольшая избушка, кругомъ таже неизмѣнная снѣжная равнина, озаренная ярко сіяющими звѣздами. Тишина невозмутимая: не слышно ни человѣческаго голоса, ни лая собаки. Вхожу въ избушку. Въ ней одна изба, и при ней никакихъ построекъ, ни конюшенъ, ни сарая. Въ избѣ широкія лав-

ки вдоль стѣнъ, въ углу каминъ съ горящими дровами, сложенный изъ камней. Ямщикъ-Лопарь встаетъ съ лавки при моемъ входѣ и молча выходитъ изъ избы. Странное впечатлѣніе производитъ на первыхъ порахъ вся эта обстановка лопарскаго станціоннаго дома, при которомъ нѣтъ ни лошадей, ни смотрителя, ни старосты, гдѣ не спрашиваютъ подорожной и тѣтъ менѣе ее прописываютъ. „Скоро ли лошади, олени то есть?“ спрашиваешь, поправляясь у Лопаря. „Будутъ“, отвѣчаетъ тотъ своимъ обычнымъ невозмутимо-спокойнымъ голосомъ. Остается присѣсть къ огню и ожидать оленей. Дѣло въ томъ, что олени пасутся въ сторонѣ отъ станціи и за ними-то отправился Лопарь, вышедшій изъ избы. Случается иногда, что олени уйдутъ верстъ за двадцать отъ станціи, и тогда приходится высидѣть въ холодной избѣ, согрѣваясь у огня, часа четыре. Но на этотъ разъ, олени были неподалеку, и, часъ спустя, я снова лежалъ въ керёжѣ, занятый единственно мыслью о томъ, какъ бы выдержать во весь предстоявшій тридцативерстный переѣздъ надлежащее равновѣсіе.

Почтовая гоньба въ бывшемъ Кольскомъ уѣздѣ, начиная отъ Зашеечной станціи, отправляется Лопарями, по найму Кольскихъ купцовъ и крестьянъ, снимающихъ ее на торгахъ. Лопари, за извѣстную плату, обязываются держать при станціонныхъ избахъ опредѣленное число оленей, которые, какъ я замѣтилъ выше, обыкновенно пасутся по близости, и, въ случаѣ надобности, приганяются на станцію. Надобность эта, впрочемъ, представ-

ляется рѣдко, въ особенности со времени упраздненія уѣзда. Пройдетъ почта два раза въ недѣлю, да проѣдетъ кой-когда чиновникъ отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ по дѣламъ службы, и только. Другихъ проѣзжихъ нѣтъ, да и быть не можетъ.

Но вотъ и другая станція. Такая же точно избушка, какъ и первая, съ такою же обстановкою. Только здѣсь Лопарское становище, но о становищахъ послѣ. Снова сидишь у огня и выжидаешь оленей. Еще только шесть часовъ вечера, но на дворѣ давно уже ночь, длинная, безконечная ночь. Морозъ градусовъ въ тридцать стучится въ избу и съ трескомъ ходитъ по стѣнамъ, но, благодаря тихой погодѣ, онъ не такъ ощутителенъ. Нехотя оставляешь огонь и укладываешься въ керёжу. Утомленный непривычною ѣздою и убаюканный покачиваніемъ керёжи, я наконецъ засыпаю. Спать, впрочемъ, я не совѣтую тому, кто ѣдетъ зимою по Кольской тундрѣ, въ особенности, когда поднимается вьюга. Случается, что ремень, къ которому пристегается олень, соскакиваетъ съ деревянной рогульки, привязанной къ керёжѣ, и тогда можно навсегда остаться въ тундрѣ. Лопарь-ямщикъ, за вьюгою, не замѣтитъ отсутствія сѣдока и спохватится только тогда, когда пріѣдетъ на станцію. Бросятся, конечно, тотчасъ же его отыскивать, но вьюга уже успѣетъ замести слѣдъ, и нѣтъ тогда возможности отыскать несчастнаго путника: снѣжный сугробъ навсегда схоронитъ его подъ собой. Въ сильную вьюгу, когда въ двухъ, трехъ шагахъ не видишь передъ собой оленей,

обыкновенно. останавливаются. Нужно лежать тогда въ кережѣ, не переставая покачивать ее съ боку на бокъ, чтобъ снѣгъ осыпался съ болка; въ противномъ случаѣ, вьюга занесетъ ее сугробомъ въ двѣ сажени, и болѣе. Олени же, по инстинкту понимая опасность своего положенія, переступаютъ съ ноги на ногу, чѣмъ и освобождаются отъ сыплющагося на нихъ снѣга.

„Вставай, бачка, пріѣхали!“ кричитъ ямщикъ (Кольскіе Лопари говорятъ по русски), отстегая холщевую полость съ болка. Необыкновенный свѣтъ, не-то мѣсячный, не-то звѣздный, озарялъ тундру, по временамъ усиливаясь и ослабѣвая. То было великолѣпное, яркое сѣверное сіяніе, какое можно встрѣтить только въ полярныхъ странахъ, дотого яркое, что, безъ преувеличенія, можно было читать книгу, если бы она имѣлась подъ руками. Изъ-за широкой свѣтовой дуги, охватившей почти полгоризонта, вылетали снопы яркаго свѣта, поминутно видоизмѣняясь и принимая самые разнообразные оттѣнки цвѣтовъ. Глазъ едва успѣваетъ слѣдить за ихъ быстрыми переходами и переливами. Вотъ вылетаетъ изъ за сѣверной окраины дуги снопъ ярко-краснаго цвѣта, за нимъ другой, третій, ихъ мѣсто занимаютъ новые, переходя въ зеленые, блѣдно-желтые, и всѣ они бѣгутъ другъ за другомъ, по направленію къ востоку, то сливаясь, то раздѣляясь, то вдругъ неожиданно исчезая. Темное основаніе свѣтовой дуги ярко выступаетъ тогда на свѣтломъ фонѣ звѣзднаго неба, какъ вдругъ тысячи разноцвѣтныхъ сноповъ одновременно взлетаютъ вверхъ,

достигая самаго зенита. Мѣсяцъ блѣдиѣетъ тогда и звѣзды затмѣваются. Но вотъ они опускаются, все ниже и ниже, и мгновенно пропадаютъ, а тамъ, смотришь, съ сѣвера, снова начинается ихъ быстрая погоня другъ за другомъ.

Здѣсь, на этой широтѣ, явственно слышится шумъ, сопровождающій, обыкновенно, это чудное явленіе, какой-то странный шумъ, точно тамъ, въ вышинѣ, чья-то незримая рука разбрасываетъ нескончаемо-длинный свертокъ полотна... Случалось мнѣ не разъ видѣть сѣверное сіяніе въ другихъ, южнѣе лежащихъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи, но шума этого я не слыхалъ. *Сполохи играютъ* [1]) тамъ втихомолку.

Но вотъ олени спускаются на ровную какъ столъ снѣжную поляну. На ней нѣтъ ни дерева, ни кустарника. Это озеро *Иманра*, самое большее изъ озеръ Кольской тундры, по которому я уже проѣхалъ тридцать верстъ, не замѣтивъ того. Съ *Воронья озера* (такъ называется третья станція отъ Кандалакши) перегонъ идетъ черезъ Иманру, пересѣкая его поперегъ, съ востока на западъ. Озеро это лежитъ въ котловинѣ, съ каменистыми берегами: оно не широко [2]), но въ длину тянется на девяносто верстъ. Лѣтомъ ѣдутъ по немъ въ карбасахъ, или въ лодкахъ, съ двумя ямщиками, хорошо знающими водяные пути. Озеро должно быть очень живописно въ лѣтнюю

[1]) Мѣстное выраженіе, употребляющееся въ Архангельской губерніи, когда говорятъ о сѣверномъ сіяніи.

[2]) Самая большая ширина въ южной его части — 20 верстъ.

пору, судя по множеству заливовъ, далеко уходящихъ въ глубь материка, и остроконечныхъ мысовъ, поросшихъ лѣсомъ. Множество всякой водяной птицы водится на немъ объ эту пору, и неумолкаемый крикъ стоитъ тогда надъ нимъ отъ лебедей, гусей и уток, но теперь все тихо и мертво. Говорятъ, оно страшно бурливо по осенямъ, и тогда представляетъ не менѣе опасности, какъ и переѣздъ моремъ. Не рѣдко случается искать убѣжища на островахъ, называемыхъ *наволоками*, или на берегу, и оставаться въ пустынномъ мѣстѣ по нѣсколку дней.

На другой день по выѣздѣ изъ Кандалакши, къ полудню, пріѣхалъ я въ *Масельскій погостъ*, расположенный при самой сѣверной оконечности Имандры. Лопарскія села въ бывшемъ Кольскомъ уѣздѣ называются погостами, должно быть, потому, что при нѣкоторыхъ изъ нихъ есть часовни, замѣняющія церковь. Собственно, это не села, а зимнія *становища*, такъ какъ съ наступленіемъ лѣта почти все лопарское населеніе выкочевываетъ на рыбные и звѣриные промыслы и возвращается назадъ, обыкновенно, къ Рождеству для уплаты податей. Лопарь, подобно Самоѣду, живетъ исключительно промысломъ, и какъ ни пріурочивай его къ русскому населенію края въ административномъ отношеніи [1]), онъ все-таки остается кочующимъ. Масельскій погостъ внѣшнимъ видомъ своимъ напоминаетъ русскія селенія. Но

[1]) Кольскіе Лопари раздѣляются на *общества*, подвѣдомственныя Ковскому Волостному Правленію, и имѣютъ своихъ старшинъ.

едва войдешь въ избу, какъ тотчасъ же увидишь, что изба поставлена такъ-себѣ, для формы. Лопарь не живетъ въ ней. Въ избѣ холодно: печь есть, но она не топится. У каждаго домохозяина есть при этой, форменной, такъ сказать, избѣ пристройка — первобытная *вежа* [1]), только видоизмѣненная, согласно ея назначенію, какъ постояннаго жилья, а потому рубленная. Здѣсь нѣтъ печи. Ее замѣняетъ огонь, горящій по срединѣ, какъ и въ самоѣдскомъ *чуму*; въ крышѣ отверстіе, для выхода дыму. У этого огня Лопарь и проводитъ долгую зиму. Вотъ онъ сидитъ передъ этимъ огнемъ, окруженный семьею, починяя *пимокъ* [2]), не возмутимый и молчаливый, но всегда готовый къ услугамъ и предупреждающій малѣйшее ваше желаніе. Вообще, Лопари права очень тихаго и добраго. Въ нравственномъ отношеніи они стоятъ выше Самоѣда, не говоря уже о сосѣдней Корелѣ, которая, не смотря на свою осѣдлость, до чрезвычайности лѣнива, груба и плутовата [3]). Лопари не ѣдятъ сырого мяса оленя и не пьютъ

[1]) *Вежа* — землянка, или берестяный шалашъ.

[2]) *Пимокъ* — кафтанъ изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ; надѣвается, также какъ и самоѣдскій *совикъ*, съ головы. Совика же, шубы шерстью вверхъ, къ которой пришивается и шапка, Лопари не носятъ. Шапка у нихъ, большею частью, шьется изъ россомашьяго мѣха и огорачивается цвѣтнымъ сукномъ. Летомъ носятъ кафтаны изъ бѣлаго и сѣраго сукна. У женщинъ бѣлые и синіе холщевые сарафаны; на головахъ носятъ такъ называемыя *сороки*, изъ кумача, съ *зонтыльниками* изъ краснаго сукна, вышитаго бисеромъ.

[3]) Я не слыхалъ, чтобъ между Кольскими Лопарями совершилось когда либо убійство, грабежъ, кража или какое либо другое уголовное преступленіе.

его крови, какъ Самоѣды; ктому же, оленеводство находится у нихъ далеко не въ столь дикомъ состояніи, какъ у этихъ послѣднихъ. Олень у Лопаря—животное домашнее, дающее ему молоко и сыръ. Впрочемъ, бытовая обстановка у Лопаря таже, что и у Самоѣда. Лопарь показался мнѣ еще грязнѣе и неопрятнѣе въ своей вонючей избѣ, увѣшанной просушивающимися оленьими шкурами. Желѣзный котелокъ составляетъ единственную утварь въ его домашнемъ обиходѣ: въ немъ онъ и пищу варитъ, въ немъ же и ребятъ замываетъ...

Лопарь еще дѣтски простъ и наивенъ. Разъ, одинъ чиновникъ, объѣзжавшій лопарскіе погосты по дѣламъ службы, въ досадѣ на одного Лопаря за то, что тотъ нечаянно опрокинулъ чайникъ потаскалъ его за волосы. Лопарь ударился въ слезы, а за нимъ и вся семья его. Перепуганный бѣднякъ долго не могъ успокоиться, воображая, что онъ совершилъ страшное преступленіе, и, уже наказанный не въ мѣру за свою неловкость, спрашивалъ еще сквозь слёзы, что̀ ему за то будетъ. Дотого мало еще развито въ народѣ этомъ сознаніе своего человѣческаго достоинства.

Лопари Масельскаго погоста представляютъ рѣдкое исключеніе изъ остальнаго одноплеменнаго съ нимъ населенія края. Народъ все такой рослый и видный, разумѣется, относительно, ибо Лопарское племя—самое малорослое изъ всѣхъ другихъ племенъ одной съ нимъ расы. Но женщины, какъ и вездѣ, несравненно малорослѣе мужчинъ. Онѣ гораздо подвижнѣе и говорливѣе своихъ му-

жей. Вотъ приходятъ въ избу Лопаря, въ которой я провелъ безъ малаго двои сутки, за невозможностью ѣхать далѣе по случаю начинавшейся вьюги, двѣ Лопарки, должно быть, пріятельницы его жены. Нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, повели онѣ съ нею оживленный, неумолкаемый разговоръ. У той и другой были на рукахъ деревянные ящички, похожіе на гробики; въ нихъ лежали спеленатыя грудныя дѣти. Угощеніемъ служили *рески*, прѣсныя лепешки изъ ржаной муки, которыя пекутся, также какъ и у Самоѣдовъ, на приставляемыхъ къ огню дощечкахъ. Лепешки эти, изъ чистой муки, составляютъ роскошь для Лопаря; большею частью, ѣстъ онъ ихъ испеченными на-половину съ мхомъ (ягелемъ) [1]). У кого есть въ избѣ куль муки, тотъ считается достаточнымъ человѣкомъ. Соленая и вяленая озерная рыба составляетъ главную пищу Лопаря въ зимнее время. Оленину ѣдятъ въ рѣдкихъ случаяхъ, когда напр. оленя порветъ волкъ или когда онъ сломаетъ себѣ ногу: тогда его рѣжутъ на мясо. Рогатаго скота нѣтъ. Есть овцы [2]), мелкія, тощія, которыхъ на зиму помѣщаютъ въ ямахъ и кормятъ мхомъ; я не видалъ, чтобъ Лопари ѣли ихъ мясо, и для чего держатъ ихъ, понять трудно.

Въ настоящее время Лопари очень бѣдны оленями; рѣдко у кого изъ нихъ есть полсотни головъ. Сильные падежи за послѣднія десятилѣтія, много истребили у нихъ

[1]) Въ иныхъ Лопарскихъ погостахъ видѣлъ я *лепешки*, испеченныя изъ высушенныхъ и обращенныхъ въ муку ягодъ рябины.

[2]) Впрочемъ, не во всѣхъ погостахъ: я встрѣчалъ ихъ мѣстами.

оленей. Много гибло и теперь гибнетъ ихъ подъ страшными зубами волковъ, которые развелись по тундрѣ въ такомъ огромномъ количествѣ, что необходимо стеречь пасущееся стадо. А стеречь его очень трудно, такъ какъ олени уходятъ отъ становища иногда на тридцать и болѣе верстъ. Зачуявъ волка, они, обыкновенно, сбѣгаются къ сторожу, и тѣмъ избавляются отъ его зубовъ. Разъ въ *Умбѣ*, на Кандалакскомъ берегу, ямщикъ едва успѣлъ внести вещи мои въ почтовую избу, какъ волкъ порвалъ одного изъ его оленей. И это въ селеніи, у самаго крыльца дома, такъ что же послѣ этого въ голой, пустынной тундрѣ!

Теперь Кольскіе крестьяне богаче оленями Лопарей; у иныхъ, на Терскомъ берегу, имѣется до пятисотъ головъ. Не мало оленей [1]) переходитъ къ нимъ за водку, къ которой Лопари, живущіе по близости русскихъ селеній, пристрастны не менѣе Самоѣдовъ. Дальніе Лопари водки не пьютъ, и не будутъ пить, если даже имъ и прикажешь. Такъ въ Мясельскомъ напр. погостѣ нѣтъ питейнаго дома, а потому Лопарь, у котораго я останавливался, отказался отъ предложеннаго ему стакана вина, какъ я его ни упрашивалъ. Оказалось, что онъ никогда не пивалъ

---

[1]) Лопарскій олень (Кольской тундры) замѣтно отличается отъ Самоѣдскаго (тундры Мезенской) своимъ сложеніемъ. Онъ тонокъ, съ длинной шеей и съ большими вѣтвистыми рогами, иногда въ пудъ вѣсомъ; Самоѣдскій же олень плотнѣе, сутуловатъ, и рога у него меньше. Замѣчательно, что мезенскій олень, будучи перевезенъ на Терскій берегъ, видоизмѣняется съ теченіемъ времени, усваивая конструкцію Лопарскаго оленя

ни вина, ни водки. Жена его предложила мнѣ рыбы. То былъ соленый сигъ. Я попробовалъ, но ѣсть не могъ. Лопари, за недостаткомъ соли, солятъ рыбу пепломъ. Только лопарскій желудокъ и можетъ ѣсть посоленную такимъ образомъ рыбу. Будучи приписаны къ волостямъ, Лопари имѣютъ одинаковое право съ русскими крестьянами на полученіе соли, но получаютъ ее, конечно, въ слѣдствіе злоупотребленія волостныхъ властей, въ пропорціи несравненно меньшей. Пользуясь этимъ, Кольскіе купцы и крестьяне, торгующіе рыбой, обязываютъ Лопарей, за пудъ выдаваемой ими соли, уплатою пуда семги, которую они ловятъ въ лѣтнюю пору по озерамъ и порожистымъ рѣкамъ Кольской тундры, по цѣнѣ въ 1 руб. 20 коп. не болѣе. Такая эксплуатація на предметѣ первой необходимости не можетъ не имѣть, конечно, чрезвычайно вреднаго вліянія на благосостояніе лопарскаго населенія края. Такъ, впрочемъ, было прежде; теперь, слышалъ я, положеніе Лопарей, въ этомъ отношеніи, улучшено.

Лопари бывшаго Кольскаго уѣзда давно уже обращены въ христіанскую вѣру, еще въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго, Преподобнымъ Трифономъ Печенскимъ. Церквей, впрочемъ, по погостамъ ихъ нѣтъ. Священникъ, изъ ближайшаго русскаго селенія, только разъ въ зиму пріѣзжаетъ къ подвѣдомственнымъ ему Лопарямъ, а потому креститъ и отпѣваетъ разомъ всѣхъ народившихся и умершихъ за лѣто. Лѣтнія же посѣщенія невозможны, такъ какъ Лопари оставляютъ на это время свои погосты, промышляя въ тундрѣ звѣря и рыбу. О

просвѣтляющемъ религіозномъ вліяніи священника на это полудикое еще племя не можетъ, значитъ, быть и помину. Разъ, зимою. не припомню уже, въ какомъ погостѣ, зашелъ я въ лопарскую избу. Въ углу, накрытая оленьими шкурами, лежала больная старуха. Сильные стоны и оханья ея заставили бывшихъ въ избѣ Лопарей предполагать. что она умираетъ. Смотрю, вытащили ее изъ-подъ шкуры и давай натирать ей горло ладаномъ. На вопросъ мой. для чего они это дѣлаютъ, Лопари отвѣчали, что „вытираютъ душу“. Бѣдняки полагали, что ладанъ способствуетъ скорѣйшему выдѣленію души изъ тѣла!

На третій день по пріѣздѣ моемъ въ Масельскій погостъ, вьюга прекратилась, и я отправился далѣе. Великолѣпный видъ представляетъ тундра въ короткій зимній день, особенно при солнечномъ освѣщеніи. Широко раскинулась она во всѣ стороны, сверкая, точно алмазами, миріадами снѣжинокъ. Полярныя сосны, съ ихъ высокими гладкими стволами и шапковидными вершинами, купами разбросанныя по тундрѣ, напоминаютъ пальмовые оазы африканскихъ пустынь. Тамъ и сямъ стоятъ высокія горы, точно опрокинутыя громадныя чаши, опоясанныя хвойнымъ лѣсомъ; ихъ круглыя, снѣжныя вершины ярко рисуются на чистомъ небѣ, принимая, смотря по бо́льшей или меньшей ихъ отдаленности, то голубоватые, то фіолетовые оттѣнки. Но глазамъ больно: долго на нихъ не засмотришься. Говорятъ, на вершинахъ этихъ есть озера. Здѣсь, въ тундрѣ, есть и миражъ, какъ въ африканской песчаной степи. Вонъ, кажется, облако опустилось

на одну изъ этихъ горныхъ вершинъ и окутало ее точно бѣлымъ покровомъ; но минуту спустя, его уже нѣтъ. А тамъ вдали, смотришь, поднимается цѣлый городъ съ башнями и церквами монументальной постройки. Иногда на чистомъ горизонтѣ тундры увидишь оленя, запряженнаго въ керёжу, за нимъ покажется другой, третій, и потянутся они длинною вереницею, постепенно удаляясь въ глубь синѣющаго неба, и вдругъ исчезнутъ. Вспомните миражныхъ верблюдовъ въ песчаной экваторіальной степи, и сходство ея съ снѣжною полярною тундрою, не смотря на всю громадную разность ихъ географическаго положенія, будетъ самое полное.

День становился короче и короче, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались на сѣверъ, и наконецъ, когда мы были за два перегона отъ Колы, солнце уже не показывалось вовсе. Занялась одна только багровая заря, и утренняя и вечерняя вмѣстѣ. И увидишь-то ее только въ ясный день, а какъ затянетъ небо сѣро-свинцовыми облаками, да поднимется вьюга, такъ тогда и разсвѣта не замѣтишь.

Въ послѣднихъ перегонахъ. дорога перешла съ тундры на рѣку, Колу, если не ошибаюсь, порожистую, протекающую въ высокихъ берегахъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ. Мѣстами она, не смотря на тридцатиградусный морозъ, не замерзаетъ; въ круглыхъ отверстіяхъ торчатъ камни, и вода кипитъ и бурлитъ въ нихъ, точно въ котлѣ. Только олени и могли спуститься по высокому берегу, причемъ нужно было употребить въ дѣло всю пріобрѣтенную въ продолженіи пути сноровку, чтобъ удержать

керёжу въ равновѣсіи. Дорога шла по замерзшему прибрежью рѣки. Мѣстами она была очень пологата, и на первыхъ порахъ страхъ забиралъ меня, когда керёжа скатывалась почти до самой окраины котловинъ. Но глядя на твердую поступь оленей, постоянно забирающихъ *въ гору*, понемногу успокоиваешься и свыкаешься съ такимъ, повидимому, опаснымъ положеніемъ.

Начинало смеркаться, когда Лопарь остановилъ своего оленя и, подошедши ко мнѣ, сказалъ, что завидѣлъ лисицу. Взявъ винтовку, я вышелъ изъ керёжи и на противоположномъ берегу рѣки, шагахъ во ста внизъ по теченію, увидѣлъ какого-то звѣря, который ходилъ по окраинѣ прибрежнаго льда и посматривалъ въ воду. Я сталъ подходить къ нему, скрываясь, по возможности, за растущими на берегу деревьями и кустарникомъ. Ширина рѣки была въ этомъ мѣстѣ незначительная, такъ что можно было отчетливо разсмотрѣть красиваго звѣря. Завидѣвъ меня, лисица повернулась къ лѣсу, но на минуту остановилась и посматривала на меня черезъ голову, навостривъ уши и свернувъ трубою свой пышный хвостъ. Я выстрѣлилъ. Лисица сдѣлала нѣсколько прыжковъ по направленію къ лѣсу, но дальше бѣжать не могла, и по порывистымъ движеніямъ ея видно было, что она ранена. Что было дѣлать? Перейти черезъ рѣку, не замерзавшую въ этомъ мѣстѣ по срединѣ, не было никакой возможности. Жаль было оставить раненаго звѣря, но Лопарь вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія, сказавъ, что за полверсты ниже есть *черезъ*, по которому можно

перейти на другую сторону рѣки. По этому черепу. ледянымъ сводомъ висѣвшему надъ рѣкой, точно по мосту, осторожно перебрался я на противоположный берегъ, и вскорѣ, не смотря на глубокій снѣгъ, былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ раненой лисицы. Она лежала на снѣгу, щелкая зубами, точно ножницами, и взять ее, не добивши, было не совсѣмъ безопасно. Убитая мною лисица оказалась изъ такъ называемыхъ *сиводушекъ*. Сиводушка, по достоинству мѣха, занимаетъ первое мѣсто послѣ чернобурой лисицы [1]). Въ настоящее время, въ Кольской тундрѣ она встрѣчается рѣдко, и то по берегамъ порожистыхъ рѣкъ, куда приходитъ она по зимамъ кормиться остатками рыбы, выносимой на ледъ выдрами. Она очень чутка и осторожна, и кольскіе промышленники не мало удивлялись потомъ, какъ это мнѣ удалось убить ее.

Въ Кольскомъ уѣздѣ промышляютъ *лисицу* (Canis vulpes) по зимамъ различными способами. Ходятъ за ней иногда безъ собаки, выбирая вѣтряные, снѣжные дни. Въ такое время лисица, обыкновенно, выходитъ изъ лѣсу. Смѣтливый, чрезвычайно сторожкій звѣрь этотъ знаетъ очень хорошо, что за мягкимъ снѣгомъ, не шумящимъ подъ ногами, и за-вѣтромъ, онъ можетъ не услышать приближенія охотника, да ктому же и слѣда своего боится. Вотъ выйдетъ лисица изъ лѣсу, да и завалится гдѣ ни-

[1]) Чернобурой лисицы мнѣ не случалось встрѣчать ни разу во все время моихъ переѣздовъ по Кольскому и Кемскому уѣздамъ, ни даже слышать, чтобъ она водилась въ этихъ краяхъ.

будь на открытомъ мѣстѣ, свернувшись колечкомъ, а снѣгъ между тѣмъ засыпаетъ ее. Лежитъ она себѣ тогда спокойно, слегка пошевеливаясь только, чтобъ совсѣмъ не занесло, въ полной увѣренности, что охотникъ не замѣтитъ ее. Хитра она очень, но не перехитрить ей человѣка. Разъ, зимою, во время пребыванія моего въ Ковдѣ, ходилъ я такимъ образомъ на лисицу съ однимъ изъ ковскихъ промышленниковъ. Нужно было удивляться зоркости его глазъ. Идешь, бывало, съ нимъ по снѣжной полянѣ, какъ приложится онъ вдругъ изъ своей винтовки и, смотришь, въ сторонѣ вскинется изъ подъ снѣгу подстрѣленная лисица. Сквозь мятелицу, правда легкую, шагахъ въ сорока и болѣе, нужно же усмотрѣть красноватую полоску, которою обозначается спина лисицы, засыпанной снѣгомъ! Требуется сноровка и на то, чтобъ подойти къ ней, не показывая виду, что примѣчаешь ее, иначе, она мигомъ устелетъ.

Стрѣляютъ лисицъ и въ лѣсу на привадѣ. Бросятъ падаль, а воронъ, обыкновенно первымъ являющійся на нее, крикомъ приведетъ за собой и лисицу [1]). Только и тутъ нужна большая осторожность, чтобъ хитрый звѣрь не зачуялъ присутствія охотника.

Ловятъ лисицъ и въ капканы, или же на отравленную птицу. Убитой птицѣ, *куропто* или воронѣ, кладутъ, обыкновенно, ядъ [2]) въ голову: лисица всегда начинаетъ ѣсть птицу съ головы. Я видѣлъ разъ, какъ одинъ кре-

[1]) Большею частью стрѣляютъ ее такимъ образомъ Лопари.
[2]) Сулему.

стьянинъ ставилъ для нея капканъ. Привязавъ къ веревкѣ убитую и предварительно окуренную ворону (взять и привязать ее нужно не иначе, какъ въ рукавицахъ), шелъ онъ въ лѣсъ, и, поволочивъ ее за собой, по близости того мѣста, гдѣ стоялъ капканъ, оставлялъ надъ нимъ. Лисица, зачуявъ добычу, бѣжитъ, обыкновенно, по слѣду, но въ ту минуту, когда наложитъ на нее свои лапы, попадаетъ въ капканъ, слегка прикрытый снѣгомъ. Отравленную же птицу, принимая тѣже предосторожности, кладутъ на пенёкъ или просто бросаютъ на снѣгу. Разсказываютъ, что иная лисица, почувствовавъ боль въ желудкѣ, отъѣдается снѣгомъ и уходитъ. Но это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отрава слаба, или положена въ недостаточномъ количествѣ; большею частью, звѣрь издыхаетъ скоро, тутъ же на мѣстѣ, не успѣвъ отбѣжать и на нѣсколько сажень.

Но вотъ и Кола. Дорога круто поворачиваетъ влѣво, и городокъ неожиданно выступаетъ изъ-за высокаго прибрежья рѣки. Я говорю, городокъ, потому что таково официальное его наименованіе: по внѣшнему виду своему, это скорѣе деревня, во многомъ уступающая инымъ приморскимъ селамъ бывшаго Кольскаго уѣзда. Жалкое впечатлѣніе производятъ эти два, три дома и нѣсколько избъ, растянутыхъ по берегу рѣки Колы. Правда, я посѣтилъ Колу спустя два года послѣ того, какъ въ Крымскую войну она была сожжена Англичанами, но и до того, полагаю, городокъ этотъ былъ очень невзраченъ на видъ. Единственная каменная постройка въ городѣ — это быв-

шее казначейство, теперь обращенное въ винный складъ. Рѣзко бросается въ глаза, среди обстраивающагося города, древній Кольскій соборъ [1]), уцѣлѣвшій отъ непріятельскаго погрома: деревянная церковь, во имя Воскресенія Христова, о девятнадцати главахъ, и колокольня на столбахъ, почернѣвшія отъ времени, стоятъ, поддерживаемыя контрфорсами, безъ малаго два столѣтія, переживъ другія церкви, гораздо позже ихъ выстроенныя.

Верхняя часть города, гдѣ находились присутственныя мѣста и лучшіе дома городскихъ обывателей, почти вся разрушена и сожжена англійскими бомбами; на нижней или *Подолѣ*, какъ ее называютъ, уцѣлѣло нѣсколько домовъ и избъ. Коляне еще не успѣли обстроиться и жили въ земляпкахъ: окна въ дерновыхъ крышахъ, стоящихъ въ одномъ уровнѣ съ землею. И въ такихъ землянкахъ люди выживали безъ малаго восьмимѣсячную зиму!

Кола стоитъ между устьями рѣкъ Туломы и Колы, при самой оконечности Губы [2]). Кольская Губа не широка, но не смотря на то, не замерзаетъ, въ иныя зимы даже въ берегахъ. Глубокая и защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ высокими берегами, она могла бы служить превосходною военною гаванью, если бъ не отдаленность ея положенія.

Тяжелое впечатлѣніе оставляетъ въ душѣ этотъ заливъ

[1]) Построенъ въ 1681 году.

[2]) Отъ города до Океана пятьдесятъ верстъ. Большіе корабли, за мелководьемъ, не доходятъ до города, останавливаясь въ двадцати четырехъ верстахъ отъ него, въ Екатерининской гавани.

въ зимнее время, когда небо заволокутъ свинцовыя облака, затемняющія и безъ того темный декабрьской день. Угрюмо глядитъ тогда сквозь мглу темная его поверхность, а суровыя мрачныя скалы, обступающія его со всѣхъ сторонъ, еще болѣе усиливаютъ тяжесть впечатлѣнія.

Подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на душу вся эта обстановка раззореннаго города, и едва пробудешь въ немъ два, три дня, какъ уже помышляешь о томъ, какъ бы поскорѣе изъ него выбраться. Нужно родиться и вырости здѣсь, чтобы свыкнуться съ двухмѣсячнымъ полнымъ отсутствіемъ свѣта [1]), съ продолжительными морозами въ тридцать и болѣе градусовъ, наконецъ, съ страшными вьюгами, завывающими по цѣлымъ недѣлямъ и заносящими дома такъ, что нужно отрываться изъ-подъ снѣгу. Но живутъ же люди и здѣсь, забывая объ этихъ въ высшей степени неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ и свыкаясь съ ними. У нихъ есть свои интересы, свои цѣли и стремленія, безъ которыхъ немыслима была бы жизнь въ этомъ отдаленномъ, суровомъ краѣ.

Большинство жителей Колы составляютъ мѣщане. Есть между ними и купцы, вышедшіе изъ тѣхъ же мѣщанъ, но ихъ не много. Одинъ, два, и обочтешься. Все это потомки выходцевъ новогородскихъ, народъ видный и рослый, особенно женщины. Нигдѣ, во всемъ русскомъ населеніи Бѣломорскаго края, за исключеніемъ Ковды, Кере-

---

[1]) Въ Колѣ солнце бываетъ не видимо съ 17-го ноября по 4-е января; не заходитъ же съ 14-го мая по 6 іюля.

ти, до Пустозерска, не встрѣчалъ я такихъ рослыхъ, стройныхъ и красивыхъ женщинъ.

Мѣщане Кольскіе промышляютъ рыбою и морскимъ звѣремъ. Кто посостоятельнѣе, заводитъ себѣ шняку, кто побѣднѣе — идетъ къ нему въ работники. Рѣдко кто изъ нихъ безграмотенъ. Есть между ними не мало и такихъ, которые законы читаютъ и сами для себя и для другихъ прошенія сочиняютъ. Говорятъ, законники эти — сутяги и кляузники вмѣстѣ съ тѣтъ страшные, уступающіе въ этомъ отношеніи однимъ только панамъ и козакамъ извѣстныхъ малороссійскихъ мѣстечекъ. Не даромъ, и поговорка сложилась на нихъ такая: „городъ (Кола) уда, а народъ крюкъ“. Бѣда попасть имъ въ руки! Кемское Полицейское Управленіе и Уѣздный Судъ, слышалъ я, со времени упраздненія Кольскаго уѣзда, завалены дѣлами, возникшими въ Колѣ, пустыми, ничтожными нерѣдко дѣлами, поднимающимися изъ-за какой нибудь бочки или сѣтки, тѣмъ не менѣе требующими извѣстной переписки и разрастающимися иногда въ сотню листовъ.

Въ Колѣ указывали мнѣ на одного Норвежца, фамиліи котораго теперь не припомню. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пріѣхалъ онъ въ этотъ городъ и научилъ Колянъ ловить акулу [1]). Страшно хищная рыба эта во множествѣ водилась тогда въ Океанѣ, держась, большею частью, въ берегахъ и заходя въ самую Кольскую Губу. Много тер-

[1]) Въ прежніе годы, слышалъ я, акулу ловили въ Кольской Губѣ, но разъ какъ-то рыба эта пришла въ такомъ огромномъ количествѣ, что Коляне испугались и дали *зарокъ* не ловить ее болѣе.

пѣли отъ нея Коляне, промышляющіе, какъ извѣстно, трескою. „Бывало“, разсказывалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, „вытянешь *ярусъ* [1]), анъ смотришь, головы однѣ торчатъ на крючьяхъ: поѣстъ, проклятая, всю рыбу. А то, бывало, и уды пооткусываетъ съ наживкой. Да спасибо *Шведу* [2]). Повывели мы ее порядкомъ, и теперь не такъ ужъ больно обижаетъ насъ“. Ловили акулу въ Губѣ, по осенямъ. Предварительно опускали на дно ящикъ, съ пробуравленными въ немъ отверстіями, и клали въ него сильно пахучую ворвань. Привлеченная запахомъ, акула приходила на это мѣсто изъ Океана, а обоняніе, говорятъ, развито у нея до такой сильной степени, что зачуетъ она приманку за сотню верстъ. Ктому же, ворвань теченіемъ далеко уносило въ Океанъ. Тогда промышленники пріѣзжали сюда на шнякахъ. Ловъ производился по ночамъ. Снасть состояла изъ цѣпи съ крюкомъ, на который насаживался кусокъ ворвани, трески или какой нибудь другой рыбы. Акула не заставляла долго ожидать себя и жадно хваталась за наживку, проглатывая ее вмѣстѣ съ крюкомъ. На первыхъ порахъ уловъ акулы былъ дотого прибыленъ, что въ одну ночь, слышалъ я, промышленники наживали по 25 рублей на человѣка, и это отъ одного только сала, такъ какъ, вытащивъ акулу, они вынимали изъ нея одну только печень, а все остальное, *раушку*, обыкновенно, вы-

---

[1]) *Ярусъ*—рыболовная снасть, которою ловятъ треску. Подр. см. въ очеркѣ «Мурманскій берегъ».

[2]) Въ Колѣ Норвежцевъ, также какъ и Финляндцевъ, называютъ Шведами.

брасывали за бортъ [1]). „Страхъ забиралъ“, разсказывалъ мнѣ одинъ мой знакомый, присутствовавшій на ловлѣ, „какъ потянутъ, бывало, попавшуюся на крюкъ двухсаженную рыбу, а другія, окруживъ шняку, десятками начнутъ выставать изъ воды, чернѣясь на ея освѣщенной огнемъ поверхности своими чудовищными спинами“.

Акула Ледовитаго Океана (Scymnus glacialis. Nils.) меньше тропической [2]) (Squalus maxima. *L.*), но не уступаетъ ей въ хищности. Я видѣлъ ее въ Архангельскѣ, куда она привезена была разъ, какъ рѣдкость. Она была длиною въ двѣ сажени; цвѣтъ кожи темно-синій. Сало ея, говорятъ, даетъ превосходный матеріалъ для освѣщенія.

---

[1]) Выпотрошенной акулѣ вздували, обыкновенно, пузырь, *плосъ*, который поддерживалъ ее на водѣ, вслѣдствіе чего ее и уносило теченіемъ въ Оксанъ. Дѣлалось это для того, чтобъ не испортить улова, ибо, въ противномъ случаѣ, хищная акула оставила бы наживку и стала бы пожирать своихъ собратій, выбрасываемыхъ за бортъ. Прежде, слышалъ я, изъ кожи акулъ дѣлали *окончины*, за неимѣніемъ стеколъ и слюды.

[2]) Вѣсомъ отъ 2-хъ до 13-ти пудовъ.

МУРМАНСКІЙ БЕРЕГЪ.

Мурманскій берегъ зимою.—Переѣздъ по Океану въ шнякѣ.—Становище.—Покручники.—Полярная куропатка.—Песцы.—Цинга.—Ярусъ и его устройство.—Рыбная ловля на отмеляхъ.—Треска и палтусъ.—Становище зимою.—Мурманскіе Лопари.—Бури въ Ледовитомъ Океанѣ.—Св. Носъ.

Есть мѣстности въ обширной Архангельской губерніи, гдѣ, въ лѣтнюю пору, нѣтъ проѣзжей дороги, и если бы вы, избѣгая морскаго пути, задумали отправиться туда сухимъ путемъ, то вамъ пришлось бы идти нѣсколько сотни верстъ. Къ такимъ мѣстностямъ принадлежитъ *Мурманскій берегъ* [1]), начинающійся у Св. Носа и идущій вплоть до самой Норвежской границы. Нѣсколько промысловыхъ, да лопарскихъ становищъ,—вотъ все, что встрѣтишь на пятисотверстномъ протяженіи этого пустыннаго берега [2]). Зимою ѣздятъ здѣсь на оленяхъ. Разъ, довелось

---

[1]) Некажен. Нормандскій, какъ полагаютъ нѣкоторые.

[2]) Отъ Св. Носа до Колы считается слишкомъ 400 верстъ; отъ Колы до Финмаркена—200.

ѣхать мнѣ этимъ берегомъ въ январѣ мѣсяцѣ. Боже, что́ за вьюги стояли здѣсь въ это время! День и ночь, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, завывала она, взрывая снѣгъ съ тундры, и крутя имъ въ воздухѣ. Короткій темный день казался еще темнѣе. Лежишь, бывало, въ болкѣ по цѣлымъ суткамъ, наглухо закрывшись пологомъ, лежишь, и не выглянешь. Тутъ ужъ не будешь обозрѣвать мѣстности: кромѣ снѣгу не увидишь ничего.

Въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, когда я собирался уже выѣхать изъ Колы, приходитъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ кольскихъ знакомыхъ, служившій при откупѣ, и сообщаетъ мнѣ, что на другой день ѣдетъ онъ съ грузомъ водки на Мурманскій берегъ, и что если мнѣ угодно будетъ, *прогулки ради*, отправиться вмѣстѣ съ нимъ, то тѣмъ доставлю ему большое удовольствіе. *Прогулки ради*, въ Океанъ, безъ малаго на пятьсотъ верстъ, считая туда и обратно! Такъ мало значенія придавалъ предстоявшему мнѣ пути знакомый мой, кольскій уроженецъ, съизмала привыкшій къ тысячеверстнымъ морскимъ переѣздамъ.

На другой день, рано утромъ, сѣвъ на *шняку*, стали мы выбираться изъ Кольской Губы. *Шняка*—очень легкое на ходу морское судно, поднимающее до 500 пудовъ груза, сшивное изъ толстыхъ досокъ, съ высокими *набоями* (бортами) и съ разборною палубою, дающею ему возможность, въ тихую погоду, идти на веслахъ. Она всегда осмаливается снаружи, сколько для прочности, столько и для того, чтобъ извѣстныя уже читателю косатки, какъ

объяснялъ мнѣ одинъ Кольскій промышленникъ, не взрѣзали ее своими горбами, приявъ за бѣлуху.

Было время отлива, а потому шняка наша быстро подвигалась впередъ, оставляя за собой высокіе берега Кольской Губы. Не весело глядитъ она и въ лѣтнюю пору. Высокія темныя гранитныя скалы, обступающія ее съ той и другой стороны, дѣйствуютъ подавляющимъ на душу образомъ. Узкая въ началѣ, Кольская Губа расширяется по мѣрѣ приближенія къ Океану, съуживаясь снова при самомъ входѣ въ него. Было тихо, но Океанъ волновался. Онъ не могъ еще успокоиться послѣ бури, бывшей за нѣсколько дней до нашего выѣзда. Ледовитый Океанъ — не Бѣлое море, скоро стихающее послѣ сильной погоды. Говорятъ, нужна цѣлая недѣля совершеннаго безвѣтрія, чтобъ сильно взволнованныя воды его улеглись до глади, напоминающей зеркало. Маленькую шняку нашу какъ щепку начало побрасывать со стороны на сторону, пока поставленный парусъ, наполнившись вѣтромъ, не придалъ ей надлежащаго направленія. Влѣво отъ насъ высоко поднимался надъ водою островъ *Кильдинъ*. Вправо потянулся высокій Мурманскій берегъ, „пустынный и мрачный гранитъ", кой-гдѣ поросшій мелкимъ лѣсомъ. Сюда-то, съ наступленіемъ весны, сходятся *покрученики*, большею частью, крестьяне Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ (есть между ними и Олончане), нанимаясь въ работники у богатыхъ Поморовъ, занимающихся промыслами,—народъ, что говорится, „сорви голова". Идутъ они большими партіями, человѣкъ по пятидесяти и болѣе, въ по-

слѣднихъ числахъ февраля и въ началѣ марта, слѣдовательно, еще зимою. Сборнымъ мѣстомъ служитъ Кола, откуда они и расходятся по становищамъ, расположеннымъ на Мурманскомъ берегу. Нѣкоторые изъ нихъ идутъ туда прямо, поворачивая вправо отъ *Рась-Наволока*. Разъ, проѣздомъ въ Колу, наѣхалъ я на одну изъ такихъ партій. Покручники шли пѣшкомъ. У многихъ изъ нихъ были собаки, запряженныя въ *чумки*; бойко тащили онѣ эти небольшія санки, порядкомъ нагруженныя поклажью ихъ хозяевъ. Съ наступленіемъ ночи, я увидѣлъ за собой огромное зарево. То покручники жгли лѣсъ на ночлегѣ.

На третій день по выѣздѣ изъ Колы, мы подходили къ одному изъ *становищъ* [1]), названія котораго теперь уже не припомню. Большая шкуна, тяжело нагруженная рыбою, снялась на нашихъ глазахъ съ якоря, поспѣшая въ Архангельскъ, гдѣ уже поджидаютъ подвоза трески осенняго улова. Скалистый берегъ здѣсь не высокъ, но приглубъ на столько, что шняка наша подошла къ нему, какъ лодка. Нѣсколько избъ, большихъ, правда, съ просторнымъ помѣщеніемъ, два хлѣбныхъ магазина, да амбары для склада соли, — вотъ всѣ постройки въ становищѣ. Я не говорю о питейныхъ выставкахъ, которыхъ вездѣ, по всѣмъ становищамъ Мурманскаго берега, преизрядное количество. При нихъ, конечно, и винные склады.

Въ становищѣ тихо. Половина временнаго населенія его съ разсвѣтомъ ушла въ Океанъ, на пятьдесятъ верстъ

[1]) *Становище* — удобный для стоянки судовъ берегъ, на которомъ промышленники ставятъ по десяти и болѣе избъ.

отъ берега, гдѣ на отмеляхъ ловится треска и палтасъ. Но вотъ, съ наступленіемъ вечера, шняка за шнякой стали подбѣгать къ берегу, и спокойное до того становище огласилось сотнями голосовъ. По избамъ зажглись огни; покручники собираются ужинать. Я зашелъ въ одну изъ нихъ; въ ней помѣщалось человѣкъ до двадцати. Народъ все такой бойкій, разудалый. Здѣсь лучину замѣняетъ тресковый жиръ. Горитъ онъ свѣтло, но коптитъ и воняетъ сильно. Съ непривычки, не долго просидишь въ избѣ. Къ ужину варили свѣжую, только-что выловленную треску; она бѣла и нѣжна, но безъ приправы безвкусна.

На другой день, знакомый мой отправился далѣе, обѣщавъ на обратномъ пути взять меня съ собою. Я остался въ становищѣ, съ намѣреніемъ побывать на *ярусахъ* [1]). *Ярусъ*—это рыболовная снасть, состоящая изъ составныхъ веревокъ, въ двѣ тысячи четыреста и три тысячи двѣсти саженъ длиною, къ которымъ привязываются крючки на тонкихъ веревкахъ въ аршинъ длиною, въ саженномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Наживкою служитъ *мойва*, мелкая всякаго рода рыба, вылавливаемая въ берегахъ Океана, или *ронаки*, большіе толстые черви, которые выкапываются въ песчаныхъ прибрежьяхъ [2]). Ярусъ опус-

---

[1]) *Ярусъ* состоитъ изъ 60 или 80 веревокъ, каждая въ 40 саженъ длиною. Къ такой веревкѣ или *стоянкѣ* привязывается, обыкновенно, до 25-ти крючковъ.

[2]) Весною ловятъ треску на мойву, лѣтомъ же — на червей и сельдей.

кается на дно на *кошкахъ*, якоряхъ средней величины. Мѣста, гдѣ лежитъ эта снасть, обозначаются *кибасами*, большими, привязанными къ ней деревянными поплавками. На ярусы ѣздятъ, обыкновенно, черезъ день, иногда и черезъ два, смотря по улову. Только во время большаго хода трески ихъ осматриваютъ ежедневно.

Покручники спятъ, да съ ними и не разговоришься. Все смотрятъ на тебя, какъ на чиновника и держатъ языки на привязи. Отъ нечего дѣлать, берешь ружіе и идешь за становище. Передо мной обширная площадь, поросшая сѣрымъ мхомъ; подъ нимъ камень. Далеко уходитъ вдаль эта мшистая полярная степь, и нѣтъ, кажется, ей конца, какъ и тамъ, позади меня, въ необозримомъ Океанѣ, съ которымъ она граничитъ. Вспомнилъ я мой зимній переѣздъ по этому берегу, вспомнилъ и о вьюгѣ, бушевавшей въ продолженіи цѣлой недѣли. И есть же ей гдѣ тутъ разгуляться! Нигдѣ ни дерева, и только кой-гдѣ, пріютившись въ разселинахъ скалъ, ползетъ мелкій кустарникъ. Избы, что стоятъ въ становищѣ, выстроены изъ лѣсу, привезеннаго сюда на лодьяхъ. Хорошо еще, что топливо выбрасывается въ берега Океаномъ, а то пришлось бы везти сюда и дрова, какъ это дѣлаютъ промышленники, отправляясь на Грумантъ и Новую Землю.

Долго и много бродилъ я по мшистой пустынѣ и находилъ одну только *полярную куропатку* (Lagopus alpinus. *L.*). Мѣстами поднимались онѣ небольшими стаями и тотчасъ же опускались, скрываясь межъ камней. Это особый видъ бѣлой куропатки, который встрѣчалъ я также

и на Терскомъ берегу Бѣлаго моря. Она вдвое почти менѣе той, которая водится въ лѣсахъ Кемскаго, Мезенскаго и другихъ, южнѣе лежащихъ уѣздовъ Архангельской губерніи. На ногахъ у ней большія *когти*; лѣтомъ пестрая, зимою бѣлая. Эта куропатка едва ли не единственная птица, которая водится въ тундрѣ, прилегающей къ берегамъ Океана; по крайней мѣрѣ, я не видалъ здѣсь ни тетеревовъ, ни рябчиковъ, и не слыхалъ, чтобъ они водились. Причина тому, безъ сомнѣнія, заключается въ отсутствіи лѣсовъ. Правда, растетъ и здѣсь по мѣстамъ мелкій сосякъ, но въ немъ птица эта держаться не можетъ.

По такимъ мелколѣсьямъ водятся здѣсь, въ числѣ другихъ звѣрей, и песцы. Разъ, зимою (это было за Св. Носомъ), ѣду я опушкою лѣса, какъ вдругъ выскакиваетъ изъ нея какой-то звѣрь, весь бѣлый, съ небольшою острою мордою и черными какъ уголь глазами. То былъ *песецъ* (Canis lagopus). Я принялъ было его за собаку: такъ походитъ онъ на нее, и по строенію своему, и по движеніямъ. Я не слыхалъ, но говорятъ, что онъ и лаетъ по собачьи. Недаромъ же и прозвали его песцомъ [1]). Здѣсь, на Мурманскомъ берегу, также какъ и на Терскомъ, нѣтъ цѣнныхъ голубыхъ песцовъ, да и бѣлый водится далеко не въ такомъ количествѣ, какъ по ту сторону Бѣлаго моря, въ обширномъ уѣздѣ Мезенскомъ. Въ особенности

[1]) Бѣлый песцовый мѣхъ цѣнится ниже такъ называемыхъ песцовъ *крестовиковъ*, получившихъ такое названіе, по всей вѣроятности, отъ темныхъ полосъ на спинѣ, напоминающихъ крестъ своею формою.

много водится ихъ въ Большеземельской тундрѣ, на плоской земляной возвышенности, усѣянной песчаными сопками. Тамъ стрѣляютъ ихъ мало; больше ловятъ капканами. Песецъ глупъ, точно щенокъ, и легко попадаетъ въ ловушку. Разъ, зимою, видѣлъ я двухъ живыхъ песцовъ, привезенныхъ въ Архангельскъ изъ Пустозерска.

Къ вечеру вернувшись въ селеніе, я увидѣлъ толпу покручниковъ, съ крикомъ и громкимъ смѣхомъ поднимавшихся въ берегъ. Нѣсколько человѣкъ, ухватившись за концы длиннаго шеста, тащили привязаннаго къ нему покручника. Несчастный стоналъ отъ боли, но товарищи его, ни мало не обращая на то вниманія, встащили его на берегъ и тотчасъ же затѣмъ поволокли подъ гору. Изъ распросовъ моихъ оказалось, что они разминали цингота. Цинга, извѣстная болѣзнь, которою страдаютъ люди во время пребыванія ихъ въ полярныхъ странахъ (особенно зимою), обнаруживается вначалѣ расположеніемъ ко сну. Спитъ человѣкъ, пораженный ею, день и ночь, сутки за сутками, а между тѣмъ, у него понемногу опухаютъ руки и ноги, десны размягчаются и покрываются язвами, точащими кровь, затѣмъ слѣдуетъ кровотеченіе легкими и кишечнымъ каналомъ, и больной умираетъ, наконецъ, отъ упадка силъ, удушенія и потери крови. На Мурманскомъ берегу, также какъ на Новой Землѣ и на Грумантѣ, промышленники зорко слѣдятъ другъ за другомъ, и если замѣтятъ, что кто либо изъ нихъ начинаетъ засыпать, тотчасъ же поднимаютъ на ноги, подвязываютъ подъ руки шестъ и тащатъ въ гору, чѣмъ и останавливаютъ даль-

нѣйшее развитіе болѣзни. Зная объ этомъ, больные, обыкновенно, прячутся, залегая гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ. Такъ сильно овладѣваетъ въ это время человѣкомъ стремленіе къ покою. Цинга, слышалъ я отъ промышлениковъ, приходитъ къ нимъ въ образѣ страшной женщины. Эта „*страшенная чына*“ сложилась у нихъ, по всей вѣроятности, уже подъ вліяніемъ извѣстныхъ лихорадокъ-лихоманокъ.

На другой день, съ разсвѣтомъ, я былъ уже въ Океанѣ. Береговой вѣтеръ гналъ нашу шняку по прямому направленію на сѣверъ, и къ девяти часамъ утра мы были уже на отмеляхъ. Стали вынимать ярусъ, вытянувъ предварительно якорь. Уловъ на этотъ разъ былъ дотого удаченъ, что съ одного яруса снято было рыбы почти полная шняка. Треска попадалась очень часто. Работники едва успѣвали снимать ее съ *крючья* и бросать въ шняку. На иныхъ крючкахъ торчала одна только голова. „(В)нишь, скусила, проклятая!“ замѣчаетъ при этомъ работникъ. Я уже имѣлъ случай говорить объ акулѣ, пожирающей рыбу на ярусахъ. Но вотъ на поверхность воды всплываетъ огромная рыба, очень похожая на камбалу: спина широкая, темнаго цвѣта, оба глаза на одной сторонѣ. Это *палтусъ* (Platessa maxima. L.). Работникъ беретъ острогу и вонзаетъ ему въ спину. Иначе нѣтъ возможности вытащить эту рыбу, такъ какъ въ ней будетъ пудовъ до пяти вѣсу [1]); ктому же ротъ у ней очень малъ и не выдержитъ

[1]) Попадаются палтусы въ 10 и даже въ 12 пудовъ вѣсомъ.

такой тяжести при подъемѣ. Палтасъ, попавшись на крючокъ, бываетъ очень тихъ и легко поднимается на поверхность воды, когда его тащатъ. У него, какъ и у камбалы, спина темная, брюхо бѣлое. Мясо его, извѣстное въ торговлѣ подъ названіемъ *палтусины*, чрезвычайно нѣжно. Въ совершенную противоположность трескѣ, это очень сочная и жирная рыба, а потому пріѣдчива. Ловится, сравнительно съ треской, гораздо въ меньшемъ количествѣ, почему и въ продажѣ дороже.

Вмѣстѣ съ треской и палтусомъ попадалась и *зубатка* (Anarrichas lupus. *L.*), небольшая, чрезвычайно уродливой формы, морская рыба, съ широкою пастью, усаженною множествомъ мелкихъ острыхъ зубовъ. Ее не ѣдятъ Поморы, но считаютъ почему-то полезнымъ держать въ домахъ. Рыбу эту, предварительно высушенную, привязываютъ, обыкновенно, къ потолку, полагая, что она отвращаетъ болѣзни, въ особенности лихорадку.

Трески (Gadus morrhua) и палтасъ, вылавливаемые на Мурманскомъ берегу, тутъ же и солятся на мѣстѣ. Трескѣ обрубаютъ, обыкновенно, голову, затѣмъ распластываютъ и складываютъ рядами въ погреба [1]), пересыпая солью. Изъ *печени* [2]) же ея вытапливаютъ сало, извѣстное въ торговлѣ подъ названіемъ трескового жира. Достаточно просоливщуюся рыбу вынимаютъ изъ погребовъ и тотчасъ же нагружаютъ ею лодьи и шкуны, складывая плотно ря-

[1]) Ямы, выраваемыя въ берегу.
[2]) *Макса* — печень.

дами и вторично пересыпая солью [1]). Только въ Архангельскѣ, перемытая на пристаняхъ, складывается она торговцами въ бочки, въ которыхъ и расходится въ продажу по Архангельской губерніи и смежнымъ съ нею Вологодской и Олонецкой. По зимнему пути отправляютъ ее и въ Петербургъ [2]).

Треска, доставляя здоровую и не пріѣдчивую пищу, подобно сельди, очень нѣжна, а потому скоро портится и получаетъ непріятный запахъ, невыносимый для человѣка, непривыкшаго къ этой рыбѣ. Она не имѣла бы этого запаху, если бы солили ее тотчасъ же послѣ улова, а между тѣмъ, на Мурманскомъ берегу случается не рѣдко, что она пролежитъ въ шняхъ или на берегу въ продолженіи нѣсколькихъ дней до осола. Сушится треска тамъ же на берегу, подъ открытымъ небомъ, развѣшенная на шестахъ [3]). Треска норвежскаго улова сушится подъ навѣсами, а потому не принимаетъ, какъ у насъ, желтаго цвѣта и не выгараетъ на солнцѣ.

---

[1]) Посоленная такимъ образомъ треска (на сто пудовъ рыбы идетъ до 17-ти пудовъ соли) называется *двоесолкою*, въ отличіе отъ *односолки*, трески осенняго улова, засаливаемой прямо въ суднѣ.

[2]) Нѣкоторые изъ богатыхъ Кемлянъ и Колянъ отправляютъ свои пикуны съ грузомъ рыбы прямо въ Петербургъ. — Въ настоящее время цѣна на треску въ оптовой продажѣ стоитъ отъ 1 руб. 20 до 1 р. 60 коп. въ розничной же — до 2-хъ руб. за пудъ. Еще лѣтъ 15 тому назадъ, она не поднималась выше 60 к.

[3]) Соленовяленой трески, извѣстной въ продажѣ подъ названіемъ *поваренки*, я не видалъ въ становищѣ; впрочемъ, сравнительно съ соленою и сушеною, она потребляется въ несравненно меньшемъ количествѣ.

Рыбные промыслы, производимые на Мурманскомъ берегу, начинаются съ послѣднихъ чиселъ мая (приблизительно) и оканчиваются во второй половинѣ августа. Съ послѣднимъ грузомъ соленой рыбы, покручники *идутъ* къ Архангельску, поспѣшая къ Маргаритинской ярмаркѣ [1]), откуда расходятся и разъѣзжаются по домамъ, обыкновенно, послѣ Покрова. На зиму становище пустѣетъ; въ немъ остается только нѣсколько человѣкъ для охраны хлѣбныхъ и соляныхъ амбаровъ. Запасы же дѣлаются, обыкновенно, къ осени, чтобъ къ веснѣ не было недостатка, ни въ хлѣбѣ для работниковъ, ни въ соли для соленія рыбы.

Съ выселеніемъ покручниковъ изъ становищъ совпадаетъ заселеніе зимнихъ лопарскихъ становищъ, расположенныхъ по близости Мурманскаго берега. Мурманскіе Лопари [2]), подобно остальнымъ Лопарямъ бывшаго Кольскаго уѣзда, выкочевываютъ на лѣто изъ своихъ зимнихъ становищъ или погостовъ, передвигаясь съ мѣста на мѣсто по обширнымъ кольскимъ тундрамъ, гдѣ они, по рѣкамъ и озерамъ, какъ я уже говорилъ о томъ въ одномъ изъ очерковъ, занимаются ловлею рыбы, преимущественно семги. Я былъ въ одномъ изъ ихъ становищъ во время зимняго проѣзда моего по Мурманскому берегу. Здѣсь нѣтъ избъ, какъ напр. въ извѣстномъ читателю Масельскомъ погостѣ. Лопари живутъ въ

---

[1]) Маргаритинская ярмарка продолжается съ 1-го сентября по 1-е октября.

[2]) Собственно, такъ называемая Терская Лопь.

вежахъ, шалашахъ, прикрытыхъ землею. Нрава эти Мурманскіе Лопари, слышалъ я, далеко не столь тихаго и кроткаго, какъ тѣ, которыхъ я встрѣчалъ по пути въ Колу, когда ѣхалъ туда черезъ Кандалакшу. Случается, что они грабятъ суда, выбрасываемыя бурями на берегъ Океана. Разъ, видѣлъ я одного изъ нихъ, за грабежъ присужденнаго въ каторжную работу.

Не смотря на близость осенней поры (со второй половины августа наступаетъ для Мурманскаго берега уже холодная осень), погода во все время моего пребыванія въ становищѣ, стояла тихая и довольно теплая, тихая, конечно, относительно, по сравненію съ тѣми страшными бурями, которыя свирѣпствуютъ иногда въ Океанѣ и въ лѣтнюю пору. Но цѣлымъ недѣлямъ бушуютъ онѣ, вздымая волны горами, сбивая и перекатывая на отмеляхъ ярусы, и сидятъ тогда въ берегу покручники, сложа руки, гуляя и пьянствуя отъ нечего дѣлать. Съ особенною силою разыгрываются, говорятъ, бури эти у Св. Носа, тамъ, гдѣ, при входѣ въ Бѣлое море, сходятся два теченія, образующія такъ называемую *толчею*, чрезвычайно опасную для мелкихъ судовъ [1]). Громадныя волны бьютъ въ высокій скалистый берегъ мыса съ такою силою, что брызги взлетаютъ на него, и самой сильной канонадѣ не заглу-

[1]) Большіе иностранные корабли, на всѣхъ парусахъ съ трудомъ переходятъ эту вѣчно волнующуюся толчею, въ которой вода клокочетъ точно въ котлѣ; медленно подвигаются они впередъ, въ этомъ переходѣ, столь медленно, что издали кажется, стоятъ на одномъ мѣстѣ. Малыя суда обыкновенно обходятъ это мѣсто.

шить ихъ рёва. Скала дрожитъ тогда отъ ихъ напора. „Разъ какъ-то“, разсказывалъ мнѣ одинъ мой знакомый, „довелось сидѣть намъ на этой скалѣ въ сильную погоду. Скала дрожжала подъ нами, и мы *видѣли* это по всплескамъ воды, колыхавшейся въ стоявшемъ передъ нами походномъ котелкѣ“.

МЕЗЕНСКАЯ ТУНДРА.

Общій характеръ тундры. — Ямщикъ-Самоѣдъ. — Бѣлая куропатка. — Охота на куропатокъ въ лѣсахъ Архангельскаго уѣзда. — Рысь. — Вьюга. — Самоѣдскій чумъ. — Тундра на другой день послѣ вьюги. — Самоѣдскія собаки. — Самоѣды у зарѣзаннаго оленя. — Замороженная водка. — Самоѣды подъ Архангельскомъ. — Возвращеніе на станцію.

За городомъ Мезенью, самымъ невзрачнымъ и бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ вообще уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, на пути къ Пустозерску, прекращается *тайбола* [1]) и начинается голая тундра. Широко во всѣ стороны раскинулась она и тянется къ сѣверу вплоть до самаго Океана, на востокъ же до Уральскаго хребта, захватывая многія сотни верстъ [2]). Озера и рѣки со скудною растительностью по берегамъ, да мѣстами мелкій ельникъ,

[1]) *Тайбола* — крупные хвойные лѣса.

[2]) Вся эта обширная полоса земли, извѣстная подъ общимъ наименованіемъ Мезенской тундры, подраздѣляется на Канинскую, Тиманскую и Большеземельскую тундры. Тиманская пересѣкается каменными горами (Чайцынъ), а Большеземельская — плоскою земляною возвышенностью.

не достигающій и саженной высоты, разнообразятъ еще нѣсколько въ лѣтнюю пору эту мшистую степь, но придетъ зима, занесетъ ее снѣгами, и тогда съ однообразіемъ этой снѣжной пустыни можетъ сравниться только африканская песчаная степь. Сотни верстъ ѣдете вы по этой снѣжной равнинѣ, и изо-дня въ день стоитъ передъ вами одна и таже неизмѣнная гладь, утомляя и ослѣпляя глаза, особенно, когда освѣщается она солнечными лучами [1]). Кажется, бьешься въ какомъ-то очарованномъ кругу, или стоишь на одномъ мѣстѣ, а между тѣмъ олени мчатся съ быстротою пятнадцати верстъ въ часъ.

Въ концѣ января мѣсяца 185* года проѣзжалъ я по Канинской и Малоземельской тундрамъ, сопровождая одного знакомаго мнѣ чиновника, ѣздившаго по дѣламъ служ-

[1]) Ослѣпительная снѣжная бѣлизна тундры дѣйствуетъ вреднымъ образомъ на глаза, *подбивая* ихъ, по мѣстному выраженію. Сначала опухаютъ вѣки, потомъ на нихъ образуются нарывы, и наконецъ человѣкъ слѣпнетъ, не видя ничего по захожденіи солнца. Промышленники изъ Русскихъ и Кореляковъ особенно подвержены этой глазной болѣзни. Лопари и Самоѣды сноснѣе, но и у нихъ въ зимнее время глазныя вѣки находятся постоянно въ воспалительномъ состояніи. Отъ опухоли глазъ, слышалъ я, ѣдятъ печенку, а отъ такъ называемой *куриной слѣпоты* освобождаются тѣмъ только, что проводятъ нѣсколько дней въ темной комнатѣ.

[2]) Въ Мезенской тундрѣ нѣтъ почтоваго тракта. Обывательскія станціи помѣщаются на такъ называемыхъ *дворахъ*.

скія сани, на высокихъ копыльяхъ. Перегонъ предстоялъ большой, верстъ въ сорокъ безъ малаго. „Не ѣзди, бачка“, сказалъ вожакъ-Самоѣдъ, обращаясь къ чиновнику, „*пурга* [1]) будетъ!“ Утро было ясное и тихое, и никакихъ, повидимому, признаковъ вьюги не замѣчалось. Но Самоѣдъ сказалъ, что будетъ, и этого для насъ было совершенно достаточно. Есть у него примѣты, для другаго неуловимыя, и никогда не ошибется онъ въ своемъ предсказаніи. А въ виду предстоящей опасности — быть заживо погребену въ снѣжномъ сугробѣ, какъ-то невольно вѣрится человѣку, хотя бы человѣкъ этотъ былъ и дикарь, стоящій на весьма низкой степени соціальнаго и умственнаго развитія.

Но что же дѣлать? Вернуться въ избу и засѣсть въ ней, пережидая вьюги, и скучно, и душно, да и Богъ знаетъ, когда она еще поднимется. Съ нами были ружья, а въ избѣ нашлись лыжи. Не медля направились мы къ черивѣвшемуся въ полуверстѣ отъ насъ мелкому ельнику, въ надеждѣ найти тамъ куропатокъ. *Бѣлая куропатка* (Lagopus albus) водится въ Мезенской тундрѣ въ огромномъ количествѣ. И это едва ли не единственная птица изъ семейства *куриныхъ* (Gallineae. *L.*), которая встрѣчается въ безлѣсной тундрѣ [2]). Разъ, въ дальнѣйшемъ переѣздѣ, намъ случалось видѣть стаи куропатокъ

[1]) *Пурга* — вьюга. Сам. *хадъ*.

[2]) Я говорю, безлѣсной, потому что мелкій ельникъ, попадающійся мѣстами, да уродливая, приземистая береза, кой-гдѣ прижившивающаяся къ нимъ, не стоятъ названія лѣса.

въ такомъ громадномъ количествѣ, что казалось, снѣжное облако проносилось подъ нами и разсыпàлось по землѣ чудовищными хлопьями. Такіе перелеты совершаютъ онѣ всегда по вѣтру, въ большомъ сборѣ, и, вѣроятно, недостатокъ въ пищѣ служитъ тому причиною [1]). Слышалъ я, что птица эта, по устройству крыльевъ вообще не способная на далекія и продолжительныя передвиженія, перелетаетъ, однакожъ, съ материка на морскіе острова, отстоящіе на тридцать и болѣе верстъ отъ берега.

Полчаса спустя, были мы уже въ перелѣскѣ, и тотчасъ же, послѣ первыхъ выстрѣловъ, убѣдились, что охота, въ настоящемъ значеніи этого слова, въ тундрѣ на куропатокъ не можетъ имѣть мѣста. Небольшими стаями, поминутно стали онѣ подниматься, на всемъ протяженіи перелѣска, почти изъ подъ самыхъ ногъ нашихъ, и тутъ же вблизи опускались, быстро перебѣгая до новаго небольшаго перелета. Такъ много было ихъ, и такъ близко подпускали онѣ къ себѣ, что послѣ пяти или шести выстрѣловъ у насъ были уже полны руки добычи, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропалъ и всякій интересъ къ охотѣ. Да едва ли не впервые и стрѣляли мы ихъ въ этой мѣстности. Промышленникъ изъ Самоѣдовъ слишкомъ дорожитъ зарядами, чтобъ стрѣлять по нимъ: онъ ловитъ ихъ силками.

Не такова охота на куропатокъ въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ окрестностяхъ Архангельска, гдѣ, при

---

[1]) Лѣтомъ куропатка питается лѣсною и болотною ягодою; зимою же, большею частью, древесными почками, а за недостаткомъ ихъ, молодыми ивовыми побѣгами.

бо́льшемъ числѣ охотниковъ, онѣ очень сторожки, да и водятся далеко не въ столь огромномъ количествѣ, какъ въ Мезенской тундрѣ. Выйдешь, бывало, за-городъ, повернешь съ дороги на болото, и поведешь на нихъ правильную, изъ подъ собаки, полную интереса охоту. Поднятая на чистомъ мѣстѣ, стая дѣлаетъ большой перелетъ и заводитъ въ лѣсъ, гдѣ, только при хорошо выдрессированной собакѣ и при быстрой и мѣткой стрѣльбѣ, можно надѣяться на удачную охоту. Въ противномъ случаѣ, много и долго придется ходить, прежде чѣмъ случайно наткнешься на куропатокъ, обыкновенно, отстаивающихся до послѣдней возможности, да и тогда нужно моментально ловить ихъ на выстрѣлъ, что̀ сдѣлать не такъ-то легко въ густомъ лѣсу, особенно, когда онѣ поднимутся неожиданно. Малѣйшее промедленіе, и, промелькнувъ межъ деревьями, онѣ скроются въ чащѣ.

Всѣ эти затрудненія, легко, впрочемъ, преодолѣваемыя искуснымъ охотникомъ, стрѣляющимъ изъ-подъ собаки, исчезаютъ въ осеннее время, когда куропатки начинаютъ выцвѣтать на зиму, мѣняя красновато-сѣрое оперенiе свое на бѣлое. Не нужно тогда ни собаки, ни умѣнья стрѣлять въ лётъ: бѣлизна выдаетъ бѣдную птицу, и много погибаетъ ея тогда подъ выстрѣлами охотниковъ, отъ которыхъ онѣ совершенно безопасны въ лѣтнюю пору. Правда, чуя опасность, прячутся онѣ въ это время подъ елями и въ ягодникѣ, но зоркій глазъ охотника откроетъ ихъ и тамъ. Случается, что въ глубокую осень, когда куропатки выбѣлѣютъ уже совершенно, выпадетъ снѣгъ, полежитъ съ

недѣлю и вдругъ, за одинъ день, исчезнетъ подъ сильнымъ дождемъ: далеко виднѣются онѣ въ лѣсу, не говоря уже объ открытомъ болотѣ, и подходитъ тогда къ нимъ охотникъ, какъ къ вѣрной цѣли, стрѣляя по сидячимъ. Тяжело приходится имъ отъ этихъ охотниковъ и въ раннюю весну, когда земля зачернѣетъ, а онѣ остаются еще въ зимнемъ своемъ опереніи. Кой-гдѣ мѣстами лежащій снѣгъ даетъ имъ еще тогда нѣкоторую возможность укрыться отъ преслѣдованія. Говорятъ, что прячутся онѣ въ это время на *снѣжинахъ*, какъ будто понимая, что на нихъ онѣ безопасны. Благодаря этой уловкѣ, спасаются онѣ и отъ ястреба.

Добравшись до конца перелѣска, мы намѣрены были пуститься уже въ обратный путь, какъ замѣтили свѣжій слѣдъ какого-то звѣря. Вдали стоялъ такой же мелкій ельникъ, и слѣдъ велъ по прямому къ нему направленію. Приходимъ туда: опять куропатки, но мы не обращали уже на нихъ вниманія. Свѣжесть слѣда заставляла предполагать, что звѣрь недалеко, и, увлекшись преслѣдованіемъ его, сдѣлали мы еще новый переходъ къ третьему, болѣе отдаленному перелѣску, вблизи котораго чернѣлись конусообразные самоѣдскіе чумы. Преслѣдуемый звѣрь, по всей вѣроятности, былъ здѣсь: дальше, на большое пространство кругомъ, растилалась бѣлѣющаяся тундра, на которой глазъ не открывалъ ни дерева, ни кустарника. И дѣйствительно, едва вошли мы въ опушку, какъ онъ, шагахъ въ тридцати, не болѣе, перебѣжалъ намъ дорогу и остановился, смѣло посматривая на насъ своими

кошачьими глазами и поводя острыми ушами, которыя заканчивались кисточками. То была *рысь* (Felis lynx). Мы выстрѣлили по ней, успѣвъ дорогою перерядить ружья, и положили ее на мѣстѣ. Но раненая смертельно, она сдѣлала нѣсколько прыжковъ въ сторону, и затѣмъ еще не скоро далась въ руки, угрожая своими острыми когтями.

Рысь водится повсемѣстно въ Архангельской губерніи, преимущественно въ лѣсахъ Пинежскаго и Мезенскаго уѣздовъ. Въ тундрѣ встрѣчается рѣже, вѣроятно, потому, что, за отсутствіемъ большихъ лѣсовъ, мало находитъ себѣ добычи. Это очень хищный звѣрь, нападающій безъ разбора, и на зайца, и на песца, и на лѣсную птицу, даже на молодыхъ оленей, бросаясь на нихъ, подобно россомахѣ, съ дерева. Тамъ, гдѣ есть для нея добыча держится упорно, не смотря на преслѣдованія. Разъ, пойманная въ капканъ рысь привезена была въ Архангельскъ, но какъ-то ушла изъ клѣтки. Въ продолженіи цѣлой недѣли жила она въ городѣ, перемѣщаясь со двора на дворъ и ежедневно производя страшныя опустошенія въ курятникахъ. На-день скрывалась подъ амбарами, сараями и конюшнями, а ночью выходила на добычу. Лѣсъ былъ по близости, однакожъ, туда она не уходила, и, вѣроятно, долго прожила бы въ городѣ, если бъ ее не убили, подкарауливъ ночью.

Увлекшись преслѣдованіемъ рыси, мы не замѣчали, что погода стала измѣняться и вспомнили о вьюгѣ, предсказанной Самоѣдомъ, тогда только, когда съ помутившагося неба, за часъ до того яснаго, посыпался снѣгъ. Пока вы-

бирались мы на опушку, снѣгъ повалилъ такъ густо, что не видно было ближайшаго перелѣска, хотя до него было съ версту не болѣе. Въ воздухѣ было еще спокойно, но Богъ вѣсть, откуда врывавшійся по временамъ вѣтеръ начиналъ уже взметать снѣгъ подъ нашими ногами. Что было дѣлать? Отъ двора отдалились мы верстъ на семь слишкомъ, и пускаться въ обратный путь, когда съ минуты на минуту ожидалась вьюга, было не совѣмъ безопасно. Случалось, что люди погибали, захваченные вьюгой въ небольшомъ разстояніи отъ жилья. Въ виду предстоявшей опасности, раздумывать было некогда, а потому, не медля ни минуты, направились мы къ самоѣдскимъ чумамъ [1]), хотя и ихъ, за густымъ снѣгомъ, уже не было видно. Хорошо еще, что лаяли на это время собаки, а то и туда пришлось бы идти на авось. Между тѣмъ, вздымая и крутя снѣгъ, поднимался вѣтеръ, въ короткое время усилившійся до такой степени, что мы не замѣчали чума, не смотря на то, что были отъ него въ десяти шагахъ. Если бъ не запахъ дыма, пожалуй, прошли бы мимо. Входимъ. Два Самоѣда, одинъ старый-престарый, другой молодой, сидѣли у огня, разложеннаго по срединѣ, и пекли какую-то рыбу, прислонивъ ее къ огню на дощечкахъ. Велѣдъ за нами вошла молодая Самоѣдка съ котелкомъ, наполненнымъ снѣгомъ, и, поставивъ его на огонь, стала сыпать въ него какой-

[1]) Чумъ, по Самоѣдски *мякапа*, — конусообразный шатеръ, составляемый изъ жердей, зимою накрытыхъ двойными оленьими шкурами, въ лѣтнюю же пору берестомъ.

то порошокъ [1]), съ небольшою примѣсью крупы, но мѣрѣ того какъ снѣгъ, распускаясь, обращался въ воду. Осмотрѣвшись, замѣтили мы еще старуху Самоѣдку, лежавшую подъ оленьими шкурами, и трехъ ребятишекъ. Одинъ изъ нихъ, по старше, увидавъ насъ, голымъ выскочилъ изъ-подъ шкуры, и присѣлъ къ огню, помѣстившись межъ собаками. Дымъ, задерживаемый при выходѣ, наполнялъ собою внутренность чума и выѣдалъ намъ глаза, но мы были рады и тому, что въ это время находились не подъ открытымъ небомъ. Вьюга усиливалась, и нельзя было ожидать, чтобъ скоро прекратилась. Приходилось поневолѣ провести въ чумѣ остатокъ дня, а можетъ быть, и переночевать, хотя грязная, въ высшей степени неопрятная обстановка самоѣдскаго жилища очень не располагала къ тому. Оба Самоѣда — дѣдъ и внукъ — хорошо говорили по-русски, какъ и всѣ вообще Мезенскіе Самоѣды, находящіеся въ постоянныхъ сношеніемъ съ русскимъ населеніемъ края. Оказалось, что принадлежали они къ одному изъ самоѣдскихъ обществъ изъ дальней Большеземельской тундры, и прикочевали сюда нѣсколькими семьями, имѣя въ средѣ своей старшину, уже уплатившаго *ясакъ* [2]) въ Мезенскомъ Казначействѣ, и что въ настоящее время откочевывали они обратно, пробираясь на лѣто въ свою тундру. Тамъ промышляютъ они звѣря и рыбу, и въ лѣтнее время перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто на

[1]) Истолченныя кости.

[2]) *Ясакъ* — подать, состоящая изъ трехъ песцовыхъ шкурокъ, взимаемыхъ съ каждаго Самоѣда, владѣющаго лукомъ.

своихъ оленяхъ, въ саняхъ, какъ и зимою. Молодой Самоѣдъ, съ любопытствомъ осмотрѣвъ наши ружья, показалъ намъ свою старую винтовку, едва державшуюся на ветхомъ ложѣ, тѣмъ не менѣе служившую ему исправно, что подтверждалось нѣсколькими лисьими и песцовыми шкурками, добытыми имъ въ зимній переходъ по тундрѣ. Видѣли мы у него еще нѣсколько горностаевыхъ шкурокъ; двѣ изъ нихъ были еще свѣжи: звѣрки ноймаы были въ ночи въ ближайшемъ перелѣскѣ. Ихъ ловятъ плашками. Въ прежніе годы, по словамъ стараго Самоѣда, стрѣляли въ тундрѣ соболей и чернобурыхъ лисицъ. Теперь ихъ уже нѣтъ. Когда звѣрь этотъ водился въ тундрѣ и когда перевелся, объяснить старикъ же могъ, а, должно быть, много лѣтъ тому назадъ, такъ какъ ему самому было за девяносто. Самоѣды лѣтъ своихъ не считаютъ и живутъ вообще очень долго, если только выдержатъ осну и тифозную горячку. Оспа особенно сильно свирѣпствуетъ: нѣтъ Самоѣда, котораго обошла бы эта болѣзнь, часто влекущая за собою смерть. Цингою Самоѣды не страдаютъ. Свѣжая, еще горячая кровь оленя, употребляемая ими, предохраняетъ ихъ отъ этой болѣзни.

Вспоминая о старинѣ, Самоѣдъ горько жаловался на притѣсненія отъ властей и со стороны русскаго населенія края. Чиновники грабили ихъ, а Мезенцы стрѣляли у нихъ оленей. Теперь не стрѣляютъ у Самоѣдовъ оленей [1])

[1]) Впрочемъ, и въ настоящее время Ижемцы обижаютъ Самоѣдовъ, отбивая у нихъ промысловыя мѣста по рѣкамъ и озерамъ

и чиновники не обижаютъ, но за то чума [1]) производитъ въ иные годы, и довольно часто, страшное опустошеніе въ ихъ оленьихъ стадахъ. Терятъ они не мало и отъ волковъ. Иной разъ одинъ волкъ въ короткое время *зарѣжетъ* до полусотни оленей. Хватитъ, говорятъ, за горло одного и бѣжитъ къ другому, отъ этого къ третьему, и такъ далѣе, пока не перерѣжетъ все стадо [2]).

За разными распросами, да разсказами старика Самоѣда, оказавшагося большимъ потребителемъ тертаго табаку, который онъ то и дѣло высыпалъ себѣ изъ рожка на губу и на языкъ, время прошло не замѣтно до вечера, а вьюга между тѣмъ не прекращалась и, казалось, еще усиливалась къ ночи. Вѣтеръ бушевалъ вокругъ насъ, врываясь въ чумъ сквозь отверстіе, устроенное по срединѣ для выхода дыму, и заносилъ съ собою снѣгъ, падавшій надъ огнемъ въ видѣ дождя. Не только выйти, выглянуть было нельзя изъ двери [3]), если только можно назвать такъ отверстіе, прикрытое оленьей шкурой: снѣгомъ залѣпляло глаза.

Самоѣды предлагали намъ рыбы и лепешекъ [4]), но

и выбивая въ лѣтнее время своими огромными оленьими стадами мохъ на открытыхъ тундрахъ. А выбитый мохъ, какъ извѣстно, вырастаетъ вновь не ранѣе, какъ по прошествіи 30 лѣтъ.

[1]) Сибирская язва.

[2]) Волкъ—не ѣстъ мяса оленя, а только перегрызаетъ ему горло и сосетъ кровь.

[3]) Отверстіе, служащее входомъ въ чумъ, всегда оставляется съ подвѣтренной стороны.

[4]) Самоѣды, какъ и Лопари, ѣдятъ по зимамъ лепешки изъ гре-

полуиспеченныя. онѣ были не по нашимъ желудкамъ. Въ довольно просторномъ чуму отвели намъ мѣсто для ночлега: постелью и одѣяломъ служили оленьи шкуры. Самоѣды сняли съ себя свои *малицы* [1]) и также улеглись подъ шкурами.

На другой день, когда я проснулся, было уже свѣтло. Вьюга прекратилась, но въ ушахъ все еще слышалось завываніе вѣтра. Выхожу изъ чума, и что-же? Передо мной, на значительномъ протяженіи, чернѣлась голая тундра, наканунѣ еще покрытая глубокимъ снѣгомъ. Казалось, чья-то гигантская рука начисто вымела ее за ночь. Но, снеся снѣгъ съ одного мѣста, вьюга набросала его высокими холмами въ другомъ. Ближайшій перелѣсокъ, которымъ мы проходили наканунѣ, не существовалъ: его засыпало снѣгомъ. За чумами снѣгъ лежалъ высокими сугробами. На этотъ разъ, вьюга продолжалась не долго. А то не рѣдко случается, что разгуляется она на двои и на трои сутки, а вѣтеръ обойдетъ съ востока на западъ. Занесетъ тогда самоѣдскіе чумы такъ, что скроются они

вато тѣста, пропекая ихъ у огня на дощечкахъ. Рыбу, большею частью, ѣдятъ они сырою.

[1]) *Малица*—нижняя самоѣдская одежда, въ родѣ рубашки, или скорѣе, мѣшка, съ глухою грудью; шьется изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ. *Совикъ* — шуба изъ оленьей же шкуры, съ капюшономъ, надѣвается съ головы, поверхъ малицы, шерстью вверхъ. Рубахъ Самоѣды не носятъ. Только Канинскіе и Тиманскіе Самоѣды, болѣе обрусѣвшіе, усвоили себѣ рубахи русскаго покроя, да и тѣ носятъ ихъ только въ лѣтнее время. Ложась спать, они, обыкновенно, снимаютъ съ себя малицы и накрываются оленьими шкурами, чѣмъ собственно и предохраняютъ себя отъ холода.

подъ снѣгомъ, и вырываться нужно тогда бѣднымъ Самодамъ на свѣтъ Божій.

Собираясь въ обратный путь къ станціонному двору, замѣтили мы всеобщее движеніе въ становищѣ [1]). Одинъ изъ Самоѣдокъ собирали чумы, снимая съ нихъ оленьи шкуры и складывая жерди; другія возились около *чумковъ*, большихъ ящиковъ, съ крышками на два ската, укладывая въ нихъ свои пожитки и съѣстные припасы [2]). Самоѣды снимались съ мѣста для перехода на другое, такъ какъ олени поѣли весь мохъ въ окружности. Но гдѣже олени? До сихъ поръ мы ихъ еще не видали. Вскорѣ Самоѣды разрѣшаютъ наше недоумѣніе. Вотъ двое изъ нихъ, подвязавъ лыжи, собираютъ лохматыхъ собакъ, очень похожихъ на лисицъ, и длинными мордами, и цвѣтомъ шерсти, и направляются къ дальнему перелѣску, стоявшему въ верстѣ отъ чумовъ. Мы съ любопытствомъ слѣдимъ за удаляющимися Самоѣдами [3]). Вотъ скрылись они за снѣжными сугробами. Послѣ часоваго ожиданія, заслышали мы отдаленный лай собакъ. Лай ближе и ближе, и вскорѣ олень за олешемъ стали показываться на тундрѣ, собираясь въ стадо головъ въ сотню. Вслѣдъ за ними, разсыпавшись полукругомъ, показываются собаки и гонятъ оленей къ чумамъ. Тогда Самоѣды окружаютъ оле-

[1]) Оно состояло изъ семи чумовъ, слѣдовательно, изъ семи семей.

[2]) Разбиваютъ и собираютъ чумы у Самоѣдовъ всегда женщины; мужчины никогда не занимаются этимъ дѣломъ.

[3]) Большею частью. Самоѣды спускаютъ собакъ, давая имъ знать особеннымъ крикомъ, чтобъ онѣ загоняли оленей къ чуму.

ней веревкою и беруть ихъ столько, сколько нужно для упряжи. Каждый знаетъ хорошо своихъ оленей и не ошибется въ выборѣ, хотя, на нашъ взглядъ, сдѣлать это было не легко: такъ олени походили другъ на друга. У всѣхъ одна масть, одинаковое развѣтвленіе роговъ и всѣ почти одинаковой величины.

У одного изъ чумовъ замѣтно было особенное движеніе. Мы подошли къ нему. Двѣ отвратительныя старухи Самоѣдки копошились около дымившихся еще внутренностей только-что зарѣзаннаго оленя, разбирая ихъ окровавленными руками. Нѣкоторые изъ стоявшихъ вокругъ Самоѣдовъ, должно быть, гости хозяина, одинъ за другимъ, съ ножемъ въ рукахъ, подходили къ этому оленю и ѣли сырое, не остывшее еще мясо его, обмакивая отрѣзываемые куски въ горячую кровь, наполнявшую внутренности животнаго [1]). Мы видѣли потомъ, какъ другіе глодали кости, обдирая зубами мясо, и запивали его теплою кровью. Все это не было для меня новостью, какъ не будетъ, конечно, ново и для многихъ изъ моихъ читателей, да и нѣтъ тутъ, правда, ничего особеннаго: Самоѣдъ долженъ ѣсть сырое мясо оленя и пить сырую кровь. Этого необходимо требуетъ вся его жизненная обстановка. Тѣмъ не менѣе, чувство отвращенія, смѣшанное съ любопытствомъ, овладѣвало мною, когда я смотрѣлъ на эту кровавую трапезу. Какъ-то съ трудомъ вѣрится въ такія

[1]) Зарѣзавъ оленя, Самоѣды, обыкновенно, тотчасъ же перевязываютъ артеріальную жилу, чтобъ кровь не вытекла изъ него.

минуты, чтобъ эти существа въ звѣриныхъ шкурахъ принадлежали къ человѣческому роду, и кажется, что стоишь въ звѣринцѣ и смотришь на дикихъ звѣрей во время ихъ большаго кормленія.

Сырое оленье мясо Самоѣды и Самоѣдки *заѣдали* водкою. Я говорю, заѣдали, потому что водка употреблялась ими въ твердомъ, а не въ жидкомъ видѣ. Кускаки льду вынимали они ее изъ мѣшка и, разбивая на мелкіе кусочки, грызли и сосали съ наслажденіемъ, нисколько не подозрѣвая, что то была не водка, а вода, съ очень незначительнымъ спиртнымъ содержаніемъ. А между тѣмъ она доставалась имъ не дешево. Но, это было во времена блаженной памяти откупной системы.

Вообще, Самоѣды Мезенскаго уѣзда очень склонны къ водкѣ, и почти все, что добываютъ звѣринымъ промысломъ, за взносомъ ясака, пропиваютъ. На выручаемыя отъ продажи мѣховъ деньги не всѣ изъ нихъ запасаются даже мукою; большинство довольствуется оленьимъ мясомъ и рыбою, но водку пьютъ всѣ безъ исключенія. Такъ, нѣкоторые изъ Самоѣдовъ, ближайшихъ къ Архангельскому и Пинежскому уѣздамъ мѣстностей, прикочевываютъ на зиму къ Архангельску и, останавливаясь на Двинѣ, подъ такъ называемою Соборною пристанью, даютъ возможность городскимъ жителямъ ежедневно, за очень дешевую плату, совершать прогулки на ихъ оленяхъ [1]). Всѣ вы-

[1]) Стоятъ Самоѣды подъ городомъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ слишкомъ, ежедневно на-ночь разъѣзжаясь по своимъ чумамъ, расположеннымъ гдѣ либо въ окрестныхъ лѣсахъ.

ручаемыя ими за проѣздъ деньги оставляютъ они. обыкновенно, въ городскихъ или сельскихъ питейныхъ домахъ. смотря по тому, гдѣ ихъ получаютъ. Да и на что. въ самомъ дѣлѣ, Самоѣду деньги, когда олень. безъ котораго немыслимо было бы его существованіе. доставляетъ ему все. что только необходимо для него въ его простомъ, незатѣйливомъ быту: и пищу, и одежду, и обувь. и самое жилье. Правда, нужны ему свинецъ и порохъ, но ихъ получаетъ онъ отъ Мезенцевъ въ обмѣнъ за убитаго имъ звѣря.

Молодой Самоѣдъ, въ чуму котораго мы переночевали' вызвался свезти насъ къ станціонному двору. Вскорѣ, четверка рослыхъ. отборныхъ оленей помчала насъ по снѣжнымъ сугробамъ. набросаннымъ вчерашнею вьюгой. Дороги къ избѣ никакой не существовало. тѣмъ не менѣе. не успѣли мы оглянуться. какъ были уже на мѣстѣ. Десятиверстное разстояніе. отдѣлявшее насъ отъ двора. олени пробѣжали въ какіе нибудь полчаса времени! Тотъ. кто не ѣзжалъ по тундрѣ на свѣжихъ. бодрыхъ оленяхъ. можетъ быть, и не повѣритъ этому. но. между тѣмъ. это несомнѣнно [1]).

[1]) По дорогамъ въ тундрѣ, нѣсколько промятымъ. можно на однихъ оленяхъ, не кормя. сдѣлать въ полсутки сто верстъ, останавливаясь только на каждой седьмой или десятой верстѣ. чтобъ олень могъ перехватить снѣгу.

ПИНЕЖСКІЕ ЛѢСА.

Г. Пинега.—Окрестные лѣса.—Медвѣжьи берлоги.—Охота на медвѣдя съ рогатиной. — Разсказъ промышленника-крестьянина о трехъ медвѣдяхъ въ берлогѣ. — Черный медвѣдь.

Бѣденъ и малолюденъ городъ Пинега. Городъ, по оффиціальному своему наименованію, онъ во многомъ уступаетъ инымъ селамъ: онѣ и обширнѣе, и богаче, и жизни, движенія въ нихъ больше. Еще только семь часовъ вечера, но пустынныя и за-день улицы опустѣли уже совершенно. Крохотное населеніе городка, за исключеніемъ кой-кого изъ чиновнаго міра, сидящаго за преферансомъ, уже улеглось спать. Съ разсвѣтомъ поднимется оно на ноги, чтобъ заняться обыденнымъ домашнимъ обиходомъ. Интересовъ общественныхъ никакихъ...

Скука невыносимая... Хоть бы зима прошла скорѣе. Тогда бы въ лѣсъ, въ луга. Лѣсъ же подъ бокомъ, а окрестные луга, широко раскинувшіеся по ту сторону рѣки, — такое раздолье для охоты! [1]).

[1]) Пинега стоитъ на правомъ высокомъ берегу рѣки того же наименованія. Въ пяти верстахъ отъ нея, вверхъ по теченію, отдѣ-

Вотъ дождались и апрѣля. Съ юга начинаетъ навѣвать тепломъ. снѣгъ уже таетъ въ *притинахъ* [1]). Но до полной весны, когда распустятся деревья и зацвѣтутъ травы, еще далеко. Съ нетерпѣніемъ поджидаешь прилета птицы, а между тѣмъ на умѣ охота на медвѣдя. Скоро полѣзетъ онъ изъ берлоги: нужно пользоваться временемъ.

Нигдѣ, по всей Архангельской губерніи, не встрѣчалъ я такъ много медвѣдей, какъ въ лѣсахъ Пинежскаго уѣзда. Бьютъ ихъ мало, да гдѣ-жъ и перебить ихъ, когда весь почти Пинежскій уѣздъ есть одинъ сплошной лѣсъ. Какъ же тутъ, на такомъ привольѣ, не жить и не множиться медвѣдямъ!

Былъ у меня знакомый крестьянинъ въ одной изъ подгородныхъ деревень, большой ходокъ на медвѣдей. И ходилъ-то онъ на нихъ больше безъ ружья. одинъ одинёшенекъ, только съ рогатиной. Лѣсъ тотчасъ же за деревнею, и двѣ, три медвѣжьи берлоги у него всегда уже есть на примѣтѣ. Примѣчалъ онъ ихъ еще съ осени, когда начнутъ уже перепадать снѣга, по слѣду. Нужна большая осторожность и много опытности, чтобъ выслѣдить берлогу не видимо и не слышимо отъ медвѣдя: на первыхъ порахъ, завалившись въ нее, онъ и присматривается и прислушивается, какъ бы предвидя предстоящую ему опас-

---

ляется отъ рѣки рѣчка *Волочанка* и въ девяти верстахъ ниже города, соединяется съ нею, образовавъ между городомъ и рѣкою луговой островъ длиною въ четырнадцать верстъ.

[1]) *Притинъ* — угрѣвное мѣсто, гдѣ снѣгъ, подъ прикрытіемъ стѣны или забора, таетъ сильнѣе.

ность. Зашумитъ ли, хрустетъ ли что по близости, онъ тотчасъ же вылѣзетъ изъ берлоги, обойдетъ вокругъ, и если зачуетъ слѣдъ человѣка, непремѣнно уйдетъ прочь и будетъ искать себѣ новаго логовища. Случается, что поднимутъ его такимъ образомъ, иногда и случайно, въ позднюю пору, когда спячка начнетъ уже одолѣвать его; тогда завалится онъ, по нуждѣ, гдѣ нибудь въ буреломѣ, подъ вывороченнымъ корневищемъ большой сосны или ели. Новой берлоги приготовлять тогда ему уже некогда. Медвѣди зря никогда не заваливаются на зиму. Они всегда приготовляютъ себѣ берлоги, выбирая для нихъ, или природныя логовища въ песчаныхъ лѣвистыхъ крячахъ, или вырывая ихъ, и притомъ въ мѣстахъ сухихъ, возвышенныхъ, чтобъ весною тающій снѣгъ не имѣлъ въ нихъ стока. Нерѣдко въ берлогахъ находятъ мохъ: медвѣдь, какъ видите, заботится даже о постелѣ.

Вскинувъ на плечи легкія лыжи, вышли мы изъ деревни на разсвѣтѣ, чтобъ нѣсколько верстъ пройти по *насту*, который объ эту пору, обыкновенно, распускается къ полудню подъ грѣющими уже лучами солнца. Чтобъ добраться до берлоги, нужно было идти лѣсомъ верстъ пятнадцать: медвѣди не любятъ залегать на зиму по близости жилья. Вотъ и лѣсъ, разумѣется, хвойный, такъ какъ здѣсь нѣтъ чернолѣсья. Рѣдкій въ началѣ, онъ становится гуще и гуще, по мѣрѣ углубленія въ него, и, наконецъ, пошла такая чаща, что съ трудомъ можно было слѣдить за собакою, забѣгавшею впередъ. Все ель да сосна, больше ель, такъ какъ почва земли глинистая. Лѣсъ некруп-

ный, и не мелкій, заваленный буреломомъ, торчащимъ изъ-подъ снѣгу, какъ и вездѣ почти въ лѣсахъ Архангельской губерніи. Мѣстами встрѣчается высокая, стройная *лиственница* [1]). Собака поднимаетъ рябчиковъ [2]) и тетеревовъ, но теперь не до нихъ. Вотъ и ель, помѣченная нарѣзомъ: отъ нея остается уже нѣсколько шаговъ до берлоги. Но, къ удивленію нашему, собака ничѣмъ не обнаруживала близкаго присутствія звѣря. Подходимъ къ мѣсту, гдѣ должна быть берлога, но, по отсутствію отдушины [3]), проводникъ мой заключаетъ, что медвѣдя нѣтъ въ ней. Должно быть, потревоженный кѣмъ либо, онъ оставилъ ее еще осенью.

Нужно идти далѣе. Была у проводника моего еще берлога на примѣтѣ. Но, видно, такой ужъ выдался неудачный день. Собака наша подняла медвѣдя прежде, чѣмъ слѣдовало. Видѣли мы, какъ выскочилъ онъ изъ берлоги, и я стрѣлялъ по немъ, но промаха ли далъ (разстояніе было значительное), или ранилъ его легко, только медвѣдь нашъ пошелъ, вздымая снѣгъ столбомъ и оставляя за собою широкій слѣдъ. Шелъ онъ быстро, не смотря на глубокій снѣгъ и лѣсную чащу. Я видѣлъ, какъ съ легкостью кошки взбирался онъ на деревья, ломая вѣтви и бросая ихъ въ преслѣдовавшую его собаку, и вдругъ быстро спу-

[1]) Въ южныхъ частяхъ Пинежскаго уѣзда есть великолѣпные лиственичные лѣса, раскинувшіеся на большое пространство.

[2]) Въ лѣсахъ Пинежскаго уѣзда водятся самые лучшіе въ Архангельской губерніе рябчики. Недаромъ, въ гербѣ этого уѣзда и помѣщены рябчики на золотомъ фонѣ.

[3]) Отдушина—отверстіе, образующееся въ снѣгу отъ дыханія спящаго въ берлогѣ медвѣдя.

скался, головою вверхъ, только трескъ шелъ по лѣсу. Чаща мѣшала намъ гнаться за нимъ, тѣмъ менѣе подойти на выстрѣлъ. Такъ и скрылся онъ изъ виду.

Никогда не повѣрилъ бы я, еслибъ не видѣлъ того собственными глазами, чтобъ такой тяжелый, по видимому, на ходу звѣрь способенъ былъ на столь быстрыя передвиженія.

Нѣсколько дней спустя, пріѣзжаетъ ко мнѣ тотъ же знакомый мнѣ крестьянинъ и сообщаетъ, что онъ *снялъ* тью-то берлогу. Крестьяне Пинежскіе, бьющіе медвѣдей, передаютъ иногда другъ другу имѣющіяся у нихъ на примѣтѣ берлоги. Нужно было ѣхать верстъ за 20 отъ города, къ *Красногорскому монастырю*, стоящему на высокой горѣ [1]). Подвязавъ лыжи, вошли мы въ лѣсъ, но, на полдорогѣ къ берлогѣ, поднялась такая мятелица, что нечего было и думать о медвѣдѣ. Вотъ идемъ мы обратно, съ трудомъ различая другъ друга въ вихрѣ крутившагося снѣга, какъ вдругъ собака наша взлаяла лаемъ, обозначавшимъ близость медвѣжьей берлоги. Мы только-что хотѣли спуститься по откосу, густо поросшему мелкою елью, на *раду*. Крестьянинъ осмотрѣлся, и зоркій, привычный глазъ его тотчасъ же запримѣтилъ берлогу. „Не стрѣляйте“, сказалъ онъ мнѣ: „въ *пургу* такую не диво и промаха дать. Я и одинъ съ нимъ *слажу*“. Берлога у

[1]) Видъ съ этой горы въ лѣтнюю пору на окрестности великолѣпный. Красногорскій монастырь первоначально назывался Черногорскимъ, должно быть, по Черной горѣ, окруженной темными лѣсами.

медвѣдя устроена была на самой окраинѣ откоса, надъ небольшимъ выступомъ, прикрытымъ вѣтвями упавшей ели. Смотрю, подходитъ къ ней мой проводникъ съ одною рогатиною [1]) въ рукахъ и топоромъ за поясомъ. Медвѣдь нехотя оставлялъ берлогу. Нужно было расшевелить его. Съ изумленіемъ смотрѣлъ я на охотника, какъ онъ прехладнокровно запускалъ въ берлогу рогатину и слегка кололъ лежавшаго въ ней эвѣря. Медвѣдь рычалъ, но не показывался. Но вотъ вышелъ онъ, наконецъ, изъ терпѣнія, взрѣвѣлъ и ринулся въ отверстіе. Минута была страшная. Но едва успѣлъ я вскинуть ружье, какъ онъ сидѣлъ уже на рогатинѣ. Стрѣлять было не для чего. Крестьянинъ, дѣйствительно, могъ *сладить* съ нимъ и безъ моей помощи. Широкое лезвіе *пера* вонзилось ему подъ самое горло [2]), но звѣрь, съ страшнымъ ревомъ взрывая снѣгъ, силился приподняться и лѣзъ на рогатину, самъ добивая себя. Еще одно порывистое движеніе впередъ, и затѣмъ осѣлъ онъ въ берлогу. Черезъ нѣсколько минутъ мы отрыли его: онъ былъ уже мертвъ.

Вечеромъ, за чаемъ, крестьянинъ разсказывалъ мнѣ

---

[1]) Рогатина—шестъ, съ желѣзнымъ обоюдоострымъ наконечникомъ, *перомъ*, по мѣстному говору. Въ небольшомъ отъ этого пера разстояніи крѣпко-на-крѣпко привязывается къ шесту ремнями перекладина, на столько длинная, чтобъ могла удержать медвѣдя, напирающаго на охотника. [illegible] кде чѣмъ поднимутъ звѣря, выходъ изъ берлоги загораживаютъ, обыкновенно, жердями, сложенными на-крестъ.

[2]) Большею частью, колютъ медвѣдя, въ такихъ случаяхъ, подъ лѣвую лопатку.

про свои *ходы* на медвѣдей.—„Приходимъ мы разъ къ берлогу. Спервоначалу-то ходилъ я съ товарищемъ, Калининымъ Петрухой писался, Балагуровичъ, по *уличному уставу*, значитъ [1]). *Удѣльный* (красивый) такой мужичокъ былъ и развеселая головушка. Царствіе ему Небесное! Вотъ подходимъ мы это къ берлогу-то и давай выживать звѣря. Ничего, послушливой былъ: сейчасъ и лѣзетъ, да *матёрой* (большой) такой. А тутъ прямо въ голову ему и налишь: прежде больше что съ *оружьемъ* на нихъ ходилъ. Ну, порѣшили мы это съ нимъ, да и выволокли. Оно бы и прочь идти, такъ Петруха говоритъ: дай-ка слазаю въ берлог-отъ. Любопытствовалъ, значитъ, какое тамъ домовище у звѣря устроено. Только спустился онъ эдакъ по грудь, да какъ запастить: ой, кричитъ, Онисимушко, выволоки, Христа ради! Выволокъ, а на

[1]) Въ Архангельской губерніи каждый почти крестьянинъ, кромѣ фамиліи, которою значится онъ въ ревизскихъ сказкахъ, имѣетъ еще такъ называемый *уличный уставъ*, т. е. прозвище, которое дается ему еще въ ребячествѣ. Большею частью, это чрезвычайно мѣткія, характерныя прозвища. Въ иныхъ большихъ селахъ Архангельской губерніи, напр. въ извѣстномъ уже читателю селеніи Кижостровскомъ, случалось слышать мнѣ *приклады*, сложенные на цѣлые околодки (деревни), превосходно характеризующіе ихъ населеніе. Вотъ для примѣра:

«Лингострова (изъ околодка Лингостровъ) мужики—
Ограять, осмѣять,
На *обрубѣ* простоять», или:
«На Подыбьѣ въ ок(,кѣ
Нѣтъ ни карбаса, ни лодки,
Тамъ и дѣвки полоротки,
Костачи у нихъ коротки,
Чулки съ напусками».

немъ и лица нѣтъ: такъ и трясется. — Что? спрашиваю. — Да на звѣря (в)сталъ, *заворошился!* (зашевелился). Что за оказія, думаю. Неужто и взаправду другой звѣрь въ берлогѣ. *Почали* выживать: не лѣзетъ, покряхтываетъ только, а нейдетъ. Взяли колъ, обтесали его, да и давай его тамъ *буравить* [1]). Ну, этого не взлюбилъ, полѣзъ. Только порѣшили и съ этимъ. Медвѣдица была. — А что, говорю, можетъ, и медвѣжата есть?! Дай-ка и я въ берлог-отъ понавѣдаюсь. А самъ такъ, въ шутку то есть: сами знаете, какіе объ эту пору медвѣжата. *Больно* (очень) ужъ забавно показалось: медвѣдя съ медв ицей въ одномъ берлогѣ нашли. Вотъ влѣзъ я въ берлог-отъ. Большущій такой у нихъ подѣланъ, хоть бы и человѣку жить, и теплынь такая. Только со свѣту-то не видать. Стою эдакъ и пялю глаза, какъ вдругъ рёхнетъ... Не *боязокъ* я былъ и втапоры, а какъ выбрался изъ берлога, ужь не запомню. А Петруха стоитъ, да *грветъ* (смѣется). — Что, говоритъ, небось и *взаболь* (въ самомъ дѣлѣ) медвѣжатка есть? — Какое медвѣжатка, говорю, *большакъ* (взрослый медвѣдь)! — Неужто? А въ берлогѣ-то нѣтъ, нѣтъ, да и рёхнетъ. Вырубили колъ подлиннѣе, нащупали, да и давай буравить съизнова. Только какъ ни старались, не вылазитъ. Что дѣлать? Почали берлогъ разрывать, чтобъ свѣту пустить, да какъ посвѣтлѣло, а онъ въ уголъ забимшись, и не ворохнется. Небольшой

[1]) Когда медвѣдь не охотно оставляетъ берлогу, то его выживаютъ оттуда заостреннымъ коломъ, ввертывая его въ шкуру и вырывая изъ нея шерсть.

былъ, годовалый, *пестунъ*, значитъ. Такихъ медвѣдица при себѣ держитъ, чтобъ дѣтей у ней няньчилъ. Оно хоть и звѣрь, а Богъ тоже смысломъ не обидѣлъ. Ну, прихлопнули и того зарядъ. Такъ вотъ какой случай вышолъ! Третій, никакъ, десятокъ съ этой весны пойдетъ, какъ на звѣря этого хожу, а такого больше не видывалъ".

Основываясь на наблюденіяхъ моихъ надъ образомъ жизни медвѣдя, водящагося въ лѣсахъ Архангельской губерніи, и на разсказахъ о нихъ, я прихожу къ заключенію, что животное это не плотоядное. Его главная пища — коренья: ѣсть и ягоду. Особенно любитъ держаться въ малинникахъ. Ходитъ и на овсы [1]). Плотоднымъ становится онъ случайно. Удастся ему полакомиться мясомъ коровы или лошади, онъ и будетъ потомъ промышлять его. Много есть медвѣдей, которые во всю свою жизнь ни разу не отвѣдаютъ мяса, питаясь только кореньями и ягодой. Не знаю, на сколько справедливо, но мнѣ разсказывали, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мезенскаго уѣзда медвѣди проходятъ бокъ-о-бокъ съ пасущимся скотомъ и не трогаютъ его.

Человѣка медвѣдь никогда не тронетъ, но только въ такомъ случаѣ, если его оставляютъ въ покоѣ. Мнѣ не разъ случалось встрѣчаться съ нимъ: пойдешь себѣ своей дорогой, а онъ своей, только остановится, да посмотритъ, если замѣтитъ. Медвѣдица бываетъ опасна, особенно когда ходитъ съ медвѣжатами. Она кидается на человѣка,

[1]) *Овсы* — поля, засѣянныя овсомъ.

хотя бы онъ ее и не трогалъ, конечно, изъ опасенія за своихъ дѣтей.

Замѣчательно, что медвѣди (я слышалъ объ этомъ отъ одного лѣсника) никогда не нападаютъ на тѣхъ лошадей, которыя на обратномъ пути встрѣчаются съ ними въ лѣсахъ. Извѣстно, что Пинежскія и Мезенскія лошади, будучи проданы въ Архангельскій или Холмогорскій уѣзды, уходятъ оттуда обратно. Идутъ онѣ, обыкновенно, по прямому направленію, пробираясь лѣсами, переплывая рѣки и рѣчки, встрѣчающіяся на пути. Говорятъ, гибнетъ ихъ не мало въ высокихъ отвѣсныхъ берегахъ лѣсныхъ рѣкъ. Подплывутъ къ нимъ, а выдти не могутъ: побьются, побьются, да такъ и затонутъ.

Медвѣдь Архангельской губерніи—обыкновенный медвѣдь, бурой шерсти. На Терскомъ берегу Бѣлаго моря, а также и на Мурманскомъ, водится, слышалъ я, и *черный* (Ursus arctos. Var.). Должно быть, разновидность бураго. Я видѣлъ разъ шкуру этого медвѣдя, съ густою, лоснящеюся шерстью. Онъ былъ случайно убитъ однимъ крестьяниномъ въ ращелинѣ прибрежной скалы.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КАРТА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.